

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1 9 6 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1969

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Стоян Гюров</i> (НРБ). 25 лет социалистической революции в Болгарии	3
<i>Е. Львова</i> . Из истории советско-болгарских художественных связей и болгарской Ленинианы (20—30-е годы XX в.)	15
<i>И. В. Чуркина</i> . Политическая программа Матии Маяра в 1848 году	22
<i>В. М. Жигунов</i> . Мюнхенский стовор и польская дипломатия	34
<i>О. П. Смола</i> . Славянские мотивы в раннем творчестве Асеева	49
<i>В. М. Мокиенко</i> . Ареальный анализ местной географической терминологии и его интерпретация	57

Славяноведение за рубежом

<i>Милан Куделка, Зденек Шимечек</i> (ЧССР). Словарь чехословацких славистов	69
--	----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>С. А. Виноградов</i> . К вопросу о создании типографии в Сербском княжестве в 30-х годах XIX века	76
--	----

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Г. Островский</i> . К вопросу о Кременецкой художественной школе	78
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. С. Нарроевский</i> . Советские танкисты в боях за освобождение Белграда	81
<i>О. П. Валева, М. И. Илягин</i> . Периодическое издание по истории болгарского профсоюзного движения	84
<i>В. Марфина, Г. Мурашко</i> . Схематичное освещение важной проблемы	88

<i>Б. С. Попков, В. А. Дьяков.</i> Маркс, Энгельс и польское освободительное движение	91
<i>И. В. Чуркина, И. И. Лециловская.</i> Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения	92
<i>А. П. Каждан, З. В. Рубцова, И. Заимов.</i> Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителяските имена в българската топонимия'	95
<i>Игорь Вэлза.</i> Новая работа Топоровского о Пушкине	98

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1969 г. (продолжение)	99
Содержание иностранных журналов	103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Фридерик Збиневич</i> (ПНР). Военно-исторический институт Министерства национальной обороны Польской Народной Республики	106
<i>М. Черных.</i> Ленинские чтения	112
<i>Т. П. Блинова.</i> К 50-летию Словацкой Советской Республики	113
<i>И. В. Созин.</i> На кафедре истории южных и западных славян МГУ	114
<i>Б. Флоря.</i> Симпозиум по проблеме славяно-германских отношений	114
<i>В. В. Зеленин.</i> Симпозиум по истории балканского города	115
<i>Й. Шультгейс</i> (ГДР). Конференция по германо-славянской топонимии и ономастике в Лейпциге	116
<i>И. Бунина.</i> К 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла	117
<i>Т. В. Полянина.</i> <u>П. В. Лянтур</u>	118
<i>З. Стрекалова.</i> <u>Зенон Клеменевич</u>	119

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. ВЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕР, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ПИМЕРАЛЬ
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

СТОЯН ГЮРОВ

Член ЦК БКП,

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Народной Республики Болгарии
в Советском Союзе

25 ЛЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

В нынешнем году болгарский народ 25-й раз отмечает величайший день в своей многовековой истории — Девятое сентября. В этот день трудящиеся нашей страны под руководством Болгарской коммунистической партии, при решающей помощи Советской Армии, свергли ненавистную монархо-фашистскую диктатуру и взяли власть в свои руки. Перед страной открылся путь к социализму.

Победа 9 сентября была завоевана болгарским народом в результате тяжелой и длительной борьбы, во главе которой с первых дней своего существования встала Болгарская коммунистическая партия. Верностью идеям социализма, последовательной защитой интересов народа БКП завоевала доверие трудящихся, стала общепризнанным руководителем и вождем и привела народные массы к победоносному вооруженному восстанию.

Болгарская коммунистическая партия прошла долгий путь развития, прежде чем овладела искусством побеждать. Основанная (1891 г.) Димитром Благоевым, одним из наиболее видных и талантливых в то время учеников Маркса и Энгельса на Балканах, она повела непримиримую борьбу против буржуазии и реформистов. Верность рабочему классу, принципам марксизма и пролетарского интернационализма были ее самой характерной чертой. Но только после Октябрьской революции она стала партией нового, марксистско-ленинского типа. Под влиянием Великого Октября партия болгарских марксистов без раскола вступила в III Коммунистический Интернационал и, перевооружившись постепенно идеями и тактикой Ленина, партии большевиков, стала способной руководить борьбой рабочего класса и всех трудящихся против эксплуатации и несправия, за демократию и социализм.

В историю Болгарской коммунистической партии вписана не одна славная страница. Самым героическим периодом ее истории являются годы 1941—1944. В этот период партия и народ вели легендарную борьбу с фашизмом, стоившую ей бесчисленных жертв и закончившуюся победоносным вооруженным народным восстанием 9 сентября.

Празднуя 25-ю годовщину социалистической революции в Болгарии, наш народ глубоко чтит память верных своих сынов, отдавших жизнь в борьбе за его свободу. Он выражает глубокую признательность Советской Армии, КПСС и народам СССР за все то, что они сделали для его освобождения от фашизма и капитализма, за все, что они делают для победы социализма в Болгарии.

I

После свержения монархо-фашистского правительства и установлении народной власти перед Болгарской коммунистической партией встала важнейшая историческая задача — создание нового общественного строя. При решении этой задачи партия опиралась на замечательный опыт социалистического строительства КПСС и советских народов. БКП творчески применяла принципы марксизма-ленинизма, исходя из конкретных внутренних и международных условий, в которых Болгария начала переход от капитализма к социализму.

Под руководством незабвенного вождя и учителя партии и народа, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения Георгия Димитрова V съезд БКП (декабрь 1948 г.) выработал генеральную линию построения социализма в Болгарии, разработал программу развития социалистических производительных сил и производственных отношений, всей общественно-политической, экономической и культурной жизни. Съезд поставил исторические задачи индустриализации и электрификации страны, социалистического переустройства, механизации и модернизации сельского хозяйства, дальнейшего развития социалистического государственного строя, осуществления культурной революции.

Творческое применение нашей партией марксистско-ленинского учения о построении социалистического общества нашло свое выражение прежде всего в вопросе о государстве. 9 сентября 1944 г. в Болгарии была установлена народно-демократическая власть, которая начала выполнять функции диктатуры пролетариата. На V съезде БКП Георгий Димитров указал на то, что это — новая форма пролетарской диктатуры, что народно-демократическое государство является государством периода перехода от капитализма к социализму, призванным обеспечить развитие страны по пути социализма.

Под руководством партии народно-демократическое государство начало социалистическое переустройство народного хозяйства, в связи с чем на первый план выдвинулась задача социалистической индустриализации страны. Целью индустриализации было ликвидировать экономическую отсталость Болгарии, унаследованную от капитализма, и создать материально-техническую базу социализма и прежде всего тяжелую промышленность, которая поставила бы на новые основы всю экономику страны. При этом учитывались природные богатства страны, экономические возможности и нужды Болгарии и мирового содружества социалистических стран. Опираясь на высокую сознательность, дисциплину и самоотверженность масс, партия мобилизовала все народные силы и средства на решение этой ключевой задачи. Огромную роль при этом сыграли братская помощь Советского Союза и сотрудничество с другими социалистическими странами.

Творчески решила наша партия и задачу социалистического переустройства сельского хозяйства. Характерной особенностью этого переустройства явилось то, что производственное кооперирование крестьян в Болгарии осуществилось через трудовые кооперативные земледельческие хозяйства (ТКЗХ), без национализации земельной собственности, при добровольном отказе членов кооперативов от земельной ренты. В условиях Болгарии ТКЗХ оказались наиболее подходящей и приемлемой формой для успешного и безболезненного перехода трудящихся крестьянских масс на социалистический путь.

Болгарская коммунистическая партия и народная власть успешно решили и задачу социалистической культурной революции. Была проведена

широкая демократизация системы образования, реорганизована на новых началах деятельность культурных учреждений. Высшие и другие учебные заведения были перестроены на марксистско-ленинской основе. Были открыты рабочие факультеты, специальные курсы и школы. В результате всего этого появилась огромная армия специалистов для различных отраслей бурно развивающейся экономики страны, новая многочисленная социалистическая интеллигенция.

Проанализировав глубокие социальные изменения, происшедшие в стране, VII съезд БКП (1958 г.) констатировал победу социализма в Народной Республике Болгарии. Эта победа означала, что переходный период от капитализма к социализму в основном закончен. Буржуазия в городе и деревне экономически была ликвидирована. Рабочий класс стал руководящей силой общества не только в политической, но и в экономической сфере. Крестьянство превратилось в новый класс — класс кооперированных крестьян. Болгарская интеллигенция оформилась как социалистическая народная интеллигенция. Укрепился и поднялся на качественно новую ступень боевой союз рабочих и крестьян, который стал союзом двух дружественных социалистических классов. Таким образом, благодаря правильной политике Болгарской коммунистической партии и народного правительства, благодаря энтузиазму и труду народа, огромной братской помощи Советского Союза и сотрудничеству с другими социалистическими странами, наша страна достигла больших успехов. Был выполнен завет Георгия Димитрова — за 15—20 лет добиться того, на что у других народов в иных условиях нужны были столетия.

Исторические завоевания нашего народа неразрывно связаны с одним из важнейших событий в истории социалистической Болгарии — Апрельским пленумом ЦК БКП 1956 г. Апрельский пленум отверг культ личности как явление, несовместимое с социалистическими принципами и идеологией, и восстановил ленинские принципы партийной жизни и руководства. Пленум явился поворотным моментом в жизни партии и страны, он открыл новый этап в нашем социалистическом строительстве — этап динамического развития всего народного хозяйства, дальнейшей социалистической индустриализации ускоренными темпами, интенсификации и специализации сельского хозяйства, развертывания партийной и социалистической демократии и создания творческой атмосферы, подъема жизненного уровня народа и активной внешней политики. Годы после Апрельского пленума стали периодом бурного подъема всей общественно-политической, экономической и культурной жизни Болгарии.

За 25 лет после 9 сентября 1944 г. произошли большие изменения в структуре экономики страны. Из отсталого аграрного государства Народная Республика Болгария превратилась в страну с развитой современной промышленностью и крупным социалистическим механизированным сельским хозяйством. Если в 1939 г. соотношение между промышленной и сельскохозяйственной продукцией составляло 22 : 78, то в 1967 г. — уже 76 : 24. Промышленная продукция возросла в 30 раз. В настоящее время за последние 10 дней наша социалистическая промышленность производит столько же продукции, сколько было произведено за весь 1939 г.

Глубокие структурные изменения произошли в промышленности. Быстро развивались такие традиционные отрасли как пищевая и легкая (главным образом текстильная). Но гораздо более быстрыми темпами развивались другие, новые для Болгарии отрасли, связанные с развитием энергетической и сырьевой базы производства, а также такие, развитие которых вносит прогрессивные изменения в отраслевую структуру, содействует повышению технического уровня производства, внедрению достижений науки и техники и повышению эффективности всей экономики

страны. В этой связи следует прежде всего указать на производство электрической и тепловой энергии. В 1968 г. оно возросло в 54 раза по сравнению с 1939 г. До второй мировой войны Болгария занимала одно из последних мест по производству электроэнергии. В 1939 г. общее производство электроэнергии в стране составило 266 млн киловатт-часов. В 1968 г. было произведено около 15,5 млрд киловатт-часов. По производству электроэнергии на душу населения НРБ превзошла своих соседей, в том числе тех, которые до второй мировой войны значительно опережали ее.

Важное место в промышленности страны заняли такие отрасли, как добыча каменного угля, руды, черная и цветная металлургия. В 1939 г. в Болгарии было добыто 2,2 млн т каменного угля, а в 1968 г. — 31 млн т, т. е. почти в 15 раз больше. Добыча железной руды увеличилась с 10 тыс. т в 1939 г. до 2 млн 642 тыс. т в 1968 г., добыча медной руды — с 4 тыс. т до 7 млн 402 тыс. т, добыча свинцово-цинковых руд — с 24 тыс. т до 4 млн 530 тыс. т. Успешно развивается черная металлургия. Производство стали сейчас составляет 1,5 млн т, проката — свыше 1 млн т. Благодаря развитию цветной металлургии потребности страны в цветных металлах ныне удовлетворяются продукцией отечественного производства.

Все более важное место в промышленности занимает машиностроение. Особенно сильный толчок в своем развитии эта отрасль получила в последние 8—9 лет, так что некогда отсталая Болгария в настоящее время не только удовлетворяет свои потребности в целом ряде машин и оборудования, но и экспортирует некоторые машины на международный рынок. Среднегодовая продукция машиностроения увеличилась после 1960 г. примерно на 19%. В настоящее время продукция машиностроительной и металлообрабатывающей отраслей промышленности составляет около 20% общего объема промышленной продукции. В 1968 г. только за 8 дней машиностроители производили продукции столько же, сколько за весь 1948 г. Народная Республика Болгария наладила выпуск двигателей внутреннего сгорания, электродвигателей, электрокаров, тракторов, приборов и измерительной аппаратуры сотен различных сложных машин и приборов, о производстве которых в прошлом нельзя было и мечтать. Партия и правительство уделяют внимание развитию не только тяжелой, но и легкой промышленности, а также дальнейшему удовлетворению растущих потребностей населения. Быстрыми темпами развивается химическая и нефтеперерабатывающая промышленность. В 1968 г. эта отрасль дала стране 504 тыс. т минеральных удобрений, примерно в 15 раз больше чем в 1956 г., 135 тыс. т азотных удобрений, 229 тыс. т кальцинированной соды и т. д. Было переработано около 4 млн т нефти.

Важную особенность промышленного развития страны составляет сравнительно быстрая интенсификация производства, которая выражается в растущей производительности труда, в более современном использовании оборудования и материалов, в более рациональном территориальном размещении предприятий и в расширении специализации и кооперирования. Все это, в конечном счете, приводит к повышению рентабельности промышленности. В истекшем 1968 г. прибыль на 100 левов производственных фондов выросла на 16%; 78% прироста промышленной продукции получено за счет повышения производительности труда.

Глубокие структурные изменения произошли в сельском хозяйстве. Оно полностью переведено на социалистические рельсы. Более 1 млн мелких крестьянских хозяйств объединились в сельскохозяйственные кооперативы. Таким образом была достигнута такая концентрация сельского хозяйства, которая позволяет широко применять современные формы организации труда, современные методы производства. В конце 1967 г.

в стране насчитывалось 866 ТКЗХ, располагавших 3 332 100 га обрабатываемой земли, и 225 государственных хозяйств с 382 800 га обрабатываемой площади. В сельском хозяйстве преимущественное развитие получили многолетние культуры, производство овощей, технических и кормовых культур. Площадь под фруктовыми садами увеличилась с 47 500 га в 1939 г. до 173 600 га в 1968 г. Промышленные посадки винограда занимали в 1968 г. 1 365 991 га, в то время как в 1939 г. их практически не было. Значительно расширились площади под техническими культурами: подсолнечником, сахарной свеклой, табаком, хлопком и др. Если в 1939 г. они занимали 9,2% посевных площадей, то в 1968 — 13,9%.

Быстро расширяется и укрепляется материально-техническая база сельскохозяйственного производства. Только в период с 1957 по 1967 гг., т. е. после Апрельского пленума ЦК БКП основные производственные фонды в сельском хозяйстве увеличились примерно в 2,4 раза. В 1952 г. в среднем на 100 га обрабатываемой земли приходилось 13 лошадиных сил механической мощности. В 1956 г. эта цифра увеличилась до 27 л. с., а в 1957 г. — уже до 115 л. с. По сравнению с 1939 г. производительность труда в сельском хозяйстве возросла примерно в 4 раза.

Все более расширяется химизация сельскохозяйственного производства и орошаемое земледелие. В настоящее время в Болгарии на 1 га приходится 170 кг чистого вещества минеральных удобрений, а орошаемые земли составляют 23% всей обрабатываемой площади. Орошаемое земледелие способствует не только дальнейшему прогрессивному изменению структуры производства, но и эффективной борьбе с частыми засухами.

Значительно улучшился также сортовой состав сельскохозяйственных культур и племенной состав стада. В результате увеличилась средняя урожайность в растениеводстве, повысилась продуктивность животноводства. Средний урожай пшеницы в 1967 г. был в 2,3 раза выше, чем в 1939 г., кукурузы — в 2,5 раза; подсолнечника — в 1,9 раза; сахарной свеклы — в 1,9 раза и т. д. Средний надой молока в ТКЗХ от каждой фуражной коровы достиг в 1967 г. 2763 литров. Валовая продукция сельского хозяйства за прошедшие 24 года удвоилась по сравнению с 1939 г.

За четверть века национальный доход возрос в 5 раз. Увеличение национального дохода НРБ является красноречивым ответом всем тем, кто считает, что высокие темпы роста экономики социалистических стран обуславливаются главным образом низким исходным уровнем. В период с 1949 г. по 1967 г. национальный доход страны возрастал ежегодно в среднем на 8,5%, а за десятилетие — 1957—1967 — на 9,2%. Значительно повысились темпы роста национального дохода в последние несколько лет.

Решающим фактором высоких темпов национального дохода является быстрый рост общественной производительности труда. За период 1949—1967 гг. общественная производительность труда ежегодно увеличивалась в среднем на 9,1%, а после 1956 г. — на 10,1%. Быстрый рост национального дохода используется для ускорения создания материально-технической базы народного хозяйства и для постоянного повышения благосостояния народа. Большая часть национального дохода (70—75%) идет на повышение жизненного уровня болгарского народа, на удовлетворение его материальных и культурных нужд. В период социалистического строительства реальные доходы населения постоянно увеличивались. В 1967 г. они были в 2,7 раза выше, чем в 1952 г. Благодаря социальной политике партии и государства наблюдается тенденция все большего сближения доходов рабочих и крестьян.

Ярким показателем повышения покупательной способности населения являются быстрые темпы роста товарооборота. В 1952—1968 гг. товарооборот в Болгарии увеличился более чем в 5 раз. Все более растет

продажа культурно-бытовых товаров (радиоприемников, телевизоров, электробытовых приборов, мотоциклов, легковых автомобилей).

Особенно выразительным показателем повышения благосостояния народных масс является жилищное строительство. Ныне каждая вторая болгарская семья живет в доме, построенном за годы народной власти.

Велики завоевания болгарского народа в области культуры. В стране создана широкая сеть различных видов учебных заведений. Система образования построена на принципе единства просвещения и воспитательной работы при бесплатном обучении и обязательном восьмиклассном образовании. В 1968/69 учебном году в Болгарии насчитывалось 1 573 717 учащихся, т. е. учится каждый пятый человек. На каждые 10 тыс. человек приходится 173 специалиста с высшим образованием. Большая часть студентов получает стипендии от государства, ТРЗХ, других организаций.

Число специалистов с высшим и средним образованием, в общем количестве занятых в народном хозяйстве, непрерывно растет. Теперь в Болгарии работают 10 400 научных работников в 155 научных институтах.

Книга прочно вошла в повседневную жизнь трудящихся, стала постоянным спутником народа. В стране существует 22 издательства, которые издают почти в пять раз больше книг на душу населения, чем в предвоенном 1939 г. Болгария занимает одно из первых мест в мире по количеству книг, издаваемых на душу населения. В 1939 г. общий тираж книг составил 6 млн 500 тыс. экземпляров, а в 1966 — 39 млн. Непрерывно растет и число изданных названий: 737 названий в 1944 г., 3579 — в 1968 г.

Подъем переживает и библиотечное дело. Оно продолжает и развивает далее демократические традиции прошлого. В стране насчитывается 10 813 общественных библиотек с книжным фондом в 38 млн 443 тыс. томов. Почти все села с населением более 500 человек имеют читальни.

Болгарские трудящиеся располагают более чем 1100 клубами и домами культуры. В болгарских селах работает 308 музыкальных школ, 360 литературных кружков. Необычайно широкой по охвату и достижениям является художественная самодеятельность. В самодеятельном искусстве участвует свыше 0,5 млн трудящихся, организованных в 14 300 художественных коллективов. Только сельские художественные коллективы поставили в 1968 г. 40 тыс. спектаклей. Болгарская литература постоянно обогащается замечательными самобытными произведениями. В нее вошло много новых имен. Наши писатели имеют тысячи читателей и почитателей и за пределами страны, почти на всех континентах. Произведения болгарских авторов переведены на 65 языков.

Велик интерес болгарского народа к театральному искусству. В стране работает 39 государственных театров (26 драматических, 5 оперных и 8 кукольных). Болгарское театральное искусство, опираясь на богатые демократические и реалистические традиции, добилося успехов как в области режиссуры и постановки спектаклей, так и в области актерского мастерства. Репертуар театров преимущественно современный, но он включает и классические болгарские пьесы, а также многие произведения мировой классической и современной драматургии.

За 25 лет болгарские композиторы создали большое количество музыкальных и музыкально-сценических произведений, многие из них утвердились на болгарских и на некоторых зарубежных сценах. Разнообразные концерты, смотры, фестивали и т. п. являются убедительным подтверждением демократизации музыкального искусства. В 1968 г. концертное управление организовало в стране 9 тыс. концертов. Многие коллективы самодеятельности стали известны за пределами Болгарии. Они завоевали немало международных наград, вызывая симпатии к болгарскому искусству простых людей зарубежных стран.

В культурной жизни Болгарии значительную роль играет и изобразительное искусство. Ярким показателем возросшего интереса народа к изобразительному искусству является открытие в стране, в том числе и в селах, целого ряда художественных галерей и собраний. Их число за 25 лет достигло 30.

Болгарская кинематография имеет небольшую историю. Однако ежегодно выпускается уже более 250 художественных, короткометражных и научно-популярных фильмов, многие из которых демонстрируются почти в 70 странах. Болгарские фильмы были представлены на 30 международных фестивалях и неделях фильма. Широкая сеть кинотеатров способствует популяризации киноискусства. За 25 лет с 32-х число сельских киноустановок увеличилось в 90 раз, а количество зрителей — в 100 раз. В результате возросшего интереса к искусству кинозалы страны в прошлом году посетило 120 млн зрителей.

В большей части болгарских городов утвердились замечательные традиционные праздники культуры, такие, как Мартовские дни музыки в г. Русе, Сиреневые музыкальные праздники в г. Ловече, Фестиваль камерных хоров «Золотая Диана» в г. Ямболе, театральные торжества в г. Видине и пр. Ежегодно в городах страны проводятся праздники культуры, декады, недели кинофильмов, музыки и других видов искусства.

Болгария является местом проведения нескольких крупных международных культурных мероприятий — Международного конкурса молодых оперных певцов в Софии, Международного фестиваля камерной музыки в Пловдиве, Международного конкурса артистов балета в Варне, Международного фестиваля устного народного творчества в Бургасе и др. Это — новые явления, свидетельствующие о широте культурной жизни страны, о возросшем уровне музыкальной культуры.

Чрезвычайно важное место в общем культурном подъеме страны принадлежит болгарскому радио и телевидению. В настоящее время Болгарское радио имеет 8 программ и в течение суток ведет передачи более 46 часов для страны и одновременно более 23 часов вещает на 11 иностранных языках. Современные средства информации и распространения культуры во все более массовом масштабе входят в быт народа. В стране радиодиффундировано 2280 населенных пунктов. К концу 1968 г. число зарегистрированных радиоприемников достигло 1 537 500, радиоточек 675 000 и телевизоров — 600 000.

Большие успехи имеет Болгария в области периодической печати. В стране выходит 719 газет тиражом в 698 777 000 экземпляров в год.

В Болгарии бережно относятся ко всему, что связано с прошлым народа, много заботятся об изучении культурных ценностей и сохранении произведений народного гения для будущих поколений. До 9 сентября 1944 г. в Болгарии было несколько государственных музеев и несколько десятков музейных коллекций. В настоящее время в стране имеется 144 музея и художественных галерей.

Притягательная сила болгарской культуры заключается в том, что она правдива, человечна, глубоко оптимистична по своей природе, пробуждает и развивает в людях самые лучшие чувства, самые высокие моральные качества. Ее вдохновляет стремление найти и отразить новое, прогрессивное в жизни, талантливо подчеркнуть красоту социалистического мира и богатство нового человека.

В настоящее время страна находится на новом этапе — этапе строительства развитого социалистического общества. Главная задача этого этапа, определенная в решениях VII, VIII и особенно IX съездов Болгарской коммунистической партии, — продолжить и завершить построение социалистического общества путем дальнейшего укрепления его матери-

ально-технической базы, совершенствования социалистических общественных отношений, роста социалистической сознательности трудящихся и в результате этого повысить жизненный уровень народа.

В духе решений IX съезда БКП (ноябрь 1966 г.) на протяжении последних лет Центральный комитет партии, по инициативе и под руководством Первого секретаря ЦК тов. Годора Живкова, разработал чрезвычайно важные документы, в которых поставлены задачи, вытекающие из требований строительства развитого социалистического общества.

Новый этап развития страны, интенсификация производства, играющая главную роль в дальнейшем подъеме производительных сил, научно-техническая революция и интеграция производства в международном масштабе, все более активное участие НРБ в международном торговом обмене, необходимость ускорить темпы повышения национального дохода и поднять на этой основе жизненный уровень народа вызвали к жизни новую систему руководства народным хозяйством. По существу новая система является конкретным претворением в жизнь и дальнейшим развитием ленинских принципов руководства и управления, примененных к болгарским условиям современного этапа.

Новая система не сводится только к решению хозяйственных задач. Она затрагивает все основные стороны общественной жизни страны. Особенно важны в этом направлении решения Июльского пленума ЦК БКП (1968 г.). На этом пленуме Первый секретарь ЦК БКП тов. Т. Живков дал глубокий анализ сложного комплекса вопросов, связанных с социально-политическим, экономическим и культурным развитием Болгарии. С научной точки зрения были освещены современные проблемы и тенденции развития Болгарии, была намечена долгосрочная программа дальнейшего совершенствования системы управления и планового руководства. При этом учитывался как собственный болгарский опыт, так и опыт других социалистических стран, прежде всего Советского Союза.

Одной из характерных черт экономической политики партии на настоящем этапе является стремление поставить все народное хозяйство на современную научно-техническую основу. Огромное значение имеет внедрение передовых методов и технологий в сельское хозяйство.

Вкладывая материальные и духовные силы в построение социализма, болгарский народ на собственном опыте убедился, что крупные социально-экономические проблемы строительства развитого социалистического общества могут быть решены только путем последовательного проведения политики дальнейшего углубления экономического и научно-технического сотрудничества, интеграции экономики Болгарии с экономикой Советского Союза и других стран — членов СЭВ.

Бурно развивающаяся экономика НРБ завоевывает ей все больший авторитет передового социалистического государства в международном экономическом, политическом и государственном отношениях. На международных рынках Болгария выступает как достойный и уважаемый партнер.

За 25 лет свободного социалистического развития болгарский народ одержал крупные победы, так как имел испытанного и общепризнанного руководителя — Болгарскую коммунистическую партию. Болгарская коммунистическая партия беспредельной верностью интересам рабочего класса и народа, марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму, мудрым руководством жизнью страны после победы революции, прозорливостью и энергией завоевала уважение и горячую любовь трудящихся страны. Руководящая роль партии является самой надежной гарантией будущих успехов нашего народа на пути социализма и коммунизма. Важной является и роль, которую играют в социалистическом строительстве Болгарский земледельческий народный союз, профессиональные

союзы и Димитровский коммунистический союз молодежи. Болгарская коммунистическая партия ведет народ по широкому пути, открытому Великой Октябрьской социалистической революцией. Партия опирается на опыт и закономерности построения социалистического общества в Советском Союзе, на опыт других братских социалистических стран, на принципы марксизма-ленинизма. Она самокритично относится к своей работе, стремится вовремя вскрывать и устранять недостатки, ошибки и слабости, укреплять единство своих рядов, совершенствовать социалистические общественные отношения. Партия следует завету Георгия Димитрова правильно сочетать социалистический патриотизм с пролетарским интернационализмом, быть чуждой и национальному нигилизму, и буржуазному национализму, всегда учиться на всемирно-историческом опыте Коммунистической партии Советского Союза, идти плечом к плечу с ней. Партия отвергает такую модель социализма, согласно которой экономическая жизнь развивается под стихийным воздействием законов товарного производства и капитализма. Она выступает и против китайской модели социализма, которая подменяет руководящую роль коммунистической партии субъективной волей клики, коллективный метод руководства — произволом одной обожаемой личности, творческие идеи Маркса — Энгельса — Ленина — цитатами из высказываний этой личности, стремление к более высокой материальной и духовной культуре — идеализацией примитивизма и бедности, международную пролетарскую солидарность — самым разнузданным шовинизмом, трезвую оценку революционного процесса — революционной фразеологией и авантюризмом, борьбу за единство коммунистического движения — антисовезтизмом и раскольническими действиями в коммунистических партиях.

После Апрельского пленума ЦК партия стала во главе глубокого процесса демократизации всей общественной, хозяйственной и культурной жизни, способствующей дальнейшему раскрытию творческих сил народа. Этот процесс находит выражение в мероприятиях, направленных на повышение роли представительных органов народной власти — Народного Собрания и народных советов, и во все более активном участии трудящихся в управлении государством, производством и пр.

Линия партии в этом вопросе не имеет ничего общего с буржуазной и мелкобуржуазной демагогией о «либерализации», «возрождении», «гуманизации социализма», которой пользуются антикоммунистические пропагандистские центры империализма. Эта линия не имеет ничего общего с призывами дать простор мелкобуржуазной накипи в социалистических странах, проводить так называемую «демократизацию» без коммунистической партии или даже против нее. Социалистическая демократия в Болгарии расширяется не потому, что таковая отсутствует, а потому, что жизнь болгарского общества изменяется и идет вперед. Трудящиеся НРБ хорошо понимают, что демократизация социалистического общества может осуществляться только под руководством коммунистической партии.

II

Победа социалистической революции в Болгарии положила начало коренному перелому и во внешней политике страны. Внешняя политика перестала служить грабительским целям эксплуататорских классов и была поставлена на службу народа. Народная Республика Болгария руководствуется стремлением к сохранению мира, к расширению и углублению сотрудничества между народами на основе равноправия и уважения государственного суверенитета каждой страны.

Основное направление внешней политики страны — все более расширять братское сотрудничество и единство с народами социалистического содружества и прежде всего с великим Советским Союзом. Еще на V съезде БКП Георгий Димитров сказал: «Наша партия... имеет ту историческую заслугу, что она сумела еще больше углубить признательность болгарского народа своим освободителям и сделать дружбу с Советским Союзом краеугольным камнем внешней политики нашей Народной Республики».

Важным этапом в развитии болгаро-советской дружбы является подписание 18 марта 1948 г. в Москве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, принципы которого получили дальнейшее развитие в новом договоре, подписанном в 1967 г. Эти договоры обеспечивают надежную защиту национальной независимости и государственного суверенитета НРБ и создают самые благоприятные условия для социалистического строительства. Наша страна заключила договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и с другими социалистическими странами, что является важным вкладом в укрепление мировой системы социализма.

Замечательные успехи, которых добился наш народ во всех областях материальной и духовной жизни, были бы немыслимы без братской помощи Советского Союза. Развитие социализма в Болгарии происходило и происходит под животворными лучами болгаро-советской дружбы.

Основные и самые крупные промышленные предприятия Болгарии построены благодаря оборудованию и проектам, полученным из Советского Союза. СССР предоставляет Болгарии инвестиционные кредиты с минимальным процентом. Большая часть болгарских заводов построены за счет кредитов, полученных в Советском Союзе. До настоящего времени было использовано свыше 1,8 млрд руб. советских кредитов.

Огромную помощь получила страна от СССР для развития науки и осуществления технического прогресса. Только за период 1951—1966 гг. СССР предоставил Болгарии свыше 4000 комплектов научно-технической документации. Около 5000 болгарских специалистов и научных работников повысили свою квалификацию в СССР, свыше 5000 советских специалистов оказали стране конкретную научную и техническую помощь.

В последние годы между двумя странами все шире осуществляются непосредственные научно-технические связи, сотрудничество и взаимодействие между отдельными ведомствами, научно-исследовательскими институтами, организациями и др. Благодаря недавно заключенному экономическому соглашению между НРБ и СССР решаются основные проблемы болгарской экономики: проблемы энергетического баланса, древесины, черных металлов, машиностроения, синтетических волокон, рынка для продукции болгарского сельского хозяйства. Сотрудничество между НРБ и СССР — образец искренних и братских отношений между двумя социалистическими странами. Болгария является активным членом Совета Экономической Взаимопомощи и прилагает усилия для повышения его роли в интересах развития всех социалистических государств. НРБ является верным членом Варшавского Договора — надежной защиты социализма против происков империалистов и искренне заботится о совершенствовании его организации и укреплении его оборонной мощи.

Верная принципу пролетарского интернационализма, Болгария последовательно поддерживает борьбу народов против национального угнетения и империалистической зависимости и выступает в ООН с предложениями в поддержку народов, борющихся за свое освобождение, за реализацию Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Социалистическая Болгария оказывала и будет оказывать всестороннюю поддержку героическому вьетнамско-

му народу в его справедливой борьбе против американских интервентов. Вместе с другими социалистическими странами и всеми прогрессивными и миролюбивыми государствами мира НРБ настаивает на полном выводе американских войск из Вьетнама и на предоставлении вьетнамскому народу возможности самому решать свою судьбу.

Народная Республика Болгария непрерывно расширяет свои политические, экономические и культурные связи с развивающимися странами, особенно с теми, которые пошли по некапиталистическому пути развития. Она поддерживает торговые отношения с 65 развивающимися странами, имея с 33 из них торговые соглашения, с 13 — соглашения о научно-техническом сотрудничестве и с 7 — соглашения о кредитах. Товарообмен НРБ с развивающимися странами за период 1955—1967 гг. увеличился более чем в 16 раз, а в 1970 г. достигнет 170 млн долларов, т. е. увеличится почти в 20 раз. Болгарские строители, инженеры, архитекторы работают в ряде стран, помогая укреплению национальной экономики этих стран.

В своих взаимоотношениях с капиталистическими государствами Народная Республика Болгария неизменно руководствуется принципами мирного сосуществования, рассматривая его как форму продолжения классовой борьбы с империализмом политическими, экономическими и идеологическими средствами. В соответствии с этими принципами НРБ решительно противостоит любой попытке империалистических государств «экспортировать контрреволюцию» в какой бы то ни было форме.

Проводя политику мира и мирного урегулирования международных конфликтов и споров, Народная Республика Болгария прилагает все усилия для ликвидации опасного очага напряженности на Ближнем Востоке. Она настаивает на выводе войск израильских агрессоров с оккупированных им арабских территорий и на решении ближневосточного кризиса на основе резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 г. Вместе с другими миролюбивыми государствами Болгария активно участвует во всех мероприятиях, имеющих целью не допустить пересмотра границ европейских государств западногерманским милитаризмом и реваншизмом и преградить ему путь к атомному оружию. НРБ считает, что создание эффективной системы европейской коллективной безопасности имеет исключительное значение для мира в Европе и на всем земном шаре и поддерживает любую инициативу в этом направлении.

Следуя политике мирного сосуществования государств с различным общественным строем на основе равноправия и взаимной заинтересованности в мире и международном сотрудничестве, Болгария развивает связи с теми европейскими капиталистическими странами, правительства которых в большей или меньшей степени трезво и реально оценивают современную обстановку и склонны придерживаться принципа мирного сосуществования. Поддержание и укрепление мира и добрососедских отношений на Балканах — одна из центральных задач внешней политики Народной Республики Болгарии. В последние годы страна выступила с рядом конструктивных предложений, которые с интересом были встречены в балканских государствах. Оно и впредь будет стремиться к дальнейшему расширению сотрудничества и укреплению связей между всеми балканскими странами и превращению Балкан в зону мира.

Народная Республика Болгария ведет активную внешнюю политику и поддерживает дипломатические отношения с 79 странами, торговые отношения — более чем с 100 странами, имея торговые соглашения более чем с 60 странами. В 1966—1967 гг. она была членом Совета Безопасности ООН. НРБ избрана членом Экономического и социального Совета ООН на 1968—1970 гг., она представлена в Комитете 18-ти по разоружению, в Специальном Комитете 24-х по деколонизации и других органах ООН.

Болгария участвует в работе специализированных организаций ООН — ЮНЕСКО, Совета по торговле и развитию, Международного атомного агентства и во многих других международных организациях. Уже 25 лет НРБ проводит миролюбивую внешнюю политику. Эта политика правильна и плодотворна, она полностью отвечает национальным интересам страны, интересам мирового революционного движения.

Болгарский народ встречает 25-ю годовщину своей социалистической революции в замечательное время, когда Коммунистическая партия Советского Союза, советский народ, рабочий класс всего мира, все прогрессивное человечество готовятся отпраздновать 100-летие со дня рождения В. И. Ленина — гениального продолжателя революционного дела Маркса и Энгельса, основателя КПСС и советского государства, организатора и руководителя первой в мире победоносной Великой Октябрьской социалистической революции, учителя и вождя мирового пролетариата.

Для партии и народа НРБ эти два юбилея самым тесным образом связаны между собой и не отделимы друг от друга. Многолетняя революционная борьба болгарского народа за победу социализма не отделима от бессмертных идей и великого дела Ленина. Торжество социализма в Болгарии является победой творческого марксизма-ленинизма. Болгарская коммунистическая партия и трудящиеся глубоко сознают, что безграничная верность ленинизму — залог их дальнейших побед. Верная идеям бессмертного Ленина, БКП неуклонно вносит свой вклад в сплочение международного коммунистического и рабочего движения на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Будучи одним из инициаторов созыва Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в июне с. г. в Москве, БКП сыграла важную и конструктивную роль в подготовке совещания и его работе. В речи тов. Тодора Живкова глубоко обоснована позиция партии по самым актуальным проблемам международного коммунистического и рабочего движения и антиимпериалистической борьбы. Пленум ЦК БКП 2 июля с. г. одобрил результаты работы Совещания и принятые им документы. Наша партия и впредь будет делать все возможное для дальнейшего сплочения мирового коммунистического и рабочего движения и социалистического содружества, для еще большего укрепления братской дружбы с великим Советским Союзом, будет оказывать полную поддержку всем антиимпериалистическим силам в их борьбе за развитие мирового революционного процесса. 100-летие со дня рождения Ленина будет широко отмечаться в Народной Республике Болгарии. Центральный Комитет БКП принял специальное постановление по этому поводу. Празднование этой знаменательной годовщины в Болгарии послужит новым стимулом для углубленного изучения ленинского теоретического наследия, для воспитания трудящихся в духе неколебимой верности идеям Ленина, нашему старшему брату, дважды освободившему Болгарию — великому советскому народу, в духе последовательного пролетарского интернационализма, непримиримости к буржуазной идеологии и морали, ко всем и всяким отклонениям от марксизма-ленинизма.

Дело Ленина дорого болгарским трудящимся, и они отметят его юбилей новыми крупными успехами в социалистическом строительстве. В настоящее время их усилия направлены на претворение в жизнь больших задач по построению развитого социалистического общества, поставленных IX съездом партии и Июльским пленумом ЦК БКП. Трудящиеся социалистической Болгарии полны оптимизма и уверенности в завтрашнем дне и под руководством Болгарской коммунистической партии отдадут свои знания и силы делу социализма и коммунизма, всестороннему процветанию своей социалистической Родины.

Е. ЛЬВОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛЕНИНИАНЫ (20—30-е ГОДЫ XX в.)

Характерные черты художественного творчества мастеров пролетарской культуры Болгарии 20-х годов были определены многими факторами, повлиявшими на общественное сознание болгарской интеллигенции тех лет. С ростом революционного движения, усилившегося после Октябрьской социалистической революции в России, в Болгарии формируется новый тип художника-коммуниста, борца за социалистические идеалы.

В труднейших условиях фашистской реакции новая болгарская культура, формировавшаяся как оригинальное художественное явление европейской культуры первой половины XX столетия, развивается в тесной связи с прогрессивной пролетарской культурой других стран, в том числе — Советского Союза. Представляется важным и интересным выяснение конкретных фактов и явлений, определивших творческое лицо тех болгарских художников и деятелей искусства, которые учились, жили и работали в Советском Союзе. Но важны не только факты, свидетельствующие о близости советской и болгарской культуры. Особый интерес представляет вопрос о формировании общественного, художественного сознания деятелей болгарского искусства 20—30-х годов о том, что именно было близко болгарским художникам в культуре молодого Советского государства, как воплотились в их творчестве эти новые идеи первого в мире социалистического общества.

Болгарские художники, жившие в СССР и соприкасавшиеся с советской культурой, восприняли главные задачи, стоявшие перед советским современным искусством, как свои, — они не только учились в нашей стране, не только прошли школу профессиональной грамоты. И дело не в том, что в творчестве каждого из них пересеклись воздействия и влияния, шедшие от советского и болгарского искусства. Дело в том, что творческое наследие, оставленное этими художниками, глубоко самобытно, оно представляется своеобразным сплавом, соединившим в себе самые драгоценные качества высокого искусства, порожденного пролетарской революцией и посвященного ей: революционный порыв и призыв к борьбе, стремление к возвышению рабочего человека, вера в его будущее и ненависть к врагам социализма. Отсюда то жизнеутверждающее начало, которое объединяет непохожих друг на друга художников, работавших в разных жанрах и видах искусства. Как правило, этому искусству чужды созерцательное спокойствие и душевная уравновешенность. Оно романтическое и героическое, оно запечатлевает эпизоды народной борьбы в Болгарии и в СССР.

Болгарские художники воспринимали задачи нового искусства, рождавшегося в Советском Союзе, и как близкое будущее искусства своей страны. Целенаправленность творчества болгарских художников 20—30-х годов была определена идеями гражданственности, революционным пафосом, отсюда такая острая публицистичность произведений различных видов искусства и его жанров. Идеи интернационализма, пролетарской солидарности также во многом определяют характер творчества болгарских художников, работавших и у себя на родине и в Советском Союзе¹.

Почти все художники, учившиеся или работавшие в нашей стране в 20—30-х годах, прошли на родине школу революционной борьбы и имели за плечами подпольную деятельность, тюремные заключения, годы напряженной общественно-политической работы в рядах партии. Их отношение к искусству, понимание его роли и места в общественной жизни уже сформировалось. Революционная ломка, перестройка всей художественной жизни нашей страны, выдвинутый В. И. Лениным план монументальной пропаганды оказали сильнейшее воздействие на творчество болгарских художников.

Одним из первых молодых художников, приехавших в Советский Союз после Октябрьской революции, был Крум Кюлявков.

Творческое наследие К. Кюлявкова-художника изучено еще очень мало. О нем упоминают советские и болгарские литературоведы и художественные критики, анализирующие его произведения в области поэзии, прозы и драматургии, обычно говорят и о вкладе К. Кюлявкова в развитие болгарской журналистики 20—30-х годов². Вместе с тем К. Кюлявков, будучи человеком многогранным и одаренным, внес свой значительный вклад и в развитие современного социалистического изобразительного искусства. Эта сторона его деятельности связана с формированием новой социалистической культуры в нашей стране и заслуживает особого внимания.

К. Кюлявков родился в 1893 г. в г. Кюстендил в семье рабочего, в 1912 г. поступил в Художественно-индустриальное училище, которое закончил в 1919 г. В том же году вступил в Коммунистическую партию. Еще в стенах училища сблизился с Хр. Ясеновым и вместе с ним после окончания училища начал издавать юмористический журнал «Червен смях» — орган Коммунистической партии, первый в своем роде журнал в Болгарии. Постоянным сотрудником журнала, вскоре ставшего одним из самых популярных в Болгарии, был Хр. Смирненский; в нем сотрудничали А. Жендов, С. Венев, А. Каралийчев, А. Разцветников, Д. Осинин и многие другие прогрессивные художники и литераторы.

В 1920—1921 гг. в Вене К. Кюлявков изучал историю искусства, а в 1921 г. по решению ЦК партии был направлен как делегат от болгарской молодежи на III Конгресс Коминтерна в Советский Союз.

Представляется, что эта первая поездка в нашу страну, состоявшаяся на четвертом году после победы Октябрьской революции, имела важное значение для формирования Кюлявкова-художника. Он встретился со многими выдающимися советскими художниками, деятелями искусства и литературы, которые закладывали основы социалистической культуры.

¹ Об искусстве Болгарии этого периода см. Е. Л ь в о в а. Болгарское изобразительное искусство межвоенного двадцатилетия. «Советское славяноведение», 1968, № 5.

² Д. Ф. М а р к о в. За социалистически реализъм. История и съвременост. София, 1964, стр. 131—137; В. И. З л ы д н е в. Русско-болгарские литературные связи XX века. М., 1964, стр. 134—135; Н. П о н о м а р е в а. Христо Смирненский и советская литература. В сб. «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян». М., 1963, стр. 345. В 1966 г. в София вышел небольшой альбом «Крум Кюлявков. Карикатури», снабженный кратким вступлением Д. Лозенского. См. также: А. Б о ж к о в. Болгарская революционная графика.

В частности, познакомился с В. Маяковским, слушал его чтение «Бани», присутствовал на первых постановках его пьес, посещал шумные дискуссии в рабочих клубах, мастерских художников, в дальнейшем работал в редакциях журналов и газет, словом — стал самым активным участником строительства новой социалистической культуры³. Во время первого приезда в Москву в 1921 г. ему довелось встретиться с В. И. Лениным, слушать его выступления, говорить с Лениным и рисовать его⁴.

В 1921 г. состоялся III Конгресс Коминтерна в Москве. Болгарскую делегацию возглавлял Георгий Димитров и Васил Коларов. В числе делегатов был К. Кюлявков.

«Как член нашей делегации,— пишет К. Кюлявков,— я имел редкое счастье не только видеть великого Ленина, но и разговаривать с ним и рисовать его с натуры». Ленин появился в зале заседания на восьмой день работы Конгресса. Кюлявков пишет: «При его появлении зал разразился бесконечными аплодисментами и овациями. Все делегаты стоя приветствовали великого вождя, гения революции. Скромный и тихий, он тотчас же сел за стол и деловито начал рыться в папке, наклонив голову и уже не поднимая ее — как будто хотел сказать: давайте оставим это, здесь есть нечто куда более важное». В это время выступал делегат из Италии, и когда он кончил говорить, слушатели разделились на группы и переводчики излагали на различных языках только что произнесенную речь. К. Кюлявков присоединился к той группе, где Луначарский переводил с итальянского на русский. Внимательно слушая перевод, К. Кюлявков не заметил, как сзади к группе слушающих Луначарского подошел Ленин. Когда Кюлявков обернулся, он увидел его рядом с собой. «Я вглядывался в его лицо, которое было совсем близко около моего, слышал его дыхание, видел едва заметные оспинки на его лице, вглядывался в цвет его лица, волос, стараясь как можно лучше запомнить все». Ленин, продолжая слушать, время от времени что-то записывал. Кюлявков пишет далее: «Лицо его сейчас выглядело по-детски спокойным, искренним и добродушным. Я продолжал смотреть на него и думал: какая человечность исходит от него. Гений, чем он более велик, тем он проще и прекраснее. Настолько прост и мил, такой обаятельной силой привлекает тебя, что просто глаз не можешь от него оторвать».

Когда переводчик закончил и делегаты задвигались и пошли на свои места, Ленин внезапно обернулся к Кюлявкову и спросил:

«— А вы почему так засмотрелись на меня, товарищ?»

— Простите, товарищ Ленин,— ответил я, немного смутившись неожиданным вопросом,— но я художник. Наверное, когда-нибудь будет необходимо вас рисовать...

— Ах, значит, вы художник? А откуда вы?

— Из Болгарии.

— Много ли там наших художников?

— Да, есть.

Так, в смущении я, конечно, немного покривил душой. В Болгарии в то время художников-коммунистов можно было сосчитать по пальцам. Но все-таки такие были»,— пишет Кюлявков.

Затем Ленина окружили журналисты и художники, он согласился побеседовать с ними, группа прошла в одну из комнат, и, когда Ленин говорил с одним из французских репортеров, художники его рисовали. Позже

³ К. Кюлявков. Искусство и политика. София, 1947, стр. 238.

⁴ Воспоминания о поездке в Москву и о встречах с Лениным были опубликованы в газ. «Литературен фронт», год. VIII, 17 I 1952. См. также рукопись К. Кюлявкова в архиве Софии. ЦДИА, ф. 525, оп. 1, ед. хр. 338, 905, 1055.

во время дискуссии с итальянскими представителями съезда, пишет Кюлявков, Ленин задавал вопросы, но теперь он был другим — напряженным, вдохновенным.

«В другой раз, — продолжает К. Кюлявков, — мы были свидетелями интересной сцены. Вошел Ленин и тотчас же направился к столу президиума. Но слова оратора, выступавшего в это время, показались ему такими интересными, что он, чтобы не терять времени и не обходить колонну и не выходить из президиум, тотчас же присел на нижнюю ступеньку и начал быстро что-то записывать в блокнот. Один из самых активных художников, которые тогда сделали больше всего рисунков, был Бродский». Отметим, что местонахождение портретов В. И. Ленина, выполненных тогда К. Кюлявковым, неизвестно.

После возвращения в Болгарию К. Кюлявков с большим трудом нашел работу чернорабочего на сахарной фабрике, но вскоре был вынужден уйти оттуда, учительствовал в гимназии, постоянно вел нелегальную партийную работу, сотрудничал в журнале «Червен смях», газете «Работнически вестник», с осени 1924 г. стал постоянным нелегальным редактором журнала «Звънар». В этом журнале было напечатано несколько десятков карикатур, часть из которых имела плакатный характер. Усиление реакции вынудило К. Кюлявкова эмигрировать в Вену, куда он уехал по решению ЦК БКП в апреле 1926 г. Здесь по решению Заграничного бюро партии и МОПРа была организована большая выставка «Белый террор в Болгарии», она просуществовала около полутора лет, из 140 произведений выставки 85 работ принадлежали Кюлявкову. Выставка была показана в Берлине и Штутгарте, в Штутгарте была разгромлена фашистами. Вскоре после этого художник уехал в Советский Союз, где пробыл до 1940 г. Находясь в нашей стране долгое время, он занимался разносторонней деятельностью — работал сценаристом в Управлении Совкино, в 1930—1932 гг. редактировал журнал «Будь готов!», был руководителем художественного отдела органа ЦК Украины «Коммунист», художником-карикатуристом «Харьковского пролетария», позже возглавил группу ялтинских художников и стал директором организованного им Института художественной самодеятельности. Многогранная деятельность Кюлявкова в эти годы почти не исследована. Можно утверждать, что все это время изобразительное искусство находилось в центре его внимания. Художник-агитатор, он успешно работал в области карикатуры и плаката. Естественно, что болгарского художника интересовало творчество советских карикатуристов, плакатистов, накопивших за период 20-х годов значительный опыт в этой области искусства. Близость Кюлявкова со многими советскими художниками основывалась прежде всего на общности творческих взглядов.

Поэтому вполне закономерен особый интерес К. Кюлявкова к тем жанрам искусства, которые давали ему возможность наиболее активно и оперативно откликаться на злободневные события, давая им свою оценку. Плакаты и карикатуры, юмористические стихи и рассказы, фельетоны, путевые записи, пьесы, критические статьи, созданные Кюлявковым, дополняют друг друга. Диапазон его творчества очень велик. Работая в советских газетах и журналах, он продолжал ту линию политической карикатуры, которую начал в Болгарии, но значительно обогатил, заострил свой стиль карикатуриста. Метод образного раскрытия актуальных политических тем в карикатурах Кюлявкова базируется на основе жизненных наблюдений, он и гротескно-условен и реалистически-предметен. Стремясь подчеркнуть, выделить идейно-смысловые узлы карикатуры, художник порой соединяет в своей работе элементы условности и реализма — в масштабах фигур, в сопоставлении композиционных планов

и т. д. («Кошмарные привидения», «Весенние хлопоты», «Керзон отправляется в путь» и другие карикатуры). Кюлявков смело использует яркие краски, контрастные цветовые соотношения, стремясь к предельной выразительности образов. Особенно часто (и в этом можно увидеть переключку Кюлявкова с Моором) он использует контрасты обобщенных крупных белых и черных пятен — в карикатуре «Кошмарные привидения» это черный плоскостный фон, на котором разворачивается действие, такую же остроту и выразительность мы находим в резком, отточенном по рисунку листе «Моя автобиография». Кюлявков нередко вводит в свою бытовую и политическую карикатуру гротескные портретные характеристики («Т. Тодоров, первый фашист», «Барон Врангель», «Бриан» и др.). Кулаки и стяжатели, сплетники и воры разоблачаются в бытовых карикатурах Кюлявкова. До сих пор не изучен в полном объеме вклад Кюлявкова в развитие украинской политической карикатуры 30-х годов. Несмотря на то, что многие его работы были созданы на злобу дня, посвящены текущему моменту, художественные достоинства многих из них и теперь очевидны.

Связанный долгие годы дружбой с выдающимся советским художником-карикатуристом и плакатином Моором, Кюлявков оставил записи-воспоминания о своих встречах с ним, о совместной работе с советскими художниками⁵. Написанные от руки воспоминания касаются главным образом встреч с Моором, но по существу они гораздо шире, так как содержат живые впечатления Кюлявкова о художественной жизни Москвы 20—30-х годов.

Особый интерес представляет документ, подписанный Кюлявковым и Моором. Это проект создания международного журнала «Пролетарская графика»⁶. «В период обострения классовой борьбы, — говорится в этом документе, — культурный фронт должен быть развернут для использования его в целях самой широкой агитации. Одним из способов этого использования может быть издание международного рабочего журнала». Моор и Кюлявков предлагают объединить прогрессивных художников для создания графического журнала, ибо, как они пишут, — «графический язык переводится на все языки мира и революцией проверен как исключительное средство организации эмоций».

В задачи журнала, говорится далее, входит «связь пролетарских художественных сил всего мира и тематическое воспитание их», предлагается для работы в журнале привлечение поэтов В. Маяковского, Н. Асеева, А. Безыменского, А. Барбюса. Редакционный центр журнала — Коминтерн, редакция и издательство в СССР, с филиалами в разных странах мира. В рабочий состав журнала предлагается пригласить таких всемирно известных художников, как К. Кольвиц, Маэреель, Гросс, а также Дени, Б. Уиц, Грошера, Майкла, Гронжуана. Документ датирован 5 IV 1930⁷.

По своей направленности творчество К. Кюлявкова во многом переключается с работами выдающегося болгарского художника А. Жендова, учившегося в Москве, во ВХУТЕМАСе⁸. А. Жендов был талантливым графиком, живописцем, писателем и журналистом. Его творчество в целом отличает острая публицистическая направленность, стремление средствами искусства откликнуться на самые значительные вопросы общественной борьбы.

⁵ ЦДИА, ф. 525, оп. 1, ед. хр. 905.

⁶ Там же, ед. хр. 1055.

⁷ О судьбе журнала «Пролетарская графика» и о работе в нем Моора не имеется никаких сведений в специальных трудах, посвященных творчеству художника.

⁸ Подробно о Жендове см. Е. Л ъ в о в а. Из наследия А. Жендова. «Советское славяноведение», 1969, № 1.

А. Жендов. Ленин

А. Жендов был одним из первых болгарских художников, воссоздавших образ В. И. Ленина. Графический портрет, изображающий Ленина-трибуна, произносящего речь, отличается экспрессивностью и острой выразительностью исполнения.

В середине 20-х годов в Москве на различных факультетах ВХУТЕМАСа училась целая группа молодых болгарских художников — живописцев, графиков, скульпторов, прикладников. Некоторые из них приобрели в дальнейшем известность, творчество других все еще мало изучено⁹.

В те же годы в скульптурных мастерских ВХУТЕМАСа учился скульптор В. Валев. В архивах института сохранились документы, в которых сам В. Валев рассказывает о своей жизни и революционной деятельности¹⁰. Валев пишет, что он учился в Болгарии, участвовал в Сентябрьском восстании

1923 г., после его подавления был брошен в тюрьму, после освобождения из тюрьмы продолжал подпольную революционную деятельность, направленную против режима Цанкова, и затем, спасаясь от преследований реакции, был вынужден эмигрировать в СССР.

В другом документе - справке сказано, что молодой скульптор, член БКП с 1919 г., из семьи крестьянина, отец — член БКП с 1913 г. В августе 1926 г. Валев поступил на IV курс ВХУТЕИНа и проучился там вплоть до 1928 г. До этого он учился в Академии художеств в Софии (у А. Николава, М. Василюва и Ж. Спиридонова), но был исключен из Академии за свою революционную деятельность, эмигрировал и в 1924 г. приехал в Одессу. Здесь первое время он работал в Одесском театре, а затем по заданию партии был направлен в село Кубанка близ Одессы и назначен заместителем председателя сельсовета¹¹. К моменту поступления во ВХУТЕИИ В. Валев был уже человеком, имевшим за плечами большой опыт общественно-политической деятельности и революционной борьбы. Уже ранняя работа скульптора, выполненная им в стенах ВХУТЕМАСа, — рельеф «Сентябрьское вооруженное восстание» (1927) — явилась воплощением сложившихся идейно-художественных представлений молодого скульптора. Эта многофигурная композиция, несущая в себе единый революционный порыв, устремленное движение масс, перекликается с произведе-

⁹ На живописном факультете учились А. Жендов и М. Коленкоз, на монументальном — Майя Хр. Кабакчева, на полиграфическом — Иван Шуманов и К. Цонев (сведения об этом имеются в ЦГАЛИ, ф. 681).

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 681, оп. 1, ед. хр. 398. Личное дело Валева Валентина Цанева, начато в сентябре 1926 г.

¹¹ Сведения о работе В. Валева в СССР, а также фото с работ художника см.: В. Тихонов. Валентин Валев. М., 1958. О своей общественно-политической работе в первые годы после приезда в СССР сообщает и В. Валев в упомянутых документах, хранящихся в ЦГАЛИ.

ниями таких выдающихся болгарских скульпторов, как Ив. Лазаров и Ив. Фунев. В то же время уже в этой работе намечается то стремление к конкретной жизненности образов, которое будет характерно для всего творчества В. Валева. Передавая основной замысел скульптора — показать силу, быть может стихийный размах революции, порыв болгарского крестьянства и рабочего класса, поднявшегося на борьбу, Валева идет по пути воплощения этого единого порыва в образах конкретных людей, исходя из их социальной характеристики.

Творчество Валева тесно связано с советским искусством — в 1929 г. он вступает в скульптурную секцию АХРРА (Ассоциация художников революционной России), сотрудничая с Г. Мотовиловым, Д. Шварцем, Т. Неродой и другими советскими скульпторами.

Произведения Валева 30—40-х годов в основном посвящены людям труда — это портреты рабочих московских заводов, ударников Донбасса и Керчи. Скульптор много путешествует по стране, живет в промышленных районах, много работает. На базе его непосредственных наблюдений возникают такие композиции, как «Прокатчик», «Металл готов». Значительное внимание в эти годы Валева отдает подготовке к созданию образа В. И. Ленина. Начав работать над проектом памятника Ленину в начале 30-х годов, он заканчивает его в 1935 г. Это скульптурная композиция, включающая образ В. И. Ленина, изображенного в момент выступления перед народом, и горельеф с фигурами рабочих, колхозников, пионеров. В образе Ленина Валева подчеркнул прежде всего страстность оратора-трибуна — в фигуре вождя, в выражении его лица воплощены внутренняя собранность и энергия. В 1936 г. памятник был установлен в г. Шатуре. Следует подчеркнуть, что в трактовке образа Ленина, в самом понимании его, у скульптора Валева и художника Жендова, одновременно работавших над образом Ленина, есть много общего: стремясь воплотить ведущее, самое значительное для истории в характере вождя, оба болгарских художника воплощали революционный порыв, внутреннюю творческую духовную энергию и силу Ленина-человека, возглавившего народные массы и словно сконцентрировавшего в себе дух революции.

В. Валева неоднократно обращался к образам вождей революции — об этом говорят такие его произведения, как портреты М. И. Калинина, Г. Димитрова, В. Коларова. Характеры людей сильных, цельных, подчинивших свою жизнь великой идее, привлекали скульптора на всем протяжении его творчества — свидетельство тому памятник Ф. Нансену, композиция «На посту», «Пограничник» и др. Все творчество этого скульптора пронизано активной верой в человека, восхищением его силой и красотой. Поэтому в наследии Валева нет произведений вялых и безразличных, хотя как и у любого мастера, у него были вещи более и менее удачные.

Рассмотренные нами произведения болгарских художников свидетельствуют о том, что при всей художественной индивидуальности каждого из них их творчество развивалось в едином русле большого, реалистического, идейного искусства. Дальнейшая систематизация произведений болгарских художников, а также архивных документов, связанных с их обучением и работой в Советском Союзе и в Болгарии, помогут по достоинству оценить их вклад в современное искусство.

И. В. ЧУРКИНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА МАТИИ МАЯРА В 1848 ГОДУ

Революция 1848 г. способствовала оформлению первых политических программ у славянских народов Австрийской империи, пробуждению политического самосознания народных масс. Она стала важным этапом не только социально-экономического, но и национально-политического развития этих народов.

В данной статье рассматривается национально-политическая программа одного из прогрессивных словенских национальных деятелей 1848 г. Матии Маяра Зильского.

Словенская историография давно уже высоко оценила роль Маяра в формировании национальной программы словенцев. Еще буржуазный историк Апих в книге «Словенцы и 1848 г.» писал о Маяре как о «крайнем словенском левом деятеле»¹. Характеристика верная, если принять во внимание национальную программу Маяра, и неприемлемая, если говорить о его социальных взглядах. Позднее Э. Кардель называл Маяра «пламенным иллиром» и одним «из выдающихся вождей словенского национального движения»².

Но до сих пор Маяру почти не посвящалось специальных работ. Многие статьи, написанные о нем буржуазными историками, не затрагивали наиболее яркий период его деятельности — период революции 1848 г. В последние годы ряд интересных страниц посвятили деятельности Маяра словенские историки Ф. Цвиттер³ и Я. Плетерски⁴. Я. Плетерски в своей книге показал роль Маяра в создании программы Объединенной Словении, обратив внимание на его попытки агитации среди крестьян. Этим вопросам уделено внимание и Ф. Цвиттер в упомянутой статье. По сравнению с Плетерским Цвиттер более подробно останавливается на политической программе Маяра в 1848 г., касаясь, однако, лишь вопроса об Объединенной Словении и национальных требований словенцев. Ни Плетерски, ни Цвиттер не затрагивают национальную программу Маяра в полном ее объеме, с ее иллирскими и автрославистскими тенденциями, не рассматривают ее в развитии, хотя программа Маяра претерпела изменения на протяжении 1848 г.

¹ J. A p i h. Slovinci in 1848 leto. Ljubljana, 1888, s. 107.

² E. K a r d e l j. Razvoj slovenačlog nacionalnog pitanja. Beograd, 1958, s. 253, 263.

³ F. Z w i t t e r. Slovenski politični prerog XIX stoletja v okviru evropske nacionalne problematike, «Zgodovinski časopis», 1964, zv. XVIII, s. 121.

⁴ J. P l e t e r s k i. Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965.

Основными источниками при написании данной статьи послужили выступления Маяра в словенской прессе (в газетах «Кметийске ин рокоделске новице», «Словения») и его письма Станко Вразу и Людевиту Гаю. Кроме того, использованы воспоминания Петра Нессия, встречавшегося с Маяром в Праге в 1883 г., а также указанные работы Цвиттера и Плетерского.

Матия Маяр Зильский (1809—1892) родился в Горичах (Зильская долина) в семье бедного портного, получил духовное образование в семинарии Целовца, где на него оказал значительное влияние А. Сломшек, будущий епископ, видный словенский просветитель. В конце 30-х годов Маяр включается в словенское национальное движение. Он с увлечением собирает фольклор, часть своих материалов публикует сам, часть отдает Станко Вразу, одному из ведущих деятелей хорватского иллиризма. В предреволюционные годы Маяр становится убежденным сторонником иллирийского движения и одним из организаторов иллирийского кружка в Целовце.

1848 г. В середине марта с меттерниховским режимом было покончено. Впервые многие политические и национальные деятели получили возможность открыто высказать в газетах свои взгляды и требования. Революционный подъем масс оказал решающее влияние на неоднородный лагерь словенских иллиров. Некоторые иллиры (в частности, епископ Сломшек, священник Лука Еран) встали на сторону самой махровой реакции; большинство приветствовало мартовскую революцию и декрет императора, провозгласивший свободу слова, печати, собраний.

Маяр радостно встретил мартовскую революцию, надеясь, что она даст возможность словенцам добиться национальных прав. Он первым из словенцев изложил свою национальную программу в печати. Основы этой программы сформировались еще до революции. Я. Плетерски считает, что уже 17 марта 1848 г., т. е. в день, когда в Целовце стало известно о революции в Вене, Маяр написал свою знаменитую статью «Чего мы, словенцы, требуем?»⁵, которая была напечатана 29 марта в «Новицах» Блейвейса.

В этой статье Маяр впервые выдвинул основные требования словенского национального движения: словенский язык должен стать языком преподавания в школах и официальным языком в учреждениях, словенские земли должны быть объединены. Последнее им еще не было четко сформулировано, но оно подразумевалось, когда он говорил о Словении, в которой словенцы должны жить по-своему⁶. Почти одновременно с Маяром венское общество словенских либералов «Словения» выдвинуло четкую программу «Объединенной Словении», которая перекликалась со взглядами Маяра: 1) объединение всех словенских земель в единое политическое целое — Словению со своим провинциальным собранием; 2) употребление словенского языка в школах и учреждениях; 3) отказ от присоединения Словении к немецкому союзу. Маяр стал одним из самых горячих поборников этой программы.

Маяр не ограничился выступлением в газете. В письме от 19 марта 1848 г. к священнику М. Стояну епископ А. Сломшек писал об агитационной деятельности Маяра: «Чрезмерная активность экзальтированного Ма-

⁵ J. Pleterski. Ibid., s. 31.

⁶ «Теперь наш народ должен быть счастлив... Прежде всего нам необходимо сохранить мир в стране... Мы, словенцы, также требуем со всей энергией от всех — пусть нам дадут возможность жить дома по-своему... Ни мы — над итальянцами, немцами, венграми, ни они — над нами... Наши посланцы в Вене пусть потребуют, чтобы мы могли в Словении свободно, где хотим и когда хотим употреблять словенский язык в школах и учреждениях». «Novice», 29 III 1848, s. 50.

яра возбуждает здесь, в Каринтии, недовольство»⁷. В конце марта — начале апреля Маяр первым из словенских национальных деятелей приступил к непосредственной агитации среди народа для разъяснения словенским крестьянам национальной программы и привлечения их к борьбе за нее. Им были написаны две листовки: «Только меня, словенцы, слушайте о том, что произошло в Вене! Немцам рассказал Каstellи, словенцам же в Целовце — Матия Маяр» и «Домашние беседы о конституции, свободе печати и национальной гвардии». Первая из листовок была вольным переводом немецкой листовки, написанной Й. Ф. Каstellи. Описание последних мартовских событий в Вене Маяр дополнил призывом избирать в политические органы депутатов, которые любят «словенцев, словенский народ и крестьянское сословие»⁸. Листовки написаны языком, понятным крестьянам. Маяр даже привлек для большей убедительности и наглядности старинный лозунг крестьянских восстаний о возвращении к «Старой правде»⁹. Для него этот лозунг был идентичен понятию «конституция». Крестьяне же вкладывали в него другое содержание: требование отмены феодальных повинностей без выкупа. Поэтому лозунг «Старой правды» (в смысле «конституции»), выдвинутый Маяром, не мог привлечь крестьян, тем более что в листовках, содержащих этот лозунг, он призывал крестьян выполнять свои повинности.

По главному вопросу революции — об отмене феодальных повинностей Маяр выступил с позиций либералов. Как и немцы, писал он, славяне, в частности словенцы, стоят за справедливый выкуп барщины, повинностей, десятины и всех налогов у помещика. Они требуют ответственности чиновников за свою деятельность, свободы обществ, собраний, печати, свободы личности¹⁰. То, что крестьяне должны выкупить свои повинности, Маяр считал непреложной истиной. «Если вы скажете, что не хотите ничего платить, — писал он, — мы ответим: и мы вам не будем больше платить за ваш овес, ячмень и сено»¹¹.

Отношение Маяра к крестьянским выступлениям характеризуют следующие его слова: «Разбой и беспорядки еще не дали счастья ни одной стране; и разбойник, и тот, кто ограблен, — оба несчастные»¹².

Агитация Маяра не ограничилась написанием и распространением листовок. 6 апреля 1848 г. А. Сломшек отмечал в письме к священнику М. Водушеку: «Целовецкий славист Матия Маяр потерял разум и написал на свой страх и риск петицию, под которой он собирает подписи. Если с этим он обратится к духовенству Нижней Штирии, то, пожалуйста, откажите ему в каком бы то ни было содействии»¹³. Об этой петиции Маяра была напечатана корреспонденция из Целовца в «Новицах» Гая от 11 апреля, написанная Маяром или лицом, разделявшим его взгляды. В ней говорилось, что Маяр составил петицию с требованием, чтобы словенцев рассматривали как единый народ, чтобы им разрешили иметь особое провинциальное собрание и разрешили вступить в союз с Хорватией, Далмацией и Славонией. Из корреспонденции мы узнаем, что под петицией подписались ученики целовецкой семинарии¹⁴. По-видимому, главные сторонники Маяра находились именно среди учащихся семинарии. Об этом

⁷ J. Pleterski. Ibid., s. 30, 31.

⁸ F. Zwitter. Ibid., s. 111. Цвиттер считает, что листовка Маяра вышла до 12 апреля 1848 г. (см. стр. 112, Примеч.).

⁹ J. Pleterski. Ibid., s. 25, 26.

¹⁰ «Slovenija», Ljubljana, 7 VI 1848, s. 5.

¹¹ E. Kardelj. Ibid., s. 264.

¹² «Novice», 29 III 1848, s. 50.

¹³ J. Pleterski. Ibid., s. 31.

¹⁴ Один из руководителей семинарии, спиритуал Пикл, уничтожил эти подписи. J. Pleterski. Ibid., s. 435.

говорит не только тот факт, что петицию Маяра подписало 30 семинаристов, но и то, что 10 мая 1848 г. уже 69 учащихся семинарии подписали петицию епископскому ординариату, в которой наряду с национальными требованиями (в частности, создания в семинарии кафедры словенского языка) требовали удаления спиритуала Пикла¹⁵.

Опасения Сломшека относительно того, что Маяр может послать свою петицию в Штирию, были не напрасны. Маяр обратился с петицией и к штирийским священникам, о чем свидетельствует заметка молодого штирийского священника Д. Трстеньяка в «Новицах», где он, между прочим, писал: «Господин Маяр, наш известный патриот в Целовце, послал в наши края несколько действительно необходимых петиций»¹⁶.

Либеральное общество «Словения» в Вене горячо одобряло действия Маяра и собиралось последовать его примеру. Член венской «Словении» Хладник (позднее председатель Словенского общества в Целовце) писал 26 апреля Й. Муршецу в Градец (Грац): «„Словения“ тоже скоро начнет собирать по всем словенским областям подписи под петицией в духе Маяра... Надеюсь, что скоро мы узнаем от господина Маяра точнее о его петиции и, таким образом, сможем увидеть, насколько он прежде действовал в нашем духе и насколько можно поставить нашу петицию рядом с его»¹⁷. Отсюда видно, что деятельность Маяра послужила примером для словенских либералов, и попытка венских словенцев в мае 1848 г. вести непосредственную агитацию среди словенского населения против выборов во Франкфуртский парламент в значительной степени явилась ее продолжением.

Активность Маяра привела к тому, что немецкое духовенство потребовало у епископа удаления Маяра из Целовца. Нессий так рассказывает об этом: «Епископ Лидманский, чех по национальности, позвал Маяра к себе и умолял его, ... чтобы он никогда больше не писал ничего подобного и вообще о делах славянских. Маяр холодно ответил ему, что это невозможно: „Когда говорят о панславизме, всегда думают обо мне; вообще я замечаю, что я здесь многим колю глаза... Соболаговолите меня перевести в другое место!“ На другой день епископ объявил Маяру о перемещении его в один из отдаленных приходов»¹⁸. В конце апреля Маяр отправился в приход св. Вишарье и поэтому почти был лишен возможности агитировать против выборов во Франкфуртский парламент.}Только проезжая через Беляк (Филлах), он сумел убедить своих земляков из Зильской долины не участвовать в выборах. Маяр говорил: Чего вы колеблетесь? Разве у вас нет императора? Или вы хотите иметь двух императоров и обоим платить налоги? Последний аргумент оказал решающее воздействие на крестьян — они разъехались по домам, так и не проголосовав¹⁹.

Успех агитации М. Маяра в Беляке объяснялся тем, что он в известной степени пытался связать национальные требования с экономическими интересами крестьян. Это доказывает и его статья «Славяне и немцы». Выступая против Франкфурта, Маяр приводил высказывания крестьян относительно вхождения словенских земель в единую Германию: «... немцы посадят нового императора, около него будет большое количество господ, а мы кроме наших налогов должны еще будем платить и им, ... если мы отдадим наши земли немцам, то должны будем им, во Франкфурт, платить налоги, а своих сынов посылать в их армию»²⁰. Как можно видеть из этих высказываний крестьян, приводимых Маяром, он неспроста в своей

¹⁵ F. Z w i t t e r. Ibid., s. 117.

¹⁶ «Novice», 19 IV 1848, s. 67.

¹⁷ J. P l e t e r s k i. Ibid., s. 32.

¹⁸ Rokopisni odevlek... In. št. 30/49. Osebni spomini..., s. 5.

¹⁹ J. A p i h. Ibid., s. 107.

²⁰ «Slovenija», 14 VI 1848, s. 13.

агитации против выборов во Франкфуртский парламент делал упор на вопросе о налогах.

Перевод Маяра в отдаленный приход затруднил его деятельность, однако вскоре он активно включился в политическую борьбу, став ведущим сотрудником либеральной газеты «Словения», издававшейся в Любляне в 1848—1849 гг.²¹ В статьях, напечатанных в газете, Маяр подробно изложил свою политическую и национальную программу. Никогда ни до, ни после 1848 г. у него уже не было возможности так подробно и ясно высказать свои взгляды.

Социальные взгляды Маяра были весьма умеренными. Да он и не придавал этому решающего значения. Решающее значение для него имел национальный вопрос. Выступая в статье «Славяне и немцы» как сторонник социальных взглядов немецких либералов, Маяр отмежевывался от них в национальном вопросе: «Немцы хотят господствовать в славянских землях..., они хотят быть нашими господами... Мы платим налоги, наши сыновья защищают империю, мы исполняем все государственные повинности так же хорошо, как и другие народы, — почему же нам не обладать одинаковыми правами»²². Требование национального равноправия славян, и в частности словенцев, проходит красной нитью через все статьи Маяра.

Но это главное требование славянских и (словенских) национальных деятелей не нашло отклика у немецкой и венгерской буржуазии и дворянства. Постепенно отношение Маяра к немецким и венгерским либеральным и революционным деятелям меняется. Если в первой статье в «Новицах» в марте 1848 г. Маяр писал: «... все мы братья — славяне, немцы, итальянцы, венгры!»²³, то уже в статье «Славяне и немцы» он указывает, что немцы хотят одни пользоваться свободами, дарованными конституцией, что они игнорируют словенскую национальность, хотят силой заставить славян присоединиться к немецкому союзу²⁴. И все же, подчеркивает Маяр, словенцы искренне желают дружбы с немцами, только на равноправных началах²⁵. В своей следующей статье «Славянское согласие» Маяр отзывается о немцах довольно резко: Как можно любить пасильников, запрещающих пользоваться родным языком²⁶. На столь кардинальное изменение взглядов Маяра несомненно повлияли события в Праге — бомбардировка Виндишгрецом города, разгон Славянского съезда, восстание чехов и его подавление. В этой статье Маяр решительно выступил на стороне пражан. По поводу расстрела чехов солдатами Виндишгреца он писал: «справедливость немцы не могут расстрелять», не могут они расстрелять и идею объединения австрийских славян. Но и в этой статье, написанной по следам Пражского восстания, Маяр проводит мысль, что, хотя славяне вытерпели многое от других народов, они не желают им мстить²⁷. Революция в Венгрии, поскольку венгерские революционные деятели отрицательно отнеслись к национальным требованиям сербов и хорватов, вызвала возмущение Маяра. После октябрьского восстания в Вене у Маяра нет для немцев и венгров иного названия, как бунтари. Таким образом, меньше чем за год он резко изменил свое отношение к немцам и венграм—

²¹ Значение этой газеты для словенцев Маяр так охарактеризовал в 1850 г.: «„Словения“ прекратила свое существование. Она за это краткое время так много сделала для нашего народа, что этого уже никогда нельзя будет зачеркнуть; она больше сделала, чем многие большие журналы за 50 лет». I. P r i j a t e l j. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, zv. I. Ljubljana, 1955, s. 178.

²² «Slovenija», 7 VI 1848, s. 5.

²³ «Novice», 29 III 1848, s. 50.

²⁴ «Slovenija», 7 VI 1848, s. 5.

²⁵ Ibid., 18 VI 1848, s. 17.

²⁶ Ibid., 25 VII 1848, s. 61.

²⁷ Ibid.

от братских чувств до ненависти. А вместе с этим эволюционировало и отношение Маяра к революции — из ее сторонника, каким он был в марте, он превратился в ее врага.

На примере Маяра можно легко проследить изменение отношения славянской либеральной буржуазии к немецким и венгерским национальным деятелям — от дружбы до ненависти. Оно было вызвано главным образом националистической позицией немецких и венгерских господствующих классов, их отказом признать национальные права славян. Революционные выступления немцев и венгров отпугнули славянских либералов, заставили их еще более решительно встать на сторону реакционных сил. Однако следует подчеркнуть, что не революционность немцев и венгров была главной причиной такой эволюции славянской буржуазии, хотя и она сыграла на заключительном этапе не последнюю роль. В частности, у Маяра решительный перелом в отношении к немцам и венграм начался уже после Пражского восстания, т. е. до их революционного выступления осенью 1848 г. Он не видел различия между немецкими либералами и немецкими революционерами. Для него все они — франкфуртисты и бунтари, все — ненавистники славян.

Маяр в статьях, опубликованных в «Словении», выдвинул национальную программу для словенцев. На первом этапе революции, вплоть до июня 1848 г. (Пражского восстания), когда славянские либералы еще надеялись на доброжелательное отношение немцев к национальным правам славян, Маяр основной упор делал на борьбе за Объединенную Словению. Необходимость создания Объединенной Словении он пытался аргументировать существующим административным делением. Уже сейчас, писал Маяр в статье «Славяне и немцы», официально словенские земли находятся в королевстве Иллирия. Словенцы не хотят ничего нового — просто объединения двух губерний Иллирии (Люблянской и Триестинской. — *И.Ч.*) и присоединения к ним словенской Штирии. Они хотят соединить все земли, где они живут, в единое целое, а как это целое будет называться — Иллирия или Словения — им безразлично. Маяр, чтобы не озлобить немцев, даже пытается объяснить возникновение названия Словения цензурными соображениями: Меттерних запретил упоминать слово «Иллирия», поэтому словенцы стали употреблять «Словения»²⁸.

В статье «Славянское согласие» Маяр подробно разъясняет, что он подразумевает под Объединенной Словенией (он ее уже не называет Иллирией, как раньше): «Пусть словенцы в словенском королевстве..., в Штирии, ... в Венгрии²⁹, ... и в Венеции³⁰ объединятся в единый народ. Пусть у нас будет одно общее собрание и одно общее провинциальное правительство... Пусть в Словении на всех общественных службах, во всех учреждениях — духовных, гражданских и военных служат наши люди, хорошо знающие наш язык и любящие наш народ»³¹. Таким образом, в вопросе о политическом объединении словенцев Маяр выступал как наиболее радикальный из всех словенских либералов, ибо требовал не только объединения словенцев Каринтии, Крайны и Штирии, как это делало большинство либералов, но и словенцев, проживавших на других территориях.

«Свобода, равенство и братство» — вот главный его лозунг в национальном вопросе. Именно боязнь того, что в объединенной Германии, если туда войдет и Австрия, господство немцев над славянами усилится, заставила

²⁸ Ibid., 18 VI 1848, s. 17.

²⁹ Имеется в виду Прекомурье, входившее в состав венгерской короны.

³⁰ Так называемые «венецианские словенцы», жившие во Фриули.

³¹ «Slovenija», 25 VII 1848, s. 62.

его, как и других представителей славянской буржуазии, решительно выступить против Франкфурта.

Уже в первый период революции Матия Маяр подчеркивал общность австрийских славян, единство их целей. Так, в статье «Славяне и немцы» он писал: «Мы любим искренне всех славян, так как мы братья по крови, а кровь — не вода». И далее: «... мы хотим объединиться как братья и во всех справедливых делах поддерживать друг друга». Если немцы хотят объединиться со своими братьями, живущими вне австрийского государства, то почему не могут объединиться славяне, живущие в Австрии? ³². Дружбу с австрийскими славянами Маяр всячески пропагандировал. Особенно он ратовал за тесные связи с сербами и хорватами — в этом сказались его долголетние иллирские симпатии. По инициативе Маяра в мае 1848 г. каринтийские национальные деятели (всего 14 человек) послали приветственное письмо сербской скупшине в Сремских Карловцах, чтобы пожелать сербским патриотам «единства и искренней дружбы, обновить и восстановить древний союз, который бог скрепил между нами силою общей крови и языка... и чтобы сказать им, что в согласии сербов, хорватов и словенцев вернется к нам солнце прежнего счастья и новой славы» ³³. Основная мысль письма — кровное и языковое единство словенцев, сербов и хорватов, необходимость воссоздания разрушенного союза этих народов — отражала существо воззрений иллиров. Но Маяр шел дальше. Он писал о единстве не только австрийских славян, но и всех славян вообще. В статье «Славяне и немцы» Маяр отмечал, что славян — 80 миллионов и они являются одним из величайших народов мира. Славяне заселяют половину Европы, треть Азии и часть Америки (Маяр подразумевал, вероятно, принадлежавшую в то время России Аляску. — *И. Ч.*). «Над славянами никогда не заходит солнце» ³⁴.

Однако в этот период революции Маяр ограничивался лишь общими выражениями симпатии и братских чувств к славянам и не выдвигал общей политической программы для австрийских славян. Но по мере того как усиливались национальные трения между немцами и славянами, по мере того как все нереальнее становилась надежда на согласие немецкой буржуазии признать национальные права словенцев, Маяр все больше обращает свои взоры к другим австрийским славянам — в них он видит единственных союзников словенцев.

В статье «Славянское согласие» Маяр писал о более тесном объединении словенцев с хорватами и сербами и следующим образом аргументировал его необходимость. Во-первых, хорваты и сербы употребляют в административных делах родной язык — это хорошо бы иметь и словенцам, ибо «... в провинции хозяин тот, на чьем языке говорят и пишут в канцеляриях». Во-вторых, у хорватов хорошо налажена торговля солью — это было бы тоже выгодно и словенцам. Наконец, хорватам разрешено свободно сеять и продавать табак — от такого права словенцы тоже могли бы иметь значительный доход ³⁵. В этой статье, правда, Маяр прямо не говорит, на каких условиях должны объединиться словенцы с хорватами и сербами, но его проект Объединенной Словении, помещенный в этой же статье, показывает, что Маяр думал не о полном политическом слиянии южных славян Австрии, а о союзе сербов, хорватов и словенцев на федеративных началах.

Что касается других австрийских славян, то в отношении них позиция Маяра в статье «Славянское согласие» менее ясна. Он ратует пока лишь

³² Ibid., 18 VI 1848, s. 17.

³³ M. P r e l o g. Slavenska Renesansa. Zagreb, 1924, s. 325, 326.

³⁴ «Slovenija», 14 VI 1848, s. 13.

³⁵ Ibid., 25 VII 1848, s. 61, 62.

за то, чтобы все австрийские славяне объединились, чтобы все они действовали согласованно, ибо только в этом видит он возможность для славян добиться национальных прав³⁶. Славяне заинтересованы в существовании Австрии, они должны спасти ее. Но хотя в конце своей статьи Майр провозглашает неделимость и целостность Австрийской империи, та Австрия, которую мечтал спасти Майр, существенно отличалась от Австрии предреволюционной. Прежде всего вскользь он замечал, что славяне не собираются мешать мадьярам и немцам делать то, что они хотят, явно подразумеваемая под этим их отделение от Австрии. «Мы, славяне, придерживаемся своего императора — ему еще останутся прекрасные славянские королевства Словения, Хорватия, Славония, Далмация и воеводина Сербская, Чехия, Галиция, Лодомерия, Моравия с Венгерской Словенией (т. е. Словакией. — *И. Ч.*)»³⁷. Эта славянская Австрия должна была быть конституционной монархией. Именно за спасение этой новой славянской Австрии и ратовал Майр.

После разгрома венского восстания, когда вопрос о присоединении австрийских немцев к Германии отпал, Майр выдвинул другой план. В статье «Провинции нашей империи» Майр изложил наиболее подробно свою австрославянскую программу. В программе он исходил из того, что в Австрии будут жить пять разных народов: славяне, немцы, венгры, румыны, итальянцы. Между ними нужно установить границы, принимая во внимание только один принцип — где какой народ живет. Вся Австрия должна иметь общий парламент, центральное правительство, которое заботится о сношениях с иностранными государствами, о финансах, армии, торговле. Кроме того, у каждого народа должно быть свое правительство. «Только в таком союзе свободных народов возможно нашу империю, состоящую из многих народов, сделать крепкою, мощною и счастливою». Все славянские племена — единый славянский народ. Они должны иметь общеславянское собрание, которое созывается в Праге. На нем обсуждаются общеславянские дела и избирается общеславянское правительство, в котором каждое из славянских племен имеет своих представителей. Правительство защищает интересы славян перед центральным австрийским правительством. Такое славянское политическое объединение — Славия — строится по принципу федерации. Каждое славянское племя имеет свое собрание, своего губернатора и своего командующего войсками. Славянские племена (а их Майр насчитывает восемь в Австрии: словенцы, далмато-хорвато-славонцы, сербы, чехи, мораване, словаки, поляки, русины) должны быть равноправными, чтобы ни одно из племен не господствовало над другим. В частности, Майр подчеркивал, что поляки должны иметь свое управление, а русины — свое, чтобы не было повода последним обвинить поляков в желании господствовать над ними³⁸.

О принципах славянской федерации Майр писал Вразу за месяц до выхода своей статьи «Провинции нашей империи»: «По моему мнению, крайне необходимо, чтобы все славяне нашей империи придерживались двух правил: 1. В нашей империи существует *только один единый славянский народ*; против правительства и против остальных народов нашего государства мы не должны никогда стоять разделенными по племенам. Это было бы для нас гибелью. 2. *Все эти племена* (т. е. славянские народы Австрии. — *И. Ч.*) *разны между собою*. Если первого правила мы не будем

³⁶ «Славяне! Если мы будем согласны, будем братски любить друг друга и объединимся, мы станем могучими и значительными..., мы будем свободны, т. е. над нами не будет господствовать ни один народ, мы сможем защитить свои старые права и позаботиться о новых...» «Slovenija», 18 VII 1848, s. 53.

³⁷ Ibid., 15 VII 1848, s. 49.

³⁸ Ibid., 26 XII 1848, s. 201, 202.

придерживаться, то окажемся слабыми против правительства и против остальных народов Австрии; если пренебречь вторым правилом — пропадут наши согласие, взаимность и братство, несогласие и ссоры установятся между нашими отдельными племенами. Это же мне кажется величайшим национальным бедствием»³⁹.

Итак, Майр признавал, что славяне в Австрии в 1848 г. не являются единым народом, а составляют восемь самостоятельных славянских народов (племен), однако из политических соображений он считал, что они все должны выступать как «единый народ», ибо каждый из славянских народов в отдельности слишком слаб, чтобы защитить свои права в борьбе как против австрийского правительства, так и против неславянских национальных движений в Австрии. Характерен один нюанс: Майр в письме рассматривал правительство не как союзника, но как противника славян.

На австрославистскую программу Майра решающее влияние оказали программы Славянского съезда в Праге. Из них наиболее близка взглядам Майра была, по-видимому, программа Либельта, польского революционера, представлявшего на съезде вместе с Бакуниным левое крыло. В отличие от других австрославистских программ (Палацкого, Любомирского и др.), подразумевавших вхождение в Австрию всех национальностей, живущих в бассейне Дуная, программа Либельта предусматривала создание чисто славянской федерации. Ту же самую тенденцию мы прослеживаем и у Майра — сначала он также говорит о чисто славянской федерации, позднее допускает участие в Австрийском союзе и других народов, но при этом подчеркивает, что славяне в нем должны представлять единое целое по отношению к другим национальностям — Слaviю, которая по своему устройству является не чем иным, как славянской федерацией. Так же, как и Либельт, Майр особо оговаривал, что каждый славянский народ должен быть равноправен в федерации и ни один не может господствовать над другим. Но в отличие от левых Майр считал, что новая федерация должна быть монархией, а не республикой. В этом сказался его либерализм.

Интересно, что в своем последнем проекте создания славянской федерации в рамках федеративной Австрии Майр совершенно не затрагивал вопроса об особо близких отношениях между южными славянами. Наоборот, Майр подчеркивал, что каждое славянское племя должно объединиться со всеми другими австрийскими славянами, а не с одним из племен. Каждое племя должно считать своей родиной всю австрийскую Слaviю. Итак, уже к концу 1848 г. Майр отошел от иллирийских позиций, отказался от плана создания особого союза южных славян, став сторонником союза всех австрийских славян.

Во всех своих статьях Майр проводил неуклонно одну идею, кстати, общую для всех славянских либералов — для славян необходимо сохранить Австрию. Как уже говорилось выше, он думал о сохранении не существовавшей доселе Австрии, а той Австрии, которая должна была быть создана. В действительности же борьба Майра (как и других австрославистов) за новую славянскую Австрию вылилась в поддержку Габсбургов против революции, а его ненависть к национальному угнетению — во враждебное отношение к революционной Вене и революционной Венгрии.

Отношение Майра к России (как к государству) особенно в период до Пражского восстания было отрицательным. В статье «Славяне и немцы», отвечая на обвинение немцев, что славяне хотят идти под власть России, он писал: «... нам свобода милее, чем любое насилие, будь оно русское,

³⁹ Письмо Майра Вразу 22 XI 1848. Trezor. Nacionalna i sveučilišna biblioteka. Zagreb.

будь оно франкфуртское»⁴⁰. В последней своей статье за 1848 г. «Согласие словенских обществ» Майр в ответ на обвинение немцев, что славяне ориентируются на Россию, повторил слова Ф. Палацко: «Мы, славяне, говорим: если бы австрийской империи не было, мы бы ее основали заново»⁴¹. Таким образом, в 1848 г., в своих проектах о будущем славянских народов, Майр еще не выходил за рамки Австрии. Самодержавная Россия для Майра в это время ни в коем случае не является путеводной звездой — наоборот, объединение с нею он считает для Словении несчастьем, равным вхождению ее в объединенную Германию. И это понятно — крепостническая Россия времен Николая I не могла привлекать либерально настроенного Майра.

Каким же способом думал Майр достичь своих целей? Только легальным путем. Бунт, мятеж для него — преступление, особенно, если они подняты немцами или венграми. Что касается славян (например, Пражского восстания), то здесь Майр не высказал прямого осуждения. Но его резко отрицательный отзыв о действиях Виндишгреца заставляет предположить, что к чехам Майр не был так строг, как к немцам и мадьярам. Все же легальный путь являлся для него единственно приемлемым.

В статье «Согласие словенских обществ» Майр указывает, каким образом славяне могут достичь своих целей. Конституция предоставила право создавать общества. Словенцы должны воспользоваться этим правом. Словенские общества нужно основывать в каждом окружном городе. Они уже имеются в Вене, Граце, Любляне, Триесте, Целовце, Горнице. Но в Мариборе, Целье, Новом Месте, Постойне, Пазине их надо еще создать. Каждый сознательный словенец должен вступить в общество своего округа. На собраниях обществ следует обсуждать дела родины, читать славянские газеты, декламировать и петь словенские стихи и песни. Но Майр указывал, что главная цель обществ не культурно-просветительская деятельность, а политическая. Они, по его мнению, должны объединить «словенских патриотов, ближе познакомиться словенцев с государственной (политической) деятельностью, содействовать более тесному знакомству славянских племен друг с другом, чтобы постепенно объединить их в единый австро-славянский народ, и, наконец, законными средствами добиться проведения в жизнь конституционных прав у словенцев и во всем государстве». Все общества должны входить в объединенное словенское общество, которое одну руку протянет «Всеславянской лице» в Праге, а другую — своим братьям хорватам и сербам. Каждое словенское общество в составе единого всесловенского сохраняет свою полную самостоятельность. Все общества — равноправны. Но они советуются друг с другом, выявляют нужды народа, устанавливают совместно те законные средства, к помощи которых можно осуществить народные желания, поддерживают друг друга⁴².

Таков, по мнению Майра, путь, гарантирующий славянам обеспечение их национальных прав. В известной степени план Майра перекликался с планом редакции «Slawisches Centralblatt» в Праге. Этот план предполагал объединение всех славянских обществ в одно под названием «Славянская липа» или «Всеславянская липа» с центром в Праге⁴³. Но из чешского плана нельзя было себе уяснить характер деятельности этого общества — там говорилось лишь о литературных связях, о создании общеславянской библиотеки в Праге. Неясной оставалась сфера деятельности одного из предполагаемых комитетов «Всеславянской липы», который должен пред-

⁴⁰ «Slovenija», 18 VI 1848, s. 17.

⁴¹ Ibid., 12 XII 1848, s. 186.

⁴² Ibid., 12, 15 XII 1848, s. 186, 189, 190.

⁴³ Ibid., 17 X 1848.

ставлять австрийское славянство перед европейскими народами. Прямо о политической деятельности общества в чешском проекте не говорилось. Майр же подчеркивал политический характер словенских обществ, лишь мельком упоминая об их литературной деятельности. Необходимость связи всесловенского общества с «Всеславянской липой» в Праге и с сербскими и хорватскими обществами Майр выводил из самого назначения всесловенского общества — «содействовать более тесному знакомству славянских племен друг с другом, чтобы постепенно объединить их в единый австро-славянский народ». План Майра интересен и тем, что в задачу словенских обществ входило выяснение нужд народа и установление законных путей их осуществления. Характерно, что ни в одном из уставов словенских обществ того времени о народе и его нуждах не говорилось ни слова.

В целом социально-политические взгляды Майра были либеральны. В национальном вопросе Майр выступал как последовательный сторонник самостоятельного развития наций, как глашатай тесной дружбы и политического объединения на федеративных началах славянских народов Австрии. Он единственный из всех словенских либералов предложил объединить все территории, на которых проживало словенское население. Недаром Апих называет его в своей книге «самым крайним словенским левым».

Немногочисленные словенские либералы в 1848 г. представляли интересы некоторых кругов словенской интеллигенции, нарождавшейся словенской промышленной буржуазии и отчасти сельской буржуазии. Социальная программа Майра, направленная по существу на ликвидацию феодальных отношений, соответствовала стремлениям прогрессивных кругов словенской буржуазии. С другой стороны, программа не шла вразрез с интересами части торгово-ростовщической буржуазии, откупившей у разорявшихся помещиков некоторые их феодальные права, чаще всего право сбора десятины, ибо в ней предусматривался выкуп феодальных повинностей.

Майр был одним из очень немногих словенских деятелей того времени, которые пытались хотя бы частично связать требование Объединенной Словении с экономическими требованиями крестьян (отмена за выкуп феодальных повинностей, право выращивать табак, торговля солью и пр.). Однако стараясь привлечь крестьян к национальной борьбе путем мелких экономических выгод, Майр в силу своей либеральной ограниченности не пошел на объединение национальных требований словенцев с требованием крестьян отменить феодальные повинности без выкупа. Поэтому, хотя иногда агитация Майра среди крестьян имела успех, в целом его программа была им чужда.

Иллирские и австрославистские планы Майра отражали неуверенность словенской буржуазии в том, то словенцы самостоятельно смогут отстоять свои национальные права. Эта неуверенность была характерна для Штирии и Каринтии, где национальные силы были слабее, а германизаторский натиск сильнее, чем в Крайне и Горице. Слабая словенская буржуазия искала союзников для борьбы с сильной немецкой и итальянской буржуазией. С буржуазией других славянских народов Австрии (прежде всего югославянской) ее роднили не только общие задачи борьбы за национальное самоопределение в Австрийской империи, не только общие враги — немецкие, итальянские и венгерские правящие классы, но и близость языка и культуры.

И еще один вопрос возникает в связи с деятельностью Майра в 1848 г. — насколько его программа и его идеи оказывали влияние на его современников? Из содержания газеты «Словения» за 1848 г. можно увидеть, что программные статьи в ней написаны Майром, и они во многом определили по-

литическое направление газеты. Книга Маяра «Правила, как преобразовать иллирийское наречие в общеславянский язык», усиленно рекламировалась «Словенией». В «Словении» давался ее пересказ, печатались выдержки из нее. Также рекламировалась и книга Маяра «Прописи латинско-и кириллицко-славянские»⁴⁴.

Уже первое политическое выступление Маяра в «Новицах» от 29 марта 1848 г. вызвало среди словенцев горячий отклик. В частности, 12 апреля 1848 г. два видных члена венской «Словении» Мартин Семрайц и Антон Глобочник подчеркивали в «Новицах» значение выступления Маяра: «Хвала и слава тебе, дорогой словенский брат господин Майер, своим горячим словом в „Новицах“ обнаруживший свою искреннюю заботу о нашем словенском языке»⁴⁵. Выше уже говорилось о том, с какой симпатией отнеслись к почину Маяра в деле сбора подписей под петицией об Объединенной Словении член венской «Словении» Хладник и иллирийский иллир Д. Трестеняк.

Позднее в «Словении» имя Маяра упоминалось многими корреспондентами в числе наиболее уважаемых национальных деятелей. Свечан (Эйншпиллер) назвал Маяра первым в ряду словенских патриотов. Янез Навратил (чех из Любляны) восторженно приветствовал статью Маяра «Славянские учебники». Маяр для него — искренний патриот и ученый словенец. Навратил не только полностью разделял мысль Маяра о необходимости изучения в школах кириллицы, но и считал, что она должна стать единственным славянским алфавитом. Свою статью Навратил заканчивал здравицей: «Слава, слава г. Майеру!»⁴⁶

Сам Маяр с гордостью сообщал Вразу: «Мое слово ценится у словенцев»⁴⁷.

Таким образом, деятельность Маяра в период революции 1848 г. имеет большое значение для национального движения Словении, поскольку он первым в печати потребовал Объединенной Словении, первым стал вести агитацию среди крестьян в пользу словенской национальной программы.

В 1848 г. Маяр был одним из идейных вождей словенских либералов. Однако он не стал организатором и руководителем либерального движения в Словении, в частности, потому, что, во-первых, на протяжении почти всей революции он находился в отдаленном селении, а во-вторых, никогда не отличался талантом организатора. Правда, Маяр считал нужным создать крепкую национальную организацию и в «Словении» в декабре 1848 г. опубликовал ее план. Но этот план был выдвинут слишком поздно, когда революция уже была разгромлена и национальное движение пошло на убыль. В таких условиях план Маяра уже не мог иметь реального значения.

В период революции политическая деятельность Маяра была направлена исключительно на защиту интересов словенского народа. Его иллирские и общеславянские симпатии, хотя уже и очень сильные в то время, играли второстепенную роль.

Программа Объединенной Словении, в создании которой Маяр принял такое деятельное участие, стала национальной программой наиболее прогрессивных словенских кругов на протяжении ряда десятилетий, а его попытка вести агитацию среди крестьян была подхвачена наиболее смелыми представителями словенского национального движения в годы словенских таборов (1868—1871).

⁴⁴ M. M a j a r. Predpisi latinske in cirilsko slavenski. Praha, 1849.

⁴⁵ «Novice», 12 IV 1848, s. 60.

⁴⁶ «Slovenija», 2 II 1849, s. 37.

⁴⁷ Письмо Маяра Вразу 22 XI 1848 г. Trezor...

В. М. ЖИГУНОВ

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР И ПОЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Вопросы польской внешней политики во время судетского кризиса 1938 г. вызывают живой интерес у историков. Анализу тактики и методов польской дипломатии отводится известное место в многочисленных исследованиях и публицистических статьях, посвященных Мюнхенской конференции.

На ярко выраженную античехословацкую и антисоветскую направленность политики польских правящих кругов в трагические дни сентября-октября 1938 г. указывается в программных документах Польской рабочей партии¹, в выступлениях выдающихся государственных деятелей Польской Народной Республики².

Значительный вклад в исследование политики буржуазной Польши вносят историки-марксисты европейских социалистических и некоторых капиталистических стран. В их работах приводятся многочисленные факты, свидетельствующие об активном участии Польши совместно с гитлеровской Германией и хортистской Венгрией в расчленении Чехословакии в 1938 г. Это привело в конечном счете к значительному ухудшению стратегического и внешнеполитического положения Польши в результате мюнхенского сговора³.

Сложное положение создалось в буржуазной историографии.

Среди польских историков-эмигрантов споры о внешней политике Польши в рассматриваемый период не утихают до настоящего времени. Часть

¹ «Kształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1942—1945. Warszawa, 1958, s. 153.

² См. В. Г о м у л к а. В двадцатую годовщину создания Польской рабочей партии. «Коммунист», 1962, № 1, стр. 86—87; J. C y r a n k i e w i c z. Wrzesień wiecznie żywym przypomnieniem a zarazem ostrzeżeniem i nakazem czujności. «Trybuna Ludu», 1 IX 1968.

³ «История Великой Отечественной войны», т. 1. М., 1960; «История внешней политики СССР», ч. 1. М., 1966; «История Польши», т. 3. М., 1958; «История Чехословакии», т. 3. М., 1960; В. Т. Ф о м и н. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М., 1963; Сб. «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939» (пер. с чешск.). М., 1959; Э. Р о т ш т е й н. Мюнхенский сговор (пер. с англ.). М., 1959; Н. В а т о w s k i. Kryzys dyplomatyczny w Europie. Warszawa, 1962; J. K o z e Ń s k i. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932—1938. Poznań, 1964; A. K i s. Magyarország külpolitikája a második világhaború eloestéjen (1938 nov.—1939 szept.). Budapest, 1963; K. P i w a r s k i. Polsko a Mnichov. «Slovanské historické studie». Praha, 1963; «Polen, Deutschland und die Oder-Neisse-Grenze», Bd. 1. Berlin, 1959; M. P u ł a s k i. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie od roku 1933 do wiosny 1938. Poznań, 1967; E. R a g i o n i e r i. Origini diplomatiche della 2 guerra mondiale. «Rinascita», Roma, 1959, № 9; S. S t a n i s ł a w s k a. Polska a Monachium. Warszawa, 1967; M. T u r l e j s k a. Rok przed klęską. Warszawa, 1960; M. W o j c i e c h o w s k i. Stosunki polsko-niemieckie 1933—1938. Poznań, 1965.

историков, взявших на вооружение теорию «политики равновесия» Польши между СССР и Германией в 30-е годы, пытается оправдать внешнюю политику санади ⁴. Вместе с тем авторы некоторых работ вынуждены признать параллелизм в действиях Германии и Польши во время судетского кризиса и факт использования санадией трагического положения Чехословакии в 1938 г. для достижения своих целей, не отвечавших национальным интересам страны ⁵. Так, бывший польский военный атташе в Греции и Турции генерал Т. Махальский, подвергая критике бывшего министра иностранных дел Польши Ю. Бека за прогерманский курс, подчеркивает, что участие Польши в расчленении Чехословакии лишь ухудшило положение Польши и что лучшим выходом из ситуации 1938 г. мог бы стать для нее союз с Чехословакией, Францией и Литвой (политику СССР автор освещает весьма тенденциозно) ⁶.

Ситуация, сложившаяся в польской эмигрантской историографии, по существу, отражает борьбу мнений по вопросу ориентации внешней политики Польши, имевшую место в стране накануне второй мировой войны, борьбу, которая велась с позиций буржуазного национализма.

Современные западноевропейские и американские буржуазные историки в основном единодушны в оценке польской политики периода лета-осени 1938 г. В исследованиях представителей различных направлений указывается на активное участие Польши в античехословацкой кампании и на ее сотрудничество с Германией и Венгрией накануне Мюнхена ⁷. Однако при этом некоторые историки и бывшие политические деятели, например Ж. Боннэ, У. Лэнжер, Э. Глисон, Г. Рипка и ряд других, стремятся представить в благоприятном свете политику «своих» довоенных правительств, прикрываясь «объективизмом» в изложении хода событий.

Несмотря на большое количество работ, даже с учетом появившихся в последнее время, проблематика внешнеполитических отношений довоенной Польши еще далеко не исчерпана, в том числе не раскрыты до конца основные методы и тактика, применявшиеся польской дипломатией перед Мюнхеном. Имеющиеся публикации польских, советских, чехословацких, венгерских, английских, германских и американских дипломатических

⁴ O. H a l e c k i. Borderlands of western civilization. A history of East Central Europe. New York, 1952; W. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Najnowsza historia polityczna Polski 1864—1945, t. 2, cz. 1. Londyn, 1956, s. 659; R. U m i a s t o w s k i. Russia and the Polish Republic 1918—1941. London, 1945.

⁵ O. H a l e c k i (ed.). Poland. New York, 1957; R. D e b i c k i. Foreign policy of Poland 1919—1939. New York, 1962; E. R a c z y Ń s k i. In allied London. London, 1962; Z. W i e r z b o w s k i. La Pologne recouvre son indépendance 1914—1939. In: «Pologne 1919—1939», v. 1. Neuhâtel, 1946.

⁶ T. M a c h a l s k i. Pod prąd. Światła i cienie kampanii wrześniowej 1939. London, 1964.

⁷ См., например, работы английских историков: R. F. L e s l i e. The polish question. Poland's place in modern history. London, 1964; A. J. D. T a y l o r. The origins of the second world war. London, 1961; американских: R. L. B u e l l. Poland: Key to Europe. New York, 1939; B. B. B u d u r o w i c z. Polish-Soviet relations 1932—1939. New York — London, 1963; K. E u b a n k, Munich. Norman, 1963; W. L a n g e r and N. G l e a s o n. The challenge to isolation 1937—1940. New York, 1952; французских: G. B o n n e t. Le Quai d'Orsay sous trois républiques 1870—1961. Paris, 1961; J.-B. D u r o s e l l e. Histoire diplomatique 1919 à nos jours. Paris, 1962; Histoire des relations internationales, v. 8. Paris, 1958; западно-германских: M. B r o s z a t. Zweihundert Jahre deutsche Polenpolitik. München, 1963; M. F r e u n d. Deutschland unterm Hakenkreuz. Die Geschichte der Jahre 1933—1945. Gütersloh, 1965; H. R ö n n e f a r t h. Die Sudetenkrise in der internationalen Politik, T. 1. Wiesbaden, 1961; H. R o o s. Polen und Europa. Tübingen, 1957; H. S i e g l e r. Aufriß der Außenpolitik Polens 1918—1945 und der Ausbruch des Zweiten Weltkrieges. Bonn, 1960; итальянских: M. R o s s a. La sconfitta dell'Europa. Milano, 1960; A. M a r t i n i. Polonia 1939. Prima tappa di una guerra crudele. «La civiltà cattolica», Roma, 1960, v. 2.

документов⁸, а также неопубликованные документальные материалы Историко-дипломатического архива МИД СССР, Архива внешней политики СССР и Центрального архива Министерства внешней торговли СССР позволяют несколько расширить изучение упомянутых выше вопросов, воссоздать объективную картину событий и показать тенденциозный характер исследований ряда буржуазных историков.

В 30-е годы внешнеполитическое положение Польши значительно ухудшилось. В немалой мере этому способствовало насаждение западными державами духа «умиротворения» в отношении потенциальных агрессоров — Германии и Италии. Польские правящие круги, основываясь на националистическом тезисе Ю. Пилсудского об СССР как одном из врагов Польши⁹, проводили откровенно антисоветскую политику. Правда, успехи СССР в мирном экономическом строительстве и на международной арене, а также внешнеполитические перемены в Европе вынудили польское правительство искать пути нормализации отношений с Советским Союзом. В 1932 г. им был подписан, а в 1934 г. — продлен советско-польский договор о ненападении. Но эти шаги польская дипломатия рассматривала лишь как часть пресловутой «политики равновесия» между СССР и Германией, усиленно проповедовавшейся бывшим польским министром иностранных дел Ю. Беком. На практике «политика равновесия» строилась на антисоветской основе и носила явно прогерманский характер. Ярким примером польско-германского сотрудничества в 1933—1935 гг. были совместные усилия обеих стран, направленные на срыв переговоров о создании системы коллективной безопасности в Европе¹⁰. Итогом этого сотрудничества являлось также постепенное ослабление польско-французских связей, хотя Польша, имевшая союзнический договор с Францией, не закрывала двери для переговоров с великими западными державами.

Довольно сложными были отношения с Италией, Чехословакией, Румынией и Венгрией.

На Италию Польша возлагала большие надежды, пытаясь найти в ней одного из возможных союзников, способных воспрепятствовать распространению германского влияния в Дунайском бассейне. В марте 1938 г. во время визита Бека в Рим обсуждалась идея министра иностранных дел Чиано о создании при поддержке Италии блока в составе

⁸ Названия использованных сборников см. в примечаниях. Из материалов, опубликованных в 1962—1968 гг., следует отметить сборник «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich 1933—1938» (t. 6, Warszawa, 1967) в котором впервые опубликованы некоторые советские и польские дипломатические документы о мюнхенских событиях, сборник «Diplomat in Berlin 1933—1939. Papers and memoirs of Józef Lipski, ambassador of Poland» (New York — London, 1968), содержащий переписку бывшего польского посла в Берлине Ю. Липского с МИД Польши, в частности за 1938 г., и несколько сборников и подборок документов из архива МИД Венгрии, в том числе: «Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории капитуляции и периода войны» (пер. с венгерск.). М., 1962; M. Á d á m. Documents relatifs à la politique étrangère de la Hongrie dans la période de la crise tchécoslovaque 1938—1939. «Acta historica». Budapest, 1964, nos. 1—4; Diplomáciai iratok magyarországi külpolitikájához 1936—1945, II. Budapest, 1965 (далее — DIMK, II).

⁹ См., например, J. Piłsudski. Pisma zbiorowe, t. 5. Warszawa, 1937, s. 59, 65.

¹⁰ J. В е с к. Dernier rapport. Politique polonaise 1926—1939. Genève, 1951, p. 34—38, 73; Z. K u l a k. Pierwsza wizyta oficjalna Becka w Berlinie. «Przegląd Zachodni», Poznań, 1961, № 5; K. L a p t e r. Pakt Piłsudski — Hitler. Warszawa, 1962, s. 173; «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг. Документы Архива внешней политики СССР». «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 157; № 7, стр. 151, 154; № 10, стр. 157; M. J u r k i e w i c z. Polska wobec planów Paktu Wschodniego 1934—1935. In: Sesja naukowa poświęcona stosunkom polsko-niemieckim w latach 1933—1939. Warszawa, 1959, s. 82.

Польши, Венгрии, Румынии и Югославии. Тогда же обе стороны договорились приложить все усилия, чтобы преодолеть румыно-венгерские разногласия по территориальным вопросам, без чего создать блок было бы невысказано¹¹. Польские дипломаты прекрасно видели, что Италия проводит политику сотрудничества с Германией, но надеялись сыграть на итало-германских противоречиях в Юго-Восточной Европе.

Пожалуй, самые напряженные отношения складывались у Польши с Чехословакией. Конфликт между обеими странами из-за части Тешинской Силезии, переданной Чехословакией западными державами в 1920 г. в Спа, постоянно разжигался польским правительством. В 1938 г. он достиг своего апогея. Польская реакция еще в 1934—1936 гг. начала кампанию за отрыв Тешинской Силезии от Чехословакии¹². В январе — марте 1938 г. Ю. Бек проводит ряд консультаций с германским и венгерским правительствами об условиях польско-германо-венгерского сотрудничества в чехословацком вопросе¹³. Польская реакция последовательно занимала античехословацкие позиции. Когда встал вопрос об оказании помощи Чехословакии со стороны СССР, она отказалась пропустить советские войска в Чехословакию через Восточную Галицию и оказала в этом плане определенное давление на Румынию, убеждая румынское правительство в «нежизнеспособности» Чехословацкого государства¹⁴. 28 апреля Ю. Бек, инструктируя посланника в Бухаресте для беседы с румынским королем, писал: «В случае вопроса о положении Чехословакии прошу ответить, что наша оценка пессимистична не только из-за нажима Германии, но и в связи с внутренней дезорганизацией этого государства»¹⁵.

Несомненно, решающее значение при определении позиции в так называемом «чехословацком кризисе» имели переговоры с итальянскими и немецкими государственнымными деятелями. Вскоре после заявления Ю. Бека в мае 1938 г. о том, что Польша настаивает на урегулировании «проблемы» польского национального меньшинства в Чехословакии по типу решения вопроса о судетских немцах¹⁶, и после принятия этого тезиса чехословацким правительством¹⁷ польская дипломатия вступила в конкретные переговоры с Италией и Германией о координировании действий по отношению к Чехословакии и ее союзникам по Малой Антанте. 20 июня 1938 г. Чиано в беседе с польским послом Венявой-Длугошевским подчеркнул, что Италия поддерживает позицию Польши в чехословацком вопросе¹⁸. Несколько позднее, во второй половине августа, Ю. Липский и Геринг обменялись мнениями о территориальных притязаниях своих стран к Чехословакии и способах передачи Венгрии Закарпатской Украины, входившей в то время в состав чехословацкого государства¹⁹. Результаты

¹¹ G. Cianò. *Diario 1937—1938*. Bologna, 1948, p. 129; J. Beck. *Ibid.*, p. 147; R. Dębicki. *Foreign policy of Poland*. New York, 1962, p. 112—113.

¹² M. Zgórnika. *Sytuacja międzynarodowa Czechosłowacji i niektóre aspekty stosunków czechosłowacko-polskich w latach 1919—1937*. In: «Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914—1939», t. 9, s. 24—25; M. Pułaski. *Ibid.*, s. 129.

¹³ Documents on German Foreign Policy 1918—1945, ser. D, v. V, doc. 28, p. 38 (далее — DGFP, D, V); «Венгрия и вторая мировая война», стр. 68; «Acta historica», 1964, nos 1—2, doc. 7, p. 108.

¹⁴ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic papers 1938», v. I. Washington, p. 507—508 (далее — FRUS, I).

¹⁵ Историко-дипломатический архив (далее — ИДА), ф. 2а, оп. 1, д. 1, л. 10.

¹⁶ J. Beck, *Ibid.*, p. 159; W. Póbobóg-Malinowski. *Ibid.*, s. 657.

¹⁷ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 178.

¹⁸ ИДА, ф. 11, оп. 1, д. 2, л. 5—6.

¹⁹ «Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Zeszyty historyczne». Warszawa, 1958, z. 7, dok. III, s. 32—35 (далее — PISM, 7); J. Lipski. *Diplomat in Berlin, 1933—1939*, p. 382—387.

переговоров позволили Беку официально выдвинуть в беседе с сотрудником британского посольства в Варшаве Нортоном 30 августа 1938 г. требования об урегулировании положения польского меньшинства по тому же типу, что и вошрос о судетских немцах²⁰.

Определенный вклад в дипломатическую подготовку античехословацкой кампании польское правительство внесло в первые две недели сентября. С целью укрепления отношений с Венгрией, занимавшей в чехословацком вопросе позиции, аналогичные польским, им велись интенсивные переговоры с венгерскими государственными деятелями и высшим военным командованием о заключении джентльменского соглашения о политическом сотрудничестве в вопросах, касающихся Центральной Европы, разграничения будущих сфер влияния в Чехословакии и создании общей польско-венгерской границы за счет Закарпатской Украины²¹.

Одновременно Ю. Беком предпринимались попытки убедить французское правительство в безвыходности положения Чехословакии²².

Как свидетельствуют документы польского МИД, бековские дипломаты, опираясь на поддержку Германии²³, в своей античехословацкой акции не брезговали ничем. Характерны две секретные инструкции, высланные 15 сентября из Варшавы в Париж и Прагу. За несколько часов до того, как стали известны результаты переговоров Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене, заместитель министра иностранных дел М. Арцишевский писал послу в Париже Ю. Лукаевичу: «Прошу господина посла косвенно инспирировать в каком-либо органе печати статью с нападками на Польшу, отрицательная позиция которой в отношении вмешательства Советов (в дела. — В. Ж.) Центральной Европы сделала возможным для Германии проведение всей кампании против Чехословакии. В случае появления такой статьи прошу переслать ее послу Липскому»²⁴. Буквально через полчаса сам Бек инструктировал посланника в Праге Пацэ: «В случае, если бы требование плебисцита было уже четко выдвинуто судетскими немцами, я просил бы немедленно склонить польские организации в Чехословакии к демонстративному выступлению с аналогичным требованием, которое будет поддержано Польшей»²⁵. Санация шла на все, лишь бы набить себе цену в глазах своих берлинских «партнеров» и добиться отторжения Тешинской Силезии от Чехословакии.

Едва до Польши успели дойти из Берхтесгадена известия о заявлении Гитлера, что наряду с германскими требованиями о передаче Судетской области следует ожидать подобных же требований со стороны польского, венгерского и украинского национальных меньшинств в Чехословакии, как Бек явно с целью нагнетания обстановки направил послам в Берлине, Лондоне, Риме и Париже секретную инструкцию относительно позиции Польши в новой ситуации: «Всеми средствами и способами, — подчеркивал Бек, — надлежит настаивать на включении плебисцита в Тешинской Силезии в общую программу решения чехословацкого вопроса. Для реализации этой цели мы готовы использовать самые крутые меры, не отступая перед угрозой...»²⁶.

²⁰ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. London, 1949, ser. 3, v. II, doc. 720, p. 190 (далее — DBFP, 3, II).

²¹ DIMK, II, ir. 319—320, old. 576—577; ir. 342, old. 599—600; «Acta historica», 1964, nos 1—2, doc. 11, p. 112—114; «Венгрия и вторая мировая война», стр. 100.

²² ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 1, л. 8 (Инструкция Бека для Лукаевича 11 сентября 1938 г.).

²³ Заявления гитлеровских сановников были многообещающими. 9 сентября Геринг заявил Липскому, что в случае польско-советского конфликта рейх может оказать помощь Польше (J. Lipski. Ibid., p. 395).

²⁴ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 1, л. 113; S. Stanisławska. Ibid., s. 381.

²⁵ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 1, л. 111; S. Stanisławska. Ibid., s. 118.

²⁶ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 1, л. 115; PISM, 7, s. 40.

Одновременно Бек и венгерский министр иностранных дел Каия советовали друг другу настойчиво требовать плебисцита для венгерского и польского населения в соответствующих районах Чехословакии²⁷. Польское правительство даже заявило конфиденциально, что готово заключить с Венгрией военный и политический союзы²⁸, идя, по существу, на обострение отношений с Румынией, в планы которой отнюдь не входило быть свидетельницей усиления Венгрии. Польско-венгерское сближение могло привести к ослаблению внешнеполитических позиций Румынии и не встретило в Бухаресте одобрения²⁹.

Интересна реакция английского и французского министров иностранных дел на польский демарш. Галифакс принял ноту к сведению³⁰, а Боннэ, отметив, что «обещания, данные польскому меньшинству, будут несомненно выполнены», просил «не поднимать в настоящее время этот вопрос, чтобы дать возможность уладить проблему Судетов...»³¹. Относительное спокойствие Галифакса и Боннэ можно объяснить тем, что польские послы, вручая ноты, заверили их, что общее отношение Польши к Чехословакии остается прежним³². К тому же двумя днями ранее посол в Лондоне Э. Рачинский, отвечая на вопрос Галифакса, «...могла бы Англия рассчитывать на Польшу в случае войны», убеждал английского министра, что «сотрудничество с Великобританией является одной из основ польской политики»³³.

16 сентября 1938 г. состоялась беседа Липского с Герингом, в ходе которой посол просил еще раз проинформировать германское правительство о польских требованиях (инструкцию Бека от 15 сентября Липский зачитал статс-секретарю МИД Германии Вейцекеру поздно ночью)³⁴. Вниманию Геринга была предложена также программа дальнейшего развития польско-германских отношений. В частности, предлагалось сделать совместное заявление об отношениях между обеими странами по типу итало-германской декларации о границах, урегулировать наиболее щекотливые вопросы в области экономических интересов Польши в Гданьске и продлить действие пакта о ненападении от 26 января 1934 г. Геринг, в свою очередь, заявил, что было бы хорошо, если бы Польша подготовилась к любой неожиданности, возможной в создавшейся ситуации, и лицемерно выразил опасение, как бы чехословацкая «проблема» не оказалась решенной только относительно Судетов.

Разжигая захватнические аппетиты польской реакции, он усиленно советовал категорически ставить «требование о плебисците в районе, населенном польским меньшинством, используя для этого все средства: прессу, агитацию и т. д., а также выступления перед великими державами»³⁵.

Нацисты, очевидно, рассчитывали по возможности глубже втянуть Польшу в конфликт с Чехословакией. Проведение в жизнь «программы» Геринга могло бы значительно скомпрометировать Польшу в глазах мирового общественного мнения.

²⁷ DIMK, II, ir. 343, old. 600; ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 100.

²⁸ DIMK, II, ir. 354, 7, old 611—612.

²⁹ N. P. S o m n è n e. *Preludi del grande drama. Ricordi e documenti di un diplomatico.* Roma, 1947, p. 97; ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 146.

³⁰ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 85; DBFP, 3, III, doc. 5, p. 3.

³¹ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 72; PISM, 10, s. 18—19.

³² ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 1, л. 107.

³³ Там же, д. 2, л. 149—150.

³⁴ DGFP, D, II, doc. 508, p. 819.

³⁵ PISM, 7, s. 47—50; M. T u r l e j s k a. *Ibid.*, s. 72—73; J. L i p s k i. *Ibid.*, p. 403—405.

Советы Геринга, обещание Италией дипломатической поддержки ³⁶, согласие Англии и Франции на передачу Судет Германии ³⁷, готовность президента Чехословакии Э. Бенеша любыми средствами ликвидировать судетский кризис ³⁸ создали у польского правительства уверенность в благоприятном для него исходе событий. Опасение могла вызвать лишь телеграмма из посольства в Берлине, в которой сообщалось, что, по имеющимся у американского посольства сведениям, вскоре, вероятно, может последовать предложение Муссолини передать решение судетского вопроса конференции четырех держав ³⁹. Все эти обстоятельства, видимо, и послужили поводом к новому польскому демаршу.

17 сентября, ночью, Бек направил очередную секретную инструкцию послам в Берлине, Риме, Лондоне и Париже, в которой предписывалось во время переговоров с государственными деятелями соответствующих стран «поддерживать немецкий тезис о плебисците, добавляя, что аналогичные процессы на польских территориях (т. е. на территориях, на которые претендовала Польша.—В. Ж.) являются окончательным условием для улаживания вопроса... В случае, если появятся серьезные проекты созыва международной конференции по чехословацкому вопросу,— подчеркивал Бек,— прошу решительно заявить, что конференция без участия по крайней мере Польши, как государства, имеющего самую длинную границу с Чехословакией, а также других соседей Чехословакии, была бы фикцией» ⁴⁰. Такая постановка вопроса свидетельствовала о намерении польских правящих кругов добиться международного признания законности их требований ⁴¹. Приглашение Польши на подобную конференцию несомненно подняло бы престиж польской дипломатии. С другой стороны, политика Бека облегчала задачу фашистской Германии, пожелание которой, как говорил Геринг в середине сентября венгерскому посланнику в Берлине Чаки, состояло в том, «чтобы все национальные меньшинства, а также правительства и общественное мнение заинтересованных соседних стран громкогласно подтвердили несостоятельность бывшего чехословацкого государства...» ⁴².

Переговоры, состоявшиеся между польскими дипломатами и представителями держав «оси» и «западных демократий» в течение последующих пяти дней сентября, еще более четко определили позицию каждой из сторон. 20 сентября состоялась известная встреча Гитлера с Липским, во время которой Гитлер в ответ на предложение укрепить польско-германское сотрудничество на основе изоляции СССР, заключить договор о неприкосновенности границ, стабилизировать положение в Гданьске и продлить пакт от 1934 г. ⁴³ еще раз заверил Липского в солидарности Германии с Польшей, обещал поддержку в случае польско-чехословацкого конф-

³⁶ 15 сентября Чиано вновь подтвердил солидарность Италии с Польшей в тепшинском вопросе. См. ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 123.

³⁷ 14 сентября Лукаевич телеграфировал из Парижа: «На Кэ д'Орсэ настроение без изменения. Здесь видят необходимость передачи Судетов Германии... Ясно, что решение в руках Лондона и что какая-нибудь новая инициатива может прийти только оттуда». (ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 153; PISM, 10, s. 17).

³⁸ В начале сентября Бенеш говорил: «...Если благодаря решению судетской проблемы удастся прийти к соглашению с германским рейхом, он готов дать „уснуть“ советскому пакту». (ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 181).

³⁹ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 145.

⁴⁰ Там же, д. 1, л. 103.

⁴¹ По статистическим данным 1910 г. из 426 370 жителей Тепшинской Силезии 54,85% составляли поляки, 27,11% — чехи и 18,04% — немцы. См. Documentation internationale. La paix de Versailles. Questions territoriales, v. 1. Paris, 1939, p. 59.

⁴² «Венгрия и вторая мировая война», стр. 102.

⁴³ «Sprawy międzynarodowe». Warszawa, 1958, N 2, s. 114—115; M. T u r l e j s k a. Ibid., s. 79—81; J. L i p s k i. Ibid., p. 408—412.

ликта и поставил вопрос о гарантировании Польшей, Венгрией и Италией новых границ Чехословакии. Польские же предложения о Гданьске и пакте канцлер, по существу, обошел молчанием⁴⁴, что свидетельствовало о его намерении вернуться к поднятым Варшавой вопросам в более удобный для рейха момент.

Откровенно склонял Бека к неуступчивости в тешинском вопросе Муссолини. По его поручению Чиано советовал Веньяно-Длугошевскому, чтобы Польша производила как можно больше шума, настаивая на интернальном решении чехословацкой «проблемы», ибо в противном случае польские требования могли бы оказаться отложенными «на отдаленное будущее». Развивая свои идеи создания проитальянского блока, Чиано считал, что Польша и Италия должны «непрерывно добиться общей границы Польша—Венгрия—Югославия—Италия»⁴⁵. Наряду с этим польская сторона отказывалась разрешить транзит через свою территорию в Чехословакию советских военных грузов и стратегического сырья и оказывала в этом направлении определенное влияние на румынское правительство, принявшее в конце концов подобное же решение⁴⁶. Свою позицию сандация «подкрепляла» военными демонстрациями на границе с Чехословакией⁴⁷.

Несколько в ином направлении пытались повлиять на Польшу Англия и Франция. Министр иностранных дел Англии Галифакс, отвечая на польскую ноту от 19 сентября (о необходимости урегулирования вопроса о польском меньшинстве по типу решения судетской проблемы), сообщал польскому правительству, что его требования являются довольно несвоевременными, так как британское правительство в настоящее время сконцентрировало все свои усилия на проблеме судетского меньшинства, от решения которой зависит судьба войны или мира в Европе, и советовал не выдвигать этих требований до более подходящего момента, чтобы не придавать большего размаха имеющему место кризису⁴⁸. Галифакс, по всей вероятности, прислушивался к сообщениям посла в Варшаве Кеннарда о том, что неудовлетворение польских требований может привести к серьезному ухудшению англо-польских отношений⁴⁹, и не предлагал Беку снять требование вообще. Аналогичной была реакция Бонне⁵⁰, в планы которого, по словам американского посла в Париже Буллита, входило урегулирование вопроса о польских и венгерских притязаниях не ранее чем через 2—3 месяца⁵¹. Характерно, что Бонне никак не отреагировал на зондаж Лукаевича относительно включения Польши в число государств, принимающих непосредственное участие в обсуждении чехословацкого «кризиса»⁵².

Поскольку ни Англия, ни Франция не обещали Беку решить тешинский вопрос в скором будущем, польское правительство, проинформированное о намерениях Гитлера не давать гарантий границ Чехословакии после отторжения Судет до удовлетворения претензий Польши и Венг-

⁴⁴ «Документы внешней политики кануна второй мировой войны», М., 1946, т. 1, док. 23, стр. 176—184; ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 73; PISM, 7, s. 60; J. Lipski. Ibid., p. 410—412.

⁴⁵ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 100; В. Т. Ф о м и н. Там же, стр. 369.

⁴⁶ DGFP, D, II, doc. 531; p. 838; N. P. С o m p è n e. Ibid., p. 184; ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 128.

⁴⁷ «Правда», 1938, 20 сентября.

⁴⁸ О переговорах имеются отчеты английских и польских дипломатов. См. DBFP, 3, III, doc. 11, p. 7; doc. 20, p. 13—14; ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 125, 56—57.

⁴⁹ DBFP, 3, III, doc. 13, p. 9.

⁵⁰ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 108; PISM, 10, s. 21—22.

⁵¹ FRUS, 1938, I, p. 621.

⁵² ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 109; PISM, 10, s. 22.

рии⁵³, направило 21 сентября правительствам Чехословакии, Англии и Франции ноты с требованием немедленно решить этот вопрос⁵⁴. Польская и аналогичная ей венгерская⁵⁵ ноты послужили Гитлеру прецедентом, чтобы заявить 22 сентября в Гедесберге Чемберлену, что Германия не заключит с Чехословакией пакт о ненападении до тех пор, пока все пограничные споры чехов с соседями не будут решены⁵⁶. Варшава весьма оперативно отреагировала на это заявление. Уже на следующий день Ю. Бек предложил послу в Берлине Ю. Липскому передать в МИД рейха карту с обозначенными на ней районами Чехословакии, на которые претендовала Польша⁵⁷. Следует отметить, что к этому времени в польской политике по отношению к Чехословакии начинают появляться любопытные нюансы. 21 сентября первый секретарь польского посольства в Лондоне Михаловский в беседе с сотрудником МИД Англии Стрэнгом подчеркивает, что «было бы лучше, если проблема польского меньшинства в Чехословакии могла бы быть решена параллельно с проблемой судетских немцев, но независимо от Германии»⁵⁸. На следующий день, после английской и французской формальных нот о возложении на Польшу всей ответственности в случае, если ею будут предприняты прямые античехословацкие действия, Бек раздраженно заявил английскому послу, что «Польша не согласится, чтобы интересующие ее проблемы были улажены в другом плане. Англия может делать уступки в пользу Германии, но не за счет интересов Польши»⁵⁹. Одновременно Лукасевич убеждал Бонна, что польское правительство выступает столь резко из опасения создать впечатление, будто Польша получает Тешинскую Силезию из рук Гитлера⁶⁰. Другими словами, наряду с координацией действий с Германией польская дипломатия предпринимала попытки убедить Англию и Францию в «самостоятельности» польской линии, а также показать «твердость» в стремлении добиться Тешинской Силезии и нежелание «уступать» кому бы то ни было. О том, что польская позиция была воспринята на Западе «с пониманием», свидетельствовало заверение Бонна, высказанное в заключении беседы с Лукасевичем, в намерении французского правительства поддерживать польские требования в Праге и в возможности польско-французского сотрудничества в дальнейшем⁶¹.

По существу, единственным государством, решительно осудившим польские провокационные действия, был Советский Союз, неоднократно предлагавший чехословацкому правительству во время судетского кризиса политическую и военную помощь⁶². Принципиальная позиция, занятая СССР, с особой силой была отражена в советской ноте польскому правительству от 23 сентября. К тому времени польско-советские отношения, ухудшившиеся после ряда провокаций польской полиции по отношению к работникам советского посольства, консульств и торгпредства в июле-августе 1938 г.⁶³, только-только удалось нормализовать. Тем

⁵³ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 84.

⁵⁴ «Gazeta Polska», 22 IX 1938; «Mnichov v dokumentech», Praha, 1958, díl I, dok. 94, s. 173—174; DBFP, 3, III, doc. 17, p. 12; DGFP, D, II, doc. 553, p. 861—862.

⁵⁵ «Acta historica», 1959, nos 3—4, p. 279.

⁵⁶ DGFP, D, II, doc. 562, p. 877; ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 12; PISM, 7, s. 72.

⁵⁷ J. L i p s k i. Ibid., p. 414.

⁵⁸ DBGP, 3, III, doc. 21, п. 15.

⁵⁹ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 1, л. 76.

⁶⁰ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 42, 47—48; PISM, 10, s. 24—28; FRUS, 1938, I, p. 637—638.

⁶¹ Там же.

⁶² «Правда», 1938, 22 сентября; «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1959, стр. 103—105, 134—136 и др.

⁶³ Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 188, оп. 27, д. 1, л. 80—84; ф. 122, оп. 21, д. 1, л. 74, д. 5, л. 91, 67—78.

не менее Советское правительство, верное союзническому договору с Чехословакией, оказалось вынужденным заявить в своей ноте, что в случае польской агрессии против Чехословакии СССР денонсирует польско-советский договор о ненападении⁶⁴. К сожалению, советская нота не могла коренным образом изменить ситуацию. Польскому правительству было известно, что чехословацкая правящая верхушка не согласится принять советскую помощь. Руководство некоторых чехословацких буржуазных партий даже намеревалось обратиться к Польше с просьбой оказать влияние на Германию, чтобы та воздержалась от предъявления чрезмерных претензий на чехословацкую территорию⁶⁵. Просили о помощи и словацкие сепаратисты⁶⁶. 21 сентября министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта, объясняя на заседании Совета министров причины отклонения советских предложений о помощи, заявил, что «помощь большевистской России настроила бы против (Чехословакии.— В. Ж.) весь Западный мир»⁶⁷. Не удивительно, что уже на следующий день после получения польской ноты от 21 сентября Э. Бенеш вчерне написал письмо президенту Мосьщицкому, в котором изъявлялось согласие уступить Тешин и предлагалось тесное взаимное сотрудничество между обоими странами⁶⁸.

Далеко не последнюю роль в развитии тешинского кризиса сыграли США. Как писал в своих мемуарах государственный секретарь Соединенных Штатов К. Хэлл, «Польские интересы в Чехословакии были благосклонно приняты правящими кругами США»⁶⁹. Огромное влияние на политику США в этом вопросе оказывал посол в Париже У. Буллит. 24 сентября в телеграмме в Госдепартамент, он, в частности, советовал ни в коем случае не исключать Польшу из числа государств, могущих быть приглашенными на международную конференцию в Гааге по чехословацкой проблеме, предложенную несколько позднее президентом Ф. Рузвельтом (в то же время Буллит советовал исключить Советский Союз из списка приглашенных.— В. Ж.)⁷⁰. В беседе с Боннэ Буллит объяснял свою точку зрения опасением, что Польша и Венгрия могут оказаться в лагере Гитлера, если западные державы будут игнорировать их требования⁷¹. Эта же мысль не оставляла его во время переговоров в Париже с Лукасевичем 25—26 сентября. В ответ на просьбу Лукасевича убедить Англию и Францию не препятствовать созданию общей польско-венгерской границы и положиться на Польшу, Венгрию и Югославию, которые якобы окажут сопротивление экспансии Германии в Восточной Европе⁷², Буллит поддержал позицию Польши. Он полагал, что Англия и Франция допускают ошибку, не упоминая польские и венгерские требования, и сам энергично действовал в Париже и Лондоне, убеждая соответствующих политических деятелей в том, что урегулирование центральноевропейских проблем без Польши невозможно⁷³.

Принятие Чехословакией польских требований отнюдь не означало ослабления напряженности в польско-чехословацких отношениях. Польское

⁶⁴ «Известия», 1938, 26 сентября; ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 26.

⁶⁵ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 65.

⁶⁶ Там же, л. 75.

⁶⁷ R. В e s k m a n n. K diplomatickému pozadí Mnichova. Praha, 1954, s. 177; «Mnichov v dokumentech», díl II, dok. 158, s. 222.

⁶⁸ J. K ř e n. Do emigrace. Buržoazní zahraniční odbój 1938—1939. Praha, 1963, s. 62.

⁶⁹ C. H u l l. The memoirs, v. 1. New York, 1948, p. 596.

⁷⁰ FRUS, 1938, I, p. 642.

⁷¹ Ibid., p. 647.

⁷² 26 сентября Лукасевич говорил уже о блоке Польша—Венгрия—Румыния при поддержке Франции и Англии. Ibid., p. 651, 664.

⁷³ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 5—6; PISM, 10, s. 37—38; В. Т. Ф о м и н. Там же, стр. 377.

правительство потребовало передачи Польше приграничных округов и решения вопроса о польском меньшинстве на остальной территории страны. Одновременно польским посланникам в Бухаресте и Белграде подчеркивалась «законность» венгерских притязаний⁷⁴. Впрочем, и югославское⁷⁵, и румынское⁷⁶ правительства признавали «справедливость» польских требований. Министр иностранных дел Румынии Комнен дважды обращал внимание чехословацкого правительства на необходимость их удовлетворения⁷⁷.

Учитывая отношение западных держав, Венгрии, Румынии и Югославии к притязаниям Варшавы, Бек в конце сентября решил форсировать события и договориться с Германией об установлении конкретных сфер влияния в Чехословакии. В беседе с германским послом Мольтке 27 сентября он выразил надежду, что польские и германские интересы не столкнутся в затребованных Польшей округах⁷⁸. Вечером 27 и днем 28 сентября Липский и государственный секретарь Вейцзекер в деталях обсудили вопрос о будущей демаркационной военной границе на чехословацкой территории в случае начала военных действий против Чехословакии, причем крупный железнодорожный узел Богумин обе стороны договорились передать Польше, а на территории Фридецкого повета устроить плебисцит⁷⁹.

Решение о созыве в Мюнхене конференции представителей четырех стран — Англии, Франции, Германии и Италии, одобренное президентом Рузвельтом⁸⁰, вызвало недовольство в Варшаве, хотя Бек и получил из Парижа, Рима и Лондона заверения, что польские и венгерские требования в том или ином виде будут поставлены в Мюнхене⁸¹. Как сообщал в Госдепартамент посол в Варшаве Биддль, Бек был разочарован тем, что Польша не приглашена на конференцию⁸². В Париже Лукасевич, незадолго до этого выдвинувший идею созыва международной конференции в Варшаве в случае неудачи инициативы Рузвельта по организации Гаагской конференции⁸³, также выражал сожаление по поводу изоляции Польши и пытался выяснить у Боннэ, почему не приглашен ее представитель⁸⁴. Несколько отвечает на этот вопрос шифрованная телеграмма Венявы-Длугошевского, сообщавшего о беседе Муссолини с Чемберленом, в ходе которой Муссолини якобы предложил пригласить Польшу, но английский премьер-министр заявил, что участие Польши не является необходимым, поскольку ее требования уже приняты Чехословакией⁸⁵. Позиция западных держав вызвала протест со стороны польского МИД. 29 сентября в 17 часов 45 минут Бек писал польским послам в Лондоне, Париже, Берлине, Риме, Бухаресте и посланникам в Будапеште и Брюсселе в инструкции для переговоров с местными политическими деятелями: «В соответ-

⁷⁴ DIMK, II, ir. 409, old. 669.

⁷⁵ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 3, л. 62.

⁷⁶ Там же, д. 4, л. 164.

⁷⁷ Там же, л. 55.

⁷⁸ DGFP, D, II, doc. 652, p. 982.

⁷⁹ ИДА, ф. 2е, оп. 4, д. 13, л. 504—507; PISM, 7, s. 89—91; DGFP, D, II, doc. 644, p. 975; J. Lipski. Ibid., p. 430—431.

⁸⁰ FRUS, 1938, I, p. 688.

⁸¹ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 13; PISM, 10, s. 37. (Телефонограмма № 93 Лукасевича в МИД Польши 28 сентября 1938 г.); ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 11. (Телеграмма № 60 Венявы-Длугошевского в МИД 28 сентября); FRUS, 1938 I, p. 698. (Телеграмма Биддля в Госдепартамент 23 сентября).

⁸² FRUS, 1938, I, p. 698.

⁸³ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 4, л. 21; PISM, 10, s. 36.

⁸⁴ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 13; PISM, 10, s. 37.

⁸⁵ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 2, л. 11.

ствии с нашими принципами мы не примем решений, принятых без нашего участия, и своих интересов и прав будем добиваться собственными средствами»⁸⁶.

О решении участников конференции отложить удовлетворение польских и венгерских требований на три месяца Риббентроп сообщил Липскому утром 30 сентября, выразив мнение, что «Польша может быть довольна способом, которым ее интересы оказались обеспеченными в договоре»⁸⁷. Через несколько часов Галифакс просил Кеннарда передать Беку, что английское правительство надеется на продолжение Польшей переговоров с Чехословакией⁸⁸. На необходимость мирного решения проблемы указывал президент США Рузвельт, проинформированный Биддлем о напряженном положении в Центральной Европе⁸⁹. Западные державы ограничились призывами к польскому правительству соблюдать соответствующие пункты Мюнхенского соглашения.

Тридцатого же вечером Беком была получена шифрованная радиogramма от Папé о результатах беседы с Бенешем 29 сентября. Бенеш изъявил желание уладить вопрос положительно и обещал предложить 30 сентября процедуру урегулирования польско-чехословацких отношений⁹⁰. В другой радиogramме Папé сообщал о встрече с Сидором и Тисо, вручившими ему декларацию с программой предоставления независимости Словакии и просьбой к Польше взять новое государство под опеку на международной арене. Сидор и Тисо заявили также об отрицательном отношении словаков к вопросу о «воссоединении» с Венгрией⁹¹.

Учитывая изложенные выше обстоятельства, обсудив итоги Мюнхенского соглашения с польскими государственными деятелями⁹², а также иностранными дипломатическими представителями в Варшаве⁹³ и рассчитывая на полную безнаказанность⁹⁴, Бек направил 30 сентября в 23 часа всем польским дипломатическим миссиям инструкцию с просьбой проинформировать правительства соответствующих стран о предъявлении Польшей ультиматума Чехословакии с требованием передачи Тешинской Силезии⁹⁵. В ноте, врученной чехословацкому министру иностранных дел, выдвигалось категорическое требование допустить оккупацию Тешина польскими войсками в течение шести дней, начиная с 2 октября⁹⁶.

Реакция большинства стран—участниц только что закончившейся Мюнхенской конференции была идентичной. Польскому правительству советовали лишь продлить срок действия ультиматума⁹⁷. Однако, получив от Риббентропа и Геринга заверение в том, что в случае польско-чехословацкого или польско-советского конфликта Германия окажет Польше поддержку⁹⁸, Бек отклонил предложение о посредничестве.

⁸⁶ Там же, д. 1, л. 21.

⁸⁷ Там же, д. 5, л. 29; PISM, 7, s. 94—95; J. L i p s k i. Ibid., p. 433.

⁸⁸ DBFP, 3, III, doc. 76, p. 53.

⁸⁹ FRUS, 1938, I, p. 708—709.

⁹⁰ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 5, л. 37.

⁹¹ Там же, л. 32.

⁹² J. S z e m b e k. Journal 1933—1939. Paris, 1952, p. 342.

⁹³ FRUS, 1938, I, p. 709.

⁹⁴ Несколько лет спустя Бек оправдывал свою предмюнхенскую политику тем, что был уверен, «что чехи не будут бороться», а «западные державы ни морально, ни материально не были готовы взять на себя обязательства» (в отношении Чехословакии.— В. Ж.). J. В е с к. Ibid., p. 182.

⁹⁵ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 1, л. 16.

⁹⁶ «Mnichov v dokumentech», díl. I, dok. 135, s. 276.

⁹⁷ ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 5, л. 13, DGFP, D, IV, doc. 6, p. 6—7; PISM, 7, s. 102—103.

⁹⁸ DGFP, D, V, doc. 55, p. 80; ИДА, ф. 2а, оп. 1, д. 5, л. 7, 10; PISM, 7, s. 98—99, 104; J. L i p s k i. Ibid., p. 437—438.

Координация польской политики по отношению к Чехословакии с германской политикой, подготовка «решения» тешинского вопроса в тесном контакте с германским, венгерским и итальянским министерствами иностранных дел, игра на откровенном антибольшевизме западных держав во время судетского кризиса — все это в конечном счете привело к захвату Польшей чехословацкой части Тешинской Силезии.

Мюнхенский стовор и оккупация Тешина не могли не изменить внешнеполитическое и стратегическое положение Польши. Что получила Польша? Высокоразвитый промышленный район площадью в 1 тыс. км² с населением в 230 тыс. чел., большую часть которого в 1938 г. составляли чехи и немцы. Район, производивший в 1937 г. более половины выплавлявшегося во всей Польше чугуна, более трети стали и около половины проката. Но за «победу» пришлось заплатить дорогой ценой. В первую очередь ухудшилось стратегическое положение страны. Ослабленная экономически и урезанная территориально Чехословакия подпадала под влияние нацистской Германии. Германская угроза отчетливо вырисовывалась для Польши теперь и с юга. Существенно ухудшались отношения с СССР, а также с Румынией, Англией и Францией. Прямое сотрудничество с Германией⁹⁹ и Венгрией, разжигание националистических страстей среди поляков, проживавших в Чехословакии, шантаж, военные провокации и угрозы в адрес чехословацкого правительства в значительной мере дискредитировали Польшу на международной арене.

Возникает вопрос, предвидело ли польское правительство хотя бы ближайшие последствия своей политики? Какой резонанс она получила в стране? Агрессивная политика гитлеровской Германии и сотрудничество санации с нацистами во время судетского кризиса вызывали законное беспокойство у большинства польских политических партий. Многие левые и правые оппозиционные партии решительно осуждали официальный внешнеполитический курс. В первый ряд борцов против польско-германского сотрудничества шли польские коммунисты. В июньском 1938 г. воззвании «Руки империалистов прочь от Чехословакии» ЦК Компартии Польши призывал покончить с империалистическим польско-германским союзом и установить прочный союз рабочего класса и народов Польши с СССР¹⁰⁰. На германскую угрозу стране указывали некоторые деятели Польской социалистической партии (ППС). «В случае поражения Чехословакии,— писал в мае 1938 г. известный пепеэсовский деятель Чапинский,— Польша окажется в клещах», будучи окруженной «гитлерией» с севера, запада и юга¹⁰¹. Месяц спустя видный публицист проф. Строньский предостерегал польскую общественность в статье, опубликованной на страницах «Дзеника людового» (орган ППС.— *В. Ж.*): «Захватнический поход Германии на западных славян угрожает также и нам; после захвата Австрии Германией польская политика должна сказать: ни шагу дальше... Польша должна находиться на стороне Чехословакии...»¹⁰². К сожалению, пепеэсовские лидеры ориентировали рядовых членов партии на сотрудничество лишь с великими западными державами¹⁰³. Против правительственной линии выступал ряд профсоюзов. В июле 1938 г. съезд Центрального союза горняков потребовал от

⁹⁹ В 1944 г. Бек категорически отрицал наличие какого-либо античехословацкого соглашения с Германией (J. В е с к. Ibid., p. 181). Однако польско-германские переговоры о демаркационной линии на территории Чехословакии опровергают это утверждение.

¹⁰⁰ PISM, 9, s. 305.

¹⁰¹ «Robotnik», 8 V 1938.

¹⁰² «Dziennik Ludowy», 15—17 VI 1938.

¹⁰³ См., например, редакционную статью «Натиск на восток» («Robotnik», 8 VII 1938).

правительства изменить политику в отношении Германии¹⁰⁴. За оборонительный союз с Чехословакией ратовали левые легионеры¹⁰⁵.

Критически относилась к курсу Бека правая оппозиция. Представитель так называемого «Фронта Морж» генерал Сикорский, а также маршал Рыдз-Смиглы и шеф правящего лагеря национального единства генерал Соснковский открыто высказывались за укрепление отношений с Францией¹⁰⁶. Генерал Сикорский неоднократно выступал в печати со статьями, в которых указывал на постоянно нарастающую на границах Польши «нацистскую угрозу»¹⁰⁷. 30 мая 1938 г. орган правооппозиционной партии Стронництво праци опубликовал резолюцию ЦК СП о польской внешней политике, где подчеркивалось, что «... уничтожение Чехословакии было бы опасным для Польши, поскольку это привело бы ее к окружению и создало бы положение, равнозначное гегемонии Германии на этом континенте...» ЦК СП предлагал уладить польско-чехословацкие отношения путем прямых переговоров между обеими странами и точно придерживаться всех обязательств, вытекающих из союза с Францией¹⁰⁸. Христианские демократы опасались, что, расчленив Чехословакию, Германия выдвинет вопрос о национальном меньшинстве и перед Польшей¹⁰⁹. Рост угрозы со стороны Германии отмечали правооппозиционные народные демократы — представители крупных промышленных и помещичьих кругов¹¹⁰.

Но ни внутриправительственная (маршал Рыдз-Смиглы), ни левая, ни правая оппозиция не помешали санации осуществить раздел Чехословакии в контакте именно с Германией. Планировавшееся совместное выступление ППС, крестьянской партии Стронництво людове, народные демократов и Стронництва праци с осуждением античехословацкого курса санации сорвалось из-за принятия ультиматума правительством Бенеша¹¹¹. Примечательно, что все без исключения польские политические партии приветствовали «возврат» Тешинской Силезии. Только левые пезецовцы и часть рядовых членов ППС протестовали против оккупации Заользья¹¹². Участие санационного режима в грабеже Чехословакии было одобрено в условиях разгула крайне шовинистической античехословацкой пропаганды, проводившейся через правительственные организации, по радио и в печати. Выдвигаемый буржуазной эмиграцией тезис о тешинском выступлении как «вынужденном шаге» Польши¹¹³ не выдерживает критики. В методах и принципах решения тешинского вопроса наиболее отчетливо отразилась классовая сущность санационного режима, жертвовавшего престижем страны и национальными интересами своего народа ради достижения своих восторженных внешнеполитических целей.

¹⁰⁴ АВП СССР, ф. 122, оп. 24, д. 80, л. 123—124.

¹⁰⁵ «Czarno na białym», 15—20 VI 1938.

¹⁰⁶ См. J. K o z e ŋ s k i. Ibid., s. 175.

¹⁰⁷ «Kurjer Warszawski», 21 II, 15—16 VII 1937.

¹⁰⁸ «Nowa Rzeczpospolita», 30 V 1938.

¹⁰⁹ «Polonia», Katowice, 27 VII 1938.

¹¹⁰ «Warszawski Dziennik Narodowy», 26 VI 1938.

¹¹¹ «Правда», 1938, 15 октября.

¹¹² М. Б о г у с л а в с к и й. Политическая борьба в Польше в связи с наступлением фашистских агрессоров на Чехословакию. «Вопросы истории», 1948, № 5, стр. 36; J. Z a r n o w s k i. Polska partia socjalistyczna w latach 1935—1939. Warszawa, 1965, s. 325.

¹¹³ Известный польский историк-эмигрант В. Побуг-Малиновский, разъясняя мотивы, которыми польское правительство руководствовалось при «воссоединении» Тешинской Силезии, например, подчеркивает, будто поляки не могли допустить, чтобы эти районы попали в руки Германии. (См. W. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Ibid., s. 659).

Сотрудничество с Германией оказалось роковым для Польши. Захват Судетскую область, нацисты получили важный козырь в игре со своими бывшими партнерами. Мюнхенский договор широко открыл двери для германской экспансии на восток и юго-восток Европы. Не случайно 6—7 октября 1938 г. верховное командование вермахта и германский МИД высказались против общей польско-венгерской границы, так как, по их мнению, ее создание могло бы привести к ослаблению военных и политических позиций Германии в данном районе ¹¹⁴.

Польское правительство не смогло дать всесторонней объективной оценки сложившейся после Мюнхена ситуации. Правда, сразу же после оккупации Тешинской Силезии были начаты переговоры с СССР о нормализации внешнеполитических и укреплении экономических отношений ¹¹⁵, возобновились попытки пробудить у английского правительства интерес к Польше как к «единственному» государству в Восточной и Центральной Европе, способному проводить «самостоятельную» политику в отношении Германии ¹¹⁶. В октябре 1938 г. была предпринята попытка стабилизировать румыно-венгерские отношения и добиться соглашения Румынии на установление польско-венгерской границы. Однако все эти мероприятия были лишь тактическим ходом польской дипломатии и могли, в случае необходимости, послужить только поводом к открытию более серьезных переговоров с указанными странами. На пути этих переговоров стояли такие трудности, которые нелегко было преодолеть. Например, участие Польши в расчленении Чехословакии—союзницы Румынии по Малой Антанте, поддержка Бекком венгерских притязаний на чехословацкие земли во время судетского кризиса, постоянное подталкивание Венгрии после Мюнхена с целью форсировать события, сотрудничество с нею в организации диверсионных актов на территории Закарпатской Украины ¹¹⁷, привели к срыву польско-румынских переговоров ¹¹⁸ в середине октября 1938 г., чему способствовали также прогерманские тенденции определенной части румынских правящих кругов. Не исключено, что именно эти шаги польской дипломатии несколько ускорили события в развитии польско-германских отношений. В тот момент, когда отношения с СССР, с западными державами и странами—участницами Малой Антанты еще не были нормализованы, Гитлер поручил Риббентропу обсудить с Польшей Данцигский вопрос ¹¹⁹. Так польско-германское сотрудничество завершилось предложениями Риббентропа от 24 октября 1938 г. о «возврате» Гданьска Германии и строительстве экстерриториальных путей сообщения через польский коридор. Демарш нацистского министра иностранных дел открыл новый этап в польско-германских отношениях этап, который привел в конечном счете к гитлеровской агрессии против Польши.

¹¹⁴ DGFP, D, IV, p. 40, 48, 52.

¹¹⁵ Центральный архив Министерства внешней торговли СССР, ф. 1, оп. 2986, д. 19, л. 119; Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich, t. 6. Warszawa, 1967, s. 416; «Les relations polono-allemandes et polono-soviétiques au cours de la période 1933—1939». Paris, 1940, p. 233—235.

¹¹⁶ E. R a c z y Ń s k i. Ibid., p. 12.

¹¹⁷ См., например, ИДА, ф. 2е, оп. 4, д. 13, л. 30—34, 50—55, 86—87; DIMK, II, ir. 556, old. 823; «Acta historica», 1964, nos 3—4, p. 377. «Венгрия и вторая мировая война», стр. 113.

¹¹⁸ ИДА, ф. 2е, оп. 4, д. 13, л. 40—42, 68; J. B e c k. Ibid., p. 173; N. P. C o m p è n e. Ibid., p. 284—286, 289, 292.

¹¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 36, л. 437; J. R i b b e n t r o p. Zwischen London und Moskau. Leoni, 1954, S. 154.

СЛАВЯНСКИЕ МОТИВЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ АСЕЕВА

В литературе о Н. Асееве распространено мнение, будто поэтика его ранних произведений несамостоятельна и неорганична. Обмолвка самого поэта о дореволюционном творчестве как о периоде ученичества связывает руки критикам и как бы освобождает от необходимости подробного и внимательного изучения предмета.

Инерция такого представления идет еще с 20-х годов. Суждение критика А. Манфреда о том, что «выученик Хлебникова, старательно разрабатывающий его эксперименты, Асеев довоенных лет свои поэтические экзерсисы, граничащие с версификацией, заполнял невнятной мрачностью бессодержательного протеста вообще»¹, было далеко не единственным. Об этом приходится вспоминать, так как в наши дни бездоказательное и опрометчивое суждение А. Манфреда неожиданно находит прямое продолжение в некоторых работах, посвященных Асееву². В частности, устойчивым оказалось мнение, что стихия древнеславянской песни в поэзии Асеева берет начало в эстетике футуризма и, в частности, в творчестве Хлебникова.

Но можно ли думать, что ни с чем не сравнимая асеевская одержимость первородным народнопоэтическим словом пришла к поэту со стороны и обусловлена простым влиянием? Правильнее было бы увлечения Асеева славянской песней, ритмами старинных русских, украинских и польских плясок объяснить в более широком культурном плане — как неподдельный интерес к древней славянской истории и культуре (поэзии, музыке, живописи, архитектуре), охвативший многих русских людей, никак, кстати, с футуризмом не связанных. Вспомним С. Городецкого, Н. Рериха, С. Коненкова, И. Стравинского и др.

Мы будем говорить лишь о славянском цикле стихов и рассказов Н. Асеева. Небольшой по объему, он тем не менее чрезвычайно важен для понимания сложной асеевской поэтики, ее источников. Кроме того, он приоткрывает завесу над любопытным и малоисследованным периодом так называемых славянских исканий поэта (1912—1914 гг.).

Произведения Асеева, навеянные славянской историей, родились на единой фольклорной основе, в процессе создания они претерпели существенную эволюцию. Логика этой эволюции хотя и оставляет значительное место чисто техническим приемам Хлебникова, однако не сводится только к ним.

¹ А. Манфред. Николай Асеев. «Книга и революция», 1929, № 2, стр. 34.

² См., например: А. М. Крюкова. Ранняя поэзия Н. Асеева. В сб. «Очерки истории советской литературы». М., 1960; е е ж е. Канд. дис., М., 1965.

«Сарматские песни» — под таким названием поэт объединяет свои произведения славянского цикла. Нас не должно смущать видимое противоречие между славянской темой и «сарматским» заглавием, вызывающим представление о древнем неславянском ираноязычном племени. Здесь, по всей вероятности, произошел такой же перенос значения, как в свое время в рылеевской думе «Иван Сусанин», где поляки названы сарматами.

Уже первое стихотворение этого цикла — «Грозува», написанное, кстати, еще до сближения Асеева с Хлебниковым, соединяет в себе два начала, два интереса. Если первый интерес поэта — приобретенный и идет от традиционных для литературы начала века размышлений над природой поэтической речи, то второй интерес обусловлен настроениями и воспоминаниями, идущими из глубин детского сознания, т. е. наиболее близкого, по некоторым понятиям, к мироощущению древних. Поэтому словотворчество, изощренное экспериментаторство в области изобретения неологизмов соседствует в этом стихотворении с самой что ни на есть «глубокословной словянцизмой».

Асеев не случайно ассоциировал образы прапращуров-славян, людей первозданно мощных, свободных и близких к природе, с впечатлениями своего раннего детства. Чтобы лучше в этом разобраться, обратимся к биографии поэта. Асеев не раз говорил, что сильнейшее воздействие на формирование его поэтического темперамента и сознания оказало детское воспитание, атмосфера сказок, легенд, фантастических придумок деда, у которого мальчик воспитывался. Дед Асеева, Николай Павлович Пинский, действительно был человеком незаурядным. Любопытно, что курские края, родина поэта, виделась ему прежде всего как сфера почти безраздельного дедовского влияния — его привычек, натуры, воли, психологии, смелости. «Это был большой индивидуалист и свободолюбец. Он не мог ужиться в обстановке мещанского опутывающего уездного быта и выражал протест против него путем ухода к природе. Свою любовь к природе, к птицам, зверью и полям он передал и мне. Я хочу воссоздать фигуру этого уездного русского Робин Гуда, силача и ловкача, „дикого барина“, как звали его крестьяне, неутомимого охотника, убившего четырнадцать медведей и без счета волков», — писал Асеев³. И, конечно, дед — фантазер, охотник и рыболов — заразил мальчика своей «дикостью», непокорством, духом бродяжничества и отвращением к устоявшемуся быту.

Таков, по-видимому, источник формировавшейся в сознании поэта антитезы, имевшей важное идейное и стилиобразующее значение в его раннем творчестве: сегодня и вчера, сегодняшней дух мертвечины, стяжательства и «уездного быта» и вчерашнее вольное воинство, прельщающее поэта волей к жизни, психологией открытого забрала, стихийничества, отсутствием устойчивого быта и каких-либо мещанских интересов.

Заключает ли в себе эта коренная для Асеева антитеза какой-либо социальный смысл и следует ли ее связывать с событиями современности? Думаю, что да. Приход Асеева в литературу совпал со временем упадка в общественной жизни России. Реакция, наступившая после поражения первой русской революции, сильно затормозила развитие общественной жизни, но она не убила вольную мысль. Не всех художников «из жизни вывели» (Блок) и повели в подполье сознания, в мистику, в чистое, отрешенное от жизни переживание. Поиски нравственного стержня, дающего опору человеческому существованию, стремление жить и чувствовать так, «чтобы в тишине не изнемогнуть», «чтобы распутица ночная от родины не увела», и одновременно, горечь, гнев и ненависть к «мертвецам», «дурам»

³ «На литературном посту», 1926, № 2, стр. 57.

«дуракам», втягивающим «живых» в «пляски смерти», — все эти трагические ощущения имели глубокий социальный смысл и были знакомы, конечно, не одному только Блоку.

Асеев был человеком действительного темперамента. «Сарматские песни», вытеснявшие на периферию песни полумистической «ночной флейты», подтверждают это.

Если говорить общо, «Сарматские песни» — далекий от нас, а потому и воспринимаемый как легенда край, страна, мир вольного воинства, опозитизированный и как бы переложенный на стихи. Быт предстает в этих стихах в пересмысленном виде: не как нечто застойное, а напротив, в бурной динамике — это кочевье, охота, набег, столкновение:

Не спасти худым коуям⁴
 стольный град.
 Нынче ночью зацелуем
 ваших лад.

Быт, лишенный своих устоявшихся родовых черт, важен не сам по себе. Не набег, кочевье и захват поэтизируются Асеевым. Все это важно лишь как отражение жизненного и духовного начала в человеке. В «Сарматских песнях» реализуется в общем-то не новая для искусства идея превосходства простой и грубой жизни над жизнью цивилизованных мещан.

Асеев писал, что он начал «с коротеньких рассказов о прошлом, с картинок исторической жизни древних времен, сдобренных собственной фантазией»⁵. Далеко не всем знатокам литературы известны эти славянские рассказы. Можно даже подумать, что слово «рассказы» поэт в данном случае употребляет не в обычном смысле, а называет ими некоторые свои стихи. Писались рассказы тогда же, когда и «Сарматские песни» — в 1912—1914 гг. Были опубликованы в 1914 г. в журнале для детей среднего возраста «Проталинка» и с тех пор не переиздавались. Между тем они дают нам прямое указание на то, в какой конкретно культурно-исторической среде зарождались «Сарматские песни».

Рассказов всего пять: «Подзвонок», «Князьки очи», «Игорев лов», «Как Владимир один княжить стал» и «Первый князь полянский». Созданы они на основе древнерусских летописей и легенд, но когда Асеев говорит, что они «сдобрены собственной фантазией», то это воистину так. Вот, например, отрывок из Воскресенской летописи: «И быша три брата, единому имя Кий, а другому Щокъ, третьему Хоривъ, а сестра ихъ Лыбедь... и сотвориша себе городъ во имя брата своего старейшего, и нарекоша ему пмя градъ Киевъ. И бяше около града того лесъ и боръ великъ и бяху ловяще зверь»⁶. Отрывок невелик, но этого было достаточно, чтобы сочинить очень поэтичный и художественно достоверный рассказ о молодом и статном князе Игоре, глаза которого под сросшимися бровями глядели зорко и смело. «Недаром Олег, глядя ему в глаза, часто говаривал, что ни один враг не посмотрит два раза Игорю в очи...»⁷. Затосковав, Игорь обращается к своему пестуну Наяну, чтобы тот «вылечил тугу» (тоску). И вот Игорь по совету Наяна трубит в рог, собирает дружину лучников, сокольников в поход идти на добрую охоту. Перед выездом «дружинники разложили костры и, принеся жертву Перуну и составив вокруг огней большое коло (круг-хоровод. — О. С.), притоптывая, распевали охотничью песню, сложенную в стародавние времена и пев-

⁴ Коуй (или ковуи) — наемный воин, обычно «иноходец».

⁵ Н. Н. А с е е в. Моя жизнь. В кн. Советские писатели, т. 1. М., 1959, стр. 93.

⁶ Полн. собр. русских летописей, т. 7. СПб., 1856, стр. 263.

⁷ «Проталинка», М., 1914, № 8, стр. 487.

шуюся перед охотными походами»⁸. Вот эта «сарматская» (а следует понимать: славянская) песня, прекрасная в своей безыскусственности и простоте, какой была, вероятно, песнь-заклинание простодушного язычника.

Перуне, Перуне,
Перуне могучий,
пусти наши стрелы
за черные тучи.
Чтоб к нам бы вернулись
певучие стрелы,
на каждую выдай
по лебеди белой.

Чтоб витязь бы ехал
по пяди от дому,
на каждой бы встретил
по туру гнедому.
Чтоб мчались кони,
чтоб целились очи,—
похвалим Перуне
владетеля мочи.

Вне летописного контекста эта песня, как, впрочем, и все другие «сарматские» песни, воспринимается с трудом. Современному читателю они могут показаться архаичными, да это и есть по сути фольклорный примитив, свидетельствующий об умении Асеева талантливо воссоздавать поэтическую атмосферу жизни наших предков.

Далее рассказывается о соколиной охоте, о том, как Игорь, увлекшись охотой, неожиданно выезжает к окраине незнакомого селения и видит перед собой необыкновенной красоты (а в разговоре выясняется — и ума) девушку. Это Ольга. Конечно, молодые люди влюбляются друг в друга, и, конечно, старый Наян, пестун князя, идет в селение сватать Игоря.

«Весел шир идет над Днепром. Празднуют великое ликованье — свадьбу молодого князя Игоря... Пусть этот шир станет широм земли русской, что процветет твоим лугом на долгие века»⁹. Таким оказался Игорев лов.

Пересказывая содержание рассказа, мы хотим тем самым дать почувствовать, в каком летописно-поэтическом контексте создавались «Сарматские песни». Без особого труда теперь мы могли бы уловить и смысл других «песен» цикла, они легко расшифровываются, если их не отрывать друг от друга и не вырывать из стихии, породившей их.

«Самый быстрый» — стихотворение о «светлоликом и резвоном» князе. Почему он всех «упрежал» (опережал) и почему воспевается резвость ног? Существует легенда о первом полянском князе, рассказанная будто бы посту стариком. На берегу реки веселились поляне оттого, что «нынче ввечеру будет у них князь молодой», — «решено на совете старшин быть бегу великому, и кто добежит вперед до княжего места — тому на него и сесть»; «в лад, в лад прихлопывают в ладоши стоящие около начала состязания — большого костра»¹⁰. В лад, в лад несется тихая песня, тут же сложенная во славу будущему князю полянскому:

Стягни пояс туже,
страхни кудри шже,
повей, повей, друже,
к ставке княжей ближе —
золотой бородою.

Пождешь мила брата
к темным коновязям,
зовешь солнце-млада
велчати князем —
золотой бородою.

Те светлые ноги
прославляти струнам,
что сбоят дороги
с великим Перуном —
золотой бородою!

В лад неслась песня, в лад ей подтопатывали стоявшие в ряд «побегчики».

⁸ «Проталинка», 1914, № 8, стр. 495.

⁹ Там же, 1914, № 8, стр. 505.

¹⁰ Там же, 1914, № 11, стр. 715—716.

Победил бедный, никому неведомый Лешек, и вот стоят перед ним люди и, приплясывая, поют песню:

Ой, в пляс, в пляс, в пляс!
Есть князь, князь, князь,
светлоумный, резвоногий,
нам его послали боги!

Предположительно мы уже говорили о том, что является психологической основой «Сарматских песен». Однако Асеев обращается к древнему быту славян не только для того, чтобы как-то выразить свое «фрондерство». Он как будто чувствует, что романтически-отвлеченное недовольство жизнью цивилизованных мещан (за отсутствием конкретного ощущения и без достаточной опоры в сегодняшнем дне) может повиснуть в воздухе. Поэтому, очевидно, он постепенно углубляет содержание песен. Последующие сарматские рассказы и стихи обогащаются новыми идеалами — единения русских княжеств и совместной борьбы против иноземных захватчиков, идеалами русско-польского единства и дружбы. Язык современной газеты («единство», «дружба», «солидарность») не должен смущать: таковы действительно идеи и идеалы рассказов Асеева. В «Княжьих очах» узнается хорошо знакомая нам по «Слову о полку Игореве» боль автора за «смуту» русскую: «Блюдут князья о себе только, о земле же русской мало болеют. Стону не стало во груди земной от тех ли набегов половецких... Пусть бы головы наши поделены были — поделена земля родная»¹¹.

«Сарматская» песня «Над Гоплой» (ее другое название — «Польские песни»), пожалуй, первое произведение Асеева, которое не требует никаких скидок на незрелость и молодость автора. Стихи эти — смелая заявка на талант и мастерство. Как говорит И. Сельвинский, слову в стихотворной строке не безразлично, какие у него слова по соседству. Эта мысль, наверно, в сотый раз подтверждает правило о невозможности без ущерба для поэтического смысла перестановок или замен слов в стихе. В «Польских песнях» слова расставлены не случайно, они связаны круговой порукой (Е. Винокуров), не дающей им разползтись по поверхности «прозаического» смысла. Вряд ли уместно сейчас говорить о всех компонентах, составляющих суть стиха, хочется сказать только о том, что в этом произведении, как и во всяком хорошем стихотворении, есть кроме первой вторая, «несущая поверхность» смысла, придающая обычно художественному произведению необходимую многозначность, смысловой простор и глубину.

Асеев и в других «сарматских» стихах не фальсифицировал народную песню, но печать стилизации на них, несомненно, лежит. «Польские песни», однако, выделяются ограниченностью и естественностью всех элементов. В них стиль народной песни не копируется, это не иллюстрация к событию древности, это — сама народная песня, в ней «первичная сила художественного познания» (Л. Озеров).

Зачин «Польских песен» классически прост, как у обычной народной песни. Строится он по принципу фольклорного параллелизма:

Дул ли ветер не в лето теплый
или встала иная чара,
что опять над шинучей Гоплой
человечья лютая свара?

Образ ветра возникает здесь по традиции, с ним в народном сознании ассоциируется иногда дух, приносящий зло, печаль.

По фольклорной традиции вопрос чаще всего предполагает иносказательный ответ, вопрос же риторический (и в речи бытовой используемый

¹¹ «Проталивка», 1914, № 15, стр. 787.

как прием усиления) здесь ведет за собой (круговая порука!) второе четверостишие. В нем как бы метафоризируется «лютая свара»:

Валом валят в небе тучи,
закипает дождь на осине,—
это хвост ударяет щучий,
пробиваясь сквозь шерешь¹² синий.

Не надеясь, видимо, на точное понимание строфы, Асеев дает к ней пояснение: «Вся строфа, таким образом, рассказывает, что не весна пришла, не щука пробилла хвостом первый лед, а снова „лютая свара“ наполнила воздух до того, что дождь закипает, как кипяток»¹³.

Последние восемь строк — это лирический рассказ о злодее Пóпеле, по чьей вине затеяна «лютая свара», о добром и бедном земледельце Пясте и его сыне Земовите, которому, как передает легенда, суждено было принести людям мир. Обращает на себя внимание непосредственность и интонация личного участия, которую вносит Асеев в заключительные строки стихотворения. Личное отношение не свойственно обычной стилизации, здесь именно и происходит слияние старинной польской песни с «песнью» самого поэта.

Это вновь на пирушке Пóпель
у дому, у домбви Пяста,
на века загулял и прошил
дорогие княжие яства.

Вставай, Земовит, из нови
на свои веселые ноги,
оброни с величанной брови,
что тебе обещали боги.

Более дальний прицел «Польских песен» раскрывается в легенде, куда вкраплены эти стихи. «Эту песню („Над Гошлой“. — О. С.) спел мне старый-старичина теплым летним вечером. И когда я спросил его, что она значит, про какого Пóпеля в ней говорится, и что за Земовит такой, которого ждет песня, старый, потупив голову, долго молчал...

— Эх, пан, пан, не ведаешь ты видно старых былин про польский край! А и стоило бы их вспомнить... А как вспомнишь стародавние сказы, да увидишь, как ездили русские князья к польским пиры пировать, как вместе, плечо к плечу, рублились они за общую честь и свободу, то нехотя вспомняешь и прелетевшее время. Эх, пан, пан! Была Польша счастливым краем, пока была она сестрою Руси, да недолго то счастье продлилось, свары да раздоры ослабили ее, а там князь, и опомниться не успели, как немецкое иго налегло на окраины светлого края. Кабы знали, кабы ведали из тьмы веков про далекую грозную сечу. Кабы помнили кровную близость народы славянские...»¹⁴.

Итак, «Сарматские песни» покамест не дают оснований для мысли о том, что Асеев начинал свой путь с разработки хлебниковских экспериментов. Однако Асеев с самого начала увлекался поисками новых средств поэтической выразительности. Этот интерес поэта постепенно углубляется, и в произведениях, называемых теперь сарматскими только условно и вошедших главным образом в сборник стихов «Зор» (1914 г.), приобретает отчетливо тематический характер. По существу только в этих произведениях «сарматского» цикла, только с этого момента мы можем говорить о близости Асеева-экспериментатора к Хлебникову.

Из содержания всего этого сборника можно понять, что «Зор» — это поэтическое озарение, способность пролить на предмет свет, озарить его,

¹² Шерешь — тонкий ледок.

¹³ Н. А с е е в. Первый князь полянский. «Проталинка», 1914, № 11, стр. 713.

¹⁴ Там же, стр. 718.

способность разглядеть в явлении лицо, лик, образ. «Зор» выступает здесь также и как символ новой веры. С наибольшей очевидностью символ новой веры воплощается в стихотворении, которое так и называется — «Начало зора»¹⁵. Несмотря на усиленный как-будто антураж древности, в этом стихотворении впервые, может быть, начисто отсутствует исторический колорит, атмосфера народной жизни. Произошло это в результате сознательного сужения задачи, которую поставил перед собой поэт. Антураж славянской старины в «Начале зора» ограничен исключительно литературной функцией. Новый взгляд на поэзию — «Начало зора», оформляясь в определенную эстетическую программу, становится темой стихотворения. Провозглашается программа в формах не прямого и отвлеченного высказывания, а картинного иносказания, передающего атмосферу непонятной поначалу тревоги и какого-то загустения:

Мечами просекают людские голоса тоскующее время,—
овсюду, треск и блекоть, оскалы и озевы.

Размеренность и плавность течения стихотворной строки придает рисуемой картине некоторую торжественность и силу непрерываемой достоверности тому обстоятельству, что всюду сглаз, призор, порча, напущенная болезнь, всюду блекоть, белена, ядовитые растения.

Как уши мне зажать,
чтоб вывести из меры коснеющего тука¹⁶ воинственное дремя,
врематые дружины сомкнуть окрай межины, грозить и одружать?

Смысл четырех процитированных стихов раскрывается в декларации «Лирени»¹⁷. Точнее сказать, «Начало зора», новый взгляд на поэзию послужил основой для декларации «Лирени». Кажущимся призором и порчей языка вызвано настроение лирического героя. Слово, выброшенное на рынок, становится «мерой коснеющего тука» на «службе обменной монеты» торговцев и мещан от языка. Как устранишься от этого разора и призора, как «уши мне заткнуть», чтобы не слышать «ухоженную» рынком речь, что нужно сделать, чтобы вывести слово из меры коснеющего тука, вернуть ему первоначальную красоту и силу?

В Асеева «входит» Хлебников. В «Начале зора» мы явственно слышим отголоски хлебниковских идей исторической и языковой утопии. Старинный языковой колорит понадобился Асееву впервые для чисто эстетических целей, для провозглашения программы построения новой теории поэтического языка. Собственно, «воинственное дремя», «врематые дружины», сомкнувшие «окрай межины»¹⁸, были попыткой лексического обновления поэтической речи, которое, по мысли основателей «Лирени», спасет язык от порчи и разора. Из мысли о существовании слова «порченного», «ядовитого» и слова «летного», неповторимого простекает важнейшее в эстетике хлебниковского крыла футуризма противопоставление языка обиходного, обыденного и языка поэтического. Последние восемь строк стихотворения декларируют призыв и воинствующую готовность («Ножи нагие, нежьте!») приступить к созданию нового языка. Осуществить эту грандиозную задачу берется объединенная новой верой «дружина» поэтов, или, другими словами, «семья словобырей»:

Гляди, как их комоней¹⁹ помолный вынес вымах,
земля горит и гнется от их стального шага.

¹⁵ В сборнике «Оксана» (1916) это стихотворение названо «Зов».

¹⁶ Тук — жир, сало.

¹⁷ «Лирень» — почти забытое теперь литературное объединение (1915 г.). Помимо Асеева в него входили Хлебников, Петников и др.

¹⁸ Межина — пустырь, проем, тропинка между двумя полями.

¹⁹ Комонь — конь.

Издревле мучит ночью окличье: «Мир орей!»
и ныне тужит туга семьей словобырей²⁰.

Итак, один из самых ранних циклов, «Сарматские песни», отчетливо выявляет две стихии, под воздействием которых формировался поэтический голос Асеева: стихию народно-поэтическую, соединившую в себе волю к раскрепощенному быту, дух свободного от мещанских забот и условностей мира наших предков, и стихию чисто литературную, ограниченную заботами о построении нового поэтического языка. Никакую из этих стихий не следовало бы выдвигать настолько, чтобы одна побивала другую. Одна дополняла другую. Одна и другая — это два начала в поэзии Асеева 1912—1915 гг., объединившиеся не случайно, не под давлением внешних обстоятельств и даже не под воздействием Хлебникова. У Асеева был самостоятельный интерес к славянской истории и языковой архаике. Да это и естественно, так как именно неподдельный интерес и пристрастие к одному и тому же предмету только и могли сблизить Асеева и Хлебникова.

В заключение скажем, что интерес Асеева к польской поэтической культуре «Сарматскими песнями» не ограничился. В советское время он много переводил на русский А. Мицкевича, Ю. Тувима, В. Броневского.

²⁰ Бырь — быстрина в потоке; место наибольшей силы огня на пожаре; быркий — быстрый, бойкий.

В. М. МОКИЕНКО

АРЕАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕСТНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Известно, что фонетические и морфологические изоглоссы более стабильны и отличаются меньшей прерывностью, чем лексические. Тем не менее четкие латеральные фонетические и морфологические изоглоссы нередко оказываются результатом различных внутренних и внешних влияний, что делает их интерпретацию противоречивой. Достаточно напомнить различное происхождение соканья и шоканья в славянских диалектах или разные причины рефлекса праслав. **dl, *tl > g, l, kl*.

«Лексическая картина оказывается гораздо сложнее фонетической, что обусловлено не только чисто количественными факторами (числом лексем и семем), но также и гораздо большей открытостью системы. Последнее приводит к относительной размытости лексических границ между говорами»¹. Эта особенность ареального распределения лексики отмечается многими исследователями. Многообразие, пестрота, проницаемость изолекс — причина того, что «именно в лексике наибольшее количество диалектных различий еще не выявлено»².

Однако только лексический критерий всегда остается недостаточным для установления диалектных границ, хотя лексический материал при этом и играет определяющую роль.

Системность — основное методологическое требование современной лингвогеографии. Именно системное привлечение лексического материала приводит лингвистов к выводам исторического характера — от связей между отдельными говорами до широких этногенетических обобщений. В этом случае большое значение приобретает выбор такой группы лексики, которая бы характеризовала уровень материальной культуры и условия жизни соответствующего периода. К числу таких групп относится географическая терминология — один из древнейших пластов лексики, весьма важный для исследования этногенеза и позднейших передвижений славян.

Географическая лексика, исследуемая в ареальном плане, имеет то преимущество перед другими лексическими группами, что, будучи тесно связанной с конкретными географическими условиями, она непосредственно указывает на ареал. Не случайно в качестве материала при исследовании языковых и диалектных контактов избирается именно геогра-

¹ В. В. Мартынов. Лингвогеография Припятского Полесья и этногенез славян. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 139.

² О. Н. Мораховский. Проблематика исследований, связанных с методом лингвистического картографирования (на материале диалектологического атласа русского языка). Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, стр. 63.

фическая лексика (работы А. С. Будиловича, К. Мошинского, Ф. Безлая, В. М. Иллич-Свитыча, Н. И. Толстого и др.). Возникает вопрос о соотношении лексических изоглосс с фонетическими и об интерпретации устанавливаемых изолексных зон.

В настоящей статье делается попытка ареального анализа географической лексики с общим значением 'низкое, сырое место' на материале псковских говоров с учетом данных других говоров и славянских языков.

Выбор псковской лексики для такого анализа не случаен. Пограничное положение и сложные исторические судьбы псковских говоров, обусловившие многовековые контакты с белорусскими, западнославянскими и балтийскими диалектами, делают диалектный псковский материал и его интерпретацию важными для решения вопросов славянского этногенеза.

Проблемы генезиса псковских говоров и их древнейших отношений с другими восточнославянскими, западнославянскими и балтийскими диалектами до сих пор решались преимущественно на основе фонетических данных. Достаточно указать на живо обсуждавшийся вопрос о сочетаниях *gl*, *kl* на месте древних **dl*, **tl* в псковских говорах и на высказанные в связи с этим гипотезы о происхождении этих говоров³. К сожалению, лексический материал для решения данного вопроса привлекался лишь эпизодически. Исключение составляет статья О. С. Мжельской «О лексических связях псковских говоров с западнославянскими языками (слово „скорлупа“)⁴, в которой на материале многочисленных фонетических и семантических вариантов лексемы «скорлупа» убедительно показана связь псковских говоров с западнославянскими диалектами.

Однако отдельные слова, оторванные от системы диалектной лексики, хотя и обнаруживают любопытные языковые связи, все же остаются на уровне лексических «курьезов». Их выбор относительно произволен и во многом зависит от лингвистического чутья и опыта исследователя. При выборочном исследовании отдельных слов остается неясным их место в лексике говора и количественное соотношение различных схождения и расхождений, что особенно важно при решении этногенетических задач. Поэтому исследуемая здесь псковская географическая терминология рассматривается глобально, независимо от того, является ли термин общеславянским (*болото*) или узким диалектизмом (*улиза*).

Сопоставление этой лексики с диалектной русской терминологией и дальнейшее сравнение лишь на материале славянских этимологических и литературных словарей кажется для целей выяснения генезиса псковских говоров непреемлемым. Известно, как семантически стандартизуется лексика в литературных и этимологических словарях. Это не только нарушает семантический континуум слова⁵, но может подсказать, особенно при прерывистости ареала, ложную трактовку лексического совпадения (например, как омонимического или самостоятельного образования)⁶. Такие словари, естественно не могут отразить и всей словообразовательной структуры местных терминов; в них почти не приводятся узколокальные, полутопонимические, топонимические и другие образования.

³ Краткое изложение мнений ученых по этому вопросу см. в книге: Ф. П. Фил и п. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 186—188; е го ж е. Еще раз о происхождении *kl*, *gl*. Известия АН СССР, Серия лит-ры и яз., 1968, т. XXVII, вып. 2.

⁴ См. «Вестник Ленинградского университета», 1963, № 14, Серия истории, яз. и лит-ры, вып. 3.

⁵ Ср., например, чеш. *bláto* 'грязь' во всех словарях литературного языка и это же слово в терминологическом значении в диалектных материалах.

⁶ Ср. рус. диал. *зыбь*, *зыбун*, *зыбель* 'топкое болото' и словен. *ziba*, *zibel*, *zibelka* 'лялька, зыбка' и словен. диал. *zibi*, *ozibi*, 'топи, трясина, торфяники'.

Поставив перед собой цель ареального обследования псковской, а не всей русской или восточнославянской географической терминологии, мы тем самым ограничили задачи лингвогеографического описания: детально описывается ареал лексемы в русских, украинских и насколько позволяет имеющийся материал — в белорусских диалектах. Для остальных славянских диалектов ареал устанавливается, как правило, в пределах языка в целом.

Материал почерпнут нами из миллионной картотеки «Псковского областного словаря», а также собирался по специальному вопроснику в 1965—1968 гг. и при контрольных обследованиях. Для установления славянского ареала этих терминов привлекаются известные славянские диалектные и литературные словари, монографии и исследования по славянской лексике и топонимике, а также диалектные картотеки Ленинграда, Минска, Белграда, Люблины и Праги.

В лингвогеографическом аспекте рассматриваемая группа лексики отличается большим многообразием. В Псковской области записано свыше 300 местных географических терминов и их производных с общим значением 'низкое, сырое место'. Среди них есть термины широко распространенные, активно употребляющиеся, дающие большое количество фонетических, словообразовательных и семантических вариантов, и слова узлокальные и даже окказионально употребляемые.

С точки зрения ареала распространения исследуемые термины можно разделить на следующие группы: 1) общеславянские; 2) западно- и восточнославянские, выступающие на общеславянском фоне, по-видимому, как праславянские диалектизмы; 3) восточнославянские; 4) русские местные и 5) локальные (псковские).

В особые группы выделены географические термины, ареально связанные со словенскими диалектизмами, и термины, имеющие соответствия в балтийских и финноугорских языках.

Предложенная схема, как и любая схема довольно условна, но она помогает лучше ориентироваться в ареальной пестроте рассматриваемой терминологической группы.

1. Общеславянские термины

**bezъdna* (бездна), **bolto* (болото), **baltina* (болотина), **borъ*, **bor(ov)ina* (бор, боровина), **brodъ* (брод), **virъ* (вир), **grerъ* (грязь), **kalъkъ* (калок), **klĕtka* (клетка), **klinъ* (клин), **krogъ* (круг), **krogina* (круглина), **lъgъ* (лог), **perlogъ* (перелог), **pologъ* (полог), **lomъ*, **lomina* (ломина), **logъ* (луг), **liža*, **ližina* (лужа, лужина), **lōka* (лучка), **lĕda*, **lĕdina* (ляда, лядина), **mosarъ* (мочар), **močidlo* (мочило), **mъchъ* (мох), **nizъ*, **nizina* (низина), **okъno* (окно), **potokъ* (поток), **protokъ* (проток), **provalъ* (провал), **pučina* (пучина), **sita* (сума), **sitъ* (сумо), **soltina* (солотина), **struga* (струга), **trъstъ* (трестна), **tres-* (трясина), *čistъ*, **čistina* (чистъ, чистина). (Слова, заключенные в скобки — псковские географические термины).

Нужно иметь в виду, что речь здесь идет только об ареальном распространении лексем. Семантическую связь устанавливаем с учетом выявленных семантических моделей и переходов (см. об этом ниже), отнюдь не означает полной семантической стабильности этой группы терминов.

Ареальная характеристика общеславянских слов с «географическим» значением более дифференцирована, при этом прослеживается общая тенденция: признак «заболоченности» эти термины приобретают (или сохраняют), как правило, на славянском севере. По семантическому признаку их можно подразделить на пять типов:

1. Относительно стабильные на большей части славянской территории: **bolto*, **grežь*, **kalъkъ*, **lōgъ*, **lōka*, **luža*, **močarъ*, **nizina*.

Четкую ареальную границу семемы 'низкое, сырое место' (особенно у терминов с семантической корреляцией 'болото' → 'грязь') провести нельзя.

2. Развивающие (или сохраняющие) значение 'сырое, низкое место' (resp. 'болото') в западнославянских и восточнославянских диалектах: **bezъdъna*, **borъ*, **brodъ*, **krogъ*, **lъgъ*, **perlъgъ*, **lęda*, **lędina*, **okъno*, **provalъ*, **soltina*, **struga*.

3. Развивающие значение 'низкое, сырое место' в восточнославянских диалектах: **virъ*, **polъgъ*, **močidlo*, **mъchъ*. Сюда можно отнести и тюркское заимствование **buza*, приобретающее «географическую» характеристику лишь в псковских и белорусских говорах.

4. Развивающие значение 'низкое, сырое место' в русских диалектах (главным образом, севернорусских): **počina*, **čistъ*.

5. Развивающие значение 'низкое, сырое место' окказионально. Эта характеристика отмечена пока лишь для псковских терминов, но потенциально она может развиваться в сходных географических условиях славянского севера: **kļetъka*, **klinъ*, **lomina*, **potokъ*, **protokъ*, **sita*, **trъstъ*.

О такой возможности свидетельствуют самостоятельные семантические аналогии в славянских диалектах (например, словацк. *lomina* 'луг на буреломном месте' и пск. *лом* 'болото').

Эту общую схему нарушает неопределенность и условность семантической идентификации таких древнейших терминов как **leda*, **ledina*. Однако интенсивность семантических сдвигов, приводящих к семеме 'низкое, сырое место' на севере славянской территории, делает предложенную семемно-ареальную классификацию достаточно показательной.

II. Западно-восточнославянские термины⁷

⁺*багно* — рус., белор., укр., польск., словац., чеш., ⁺*бахоро* — пск., польск., чеш., диал., ⁺*бель* — сев.-русск., белор., польск., чеш., диал., ⁺*болонье* — рус., белор., укр., польск., кашуб., н.-луж., в.-луж., чеш., ⁺*бруханица* — пск., польск. диал., ⁺*глей* — рус., (пск., брян.), белор., укр., польск., словац., ⁺*кандуш* — пск., белор., чеш., ⁺*плав* — рус. (курск. и пск.), белор., укр., кашуб., польск., ⁺*плесо*, ⁺*плинтовка* — пск., польск. диал., ⁺*ржавка* — ср.-рус., укр. (карпат.), польск., диал., чеш. (ляшск.), ⁺*ржавец* — рус., укр., чеш. (в топонимии).

В этой группе выделяются лексемы с четким ареальным континуумом (их большинство) и с прерывистым. Семантически они также не отличаются абсолютным единообразием. Сравнительная устойчивость семемы 'низкое, сырое место' по всему отмеченному ареалу наблюдается лишь для ⁺*багно*, ⁺*болонье*, ⁺*плав*, ⁺*ржавка*. В остальных терминах наблюдаются семантические колебания или в пределах тесно взаимосвязанных «географических» значений (⁺*бель*, ⁺*гало*, ⁺*плесо*, ⁺*плинтовка*, ⁺*ржавец*) или в диапазоне «термин» ↔ «нетермин» ⁺*бахоро*, ⁺*бруханица*, ⁺*глей*, ⁺*кандуш*). Четкую ареальную границу семантических отношений слов типа ⁺*бель* провести довольно трудно. Можно отметить лишь заметное усиление семантической характеристики 'низкое, сырое место' на севере описываемого ареала. Чешские и украинские диалектизмы более нейтральны к развитию этой характеристики.

⁷ Знаком ⁺, вслед за Н. И. Толстым, мы обозначаем наддиалектные формы славянских географических терминов.

III. Восточнославянские термины

Лексемы этого типа распределяются так:

1. Русские, белорусские и украинские местные термины: ⁺*глубое озеро*, ⁺*заросль*, ⁺*колдобина* (южн.- и ср.-рус.), ⁺*копань*, ⁺*копанка* (южн.-рус.); ⁺*миара*, ⁺*миарина*, ⁺*миарник*; ⁺*плавни*, ⁺*плавина*; ⁺*топь*, ⁺*топель*, ⁺*топелица*, ⁺*трясина*;

2. Русские и белорусские: ⁺*буза* (пск.), ⁺*вязь* (пск., курск.-орл.), ⁺*гарь* (арх., волог., вят., кар., калинин., печор., перм., томск., урал., яросл., брян.), ⁺*луговина* (арх., олон., волог.), ⁺*олес* (смол.);

3. Русские и украинские: ⁺*болотня* (калинин., брян.), ⁺*бучило* (брян., ворон., курск.-орл., рязан., калинин.), ⁺*ложбина*, ⁺*лощина* (брян., донск.), ⁺*луговина* (яросл., енисейск.), ⁺*лучка* (брян., смол., рост., донск.), ⁺*полой*.

Лексемы этого ареала нередко выходят за его пределы. Для многих из них (*заросль*, *копань*, *луговина*; *миара*, *миарина*, *миарник*; *олой* *олес*, *плавни*, *топь*, *топель*, *топелица*, *трясина*) отмечены соответствия в польских (в основном пограничных с восточнославянскими) говорах. Узколокальный характер и некоторые словообразовательные и другие особенности⁸ позволяют характеризовать эти термины в польских говорах как заимствования из восточнославянских диалектов.

В семантическом отношении эта группа местных терминов относительно устойчива. Их семантические характеристики не противопоставлены, хотя иногда значительно расходятся (*колдобина*, *копань*, *буза*, *гарь*, *луговина*, *бучило*, *ложбина*, *лощина*, *луговина*, *лучка*). Строгого ареального распределения они не имеют. Потенциально каждый термин этой группы (в соответствующем географическом контексте) способен развивать семантическую характеристику 'низкое, сырое место'. Это показывают псковские термины, для которых данная семема не всегда является основной (ср. *буза*, *гарь*, *ложбина* и др.).

IV. Русские термины

При анализе этой группы лексики следовало бы различать севернорусские и южнорусские образования. Южнорусские термины в основном уходят в рассмотренную только что III группу. Они весьма показательная иллюстрация своеобразия южнопсковских говоров (южнее Пустошки) и их отличия от севернопсковских. Их ареал: южнопсковские — южнорусские — белорусские — украинские — периферийные польские говоры. Такой же ареал распространения имеют, вероятно, и термины *лапбнь* (пск.; донск. *лапань*; ср. и гидроним *Лопань* на Украине); *налой* (брян., орл., донск. и новг.), *олех* (ворон., курск., тамбов.), *чистик* (зап.) и др.

Имеется ряд терминов, распространенных в северно-, средне- и южнорусских и особенно широко — в севернорусских говорах: *бочаг*, *заводь*, *заводина*, *зыль*, *лужайка*, *мочажина*.

Термины севернорусского и среднерусского ареала: *бездонница* (арх.), *бочага*, *бочажина* (кар., олон.), *вешня*, *вешница* (новг., волог., твер.), *вязель* (твер., новг., волог., олон., ленингр., яросл.), *глаз* (арх., олон., яросл.), *дрель* (арх., олон.), *захаб* (волог.), *зыбель* (арх., олон., волог.), *зыбун* (арх., волог., кар., яросл., сиб.), *кипун* (арх., волог., кар., кали-

⁸ Ср. наблюдения Т. Зданевича над белорусскими заимствованиями в польских говорах Сейн: T. Z d a n e w i c z. Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnamі. Poznań, 1966.

нин.), *копанец* (новг., твер.), *разлог* (арх., олон., кар.), *наволоок* (арх., олон., волог., кар., перм., вятск., ярослав., сиб.), *паточина* (волог., перм., яросл.), *продуш(л)ина* (сев.-рус.), *прожора*, *прожорина* (новг.), *топка* (кар., вост.-сиб.), *чищенина*, *чищинка*, *чищенник* (сев.- и ср.-рус.).

Семантические особенности этой группы терминов в ареальном плане принципиально не отличаются от особенностей группы III.

V. Локально ограниченные термины

Эту группу составляют разнообразные по образованию и семантическим характеристикам (иногда довольно неопределенным) термины. В нее входят термины, производные от рассмотренных выше четырех групп, самостоятельно возникшие (нередко окказионально, контекстуально) и полутопонимические образования. Их ареал обычно ограничивается узким районом, часто — одним пунктом; нередко это слова единичного употребления.

К этой группе терминов относятся: *беда*, *белашка*, *бомбище*; *бродня*, *бродень*; *бузвальчик*; *вирень*, *виросцина*; *водивость*, *вязуха*; *габун*, *губун*; *галамутка*, *галина*; *гарий*, *гаревье*; *выгарь*, *выгарки*; *глушина*, *глушня*, *глушанек*, *глушачок*, *глухарь*; *гнилица*, *гнилка*, *гнилице*, *гниль*; *грязинка*, *грязина*, *грязка*, *гряzca*; *дризель*, *дрызгель*; *дрысина*, *дрязина*; *загубок*, *захлебина*; *зыбелына*, *зыбелица*, *зобница*, *зыбница*, *зыбалка*, *зыбина*, *зыбуха*; *эма*, *жабина*, *жиломуственник*; *кисель*, *киселица*, *кислицина*; *клеялка*, *колыма*, *коренишница*, *кучак*; *лужбинка*, *ложвинка*, *лоточинка*; *луцина*, *лушавина*; *лужнице*; *месинка*, *месило*, *месель*, *меселица*; *мокри*, *мокрота*, *мокротень*, *мочежень*; *мошок*, *мошочек*, *мошарина*, *мошачина*, *мшага*, *омшажка*, *амшарка*, *омшаренка*, *мшарана*; *набатурица*, *низкодолица*; *окнице*, *окновице*; *олешье*, *ортеп*, *ортепина*; *осоковка*, *патожина*, *потоковина*; *перемоина*; *плавучина*, *плавщина*, *плавняг*, *плавняга*, *плавнюга*, *плавье*, *поплавень*; *плёсовинка*, *подсосина*, *провалюха*, *пронизь*, *проница*, *слабучина*, *солотпки*, *стружавина*, *сырина*, *потопель*; *трясель*, *тряска*; *улиза*, *утопленница*, *устинок*, *холодник*, *черень*.

В лингвогеографическом плане данные образования важны как один из критериев выделения псковских говоров.

VI. Другие ареальные отношения

1. Интересны лексические схождения русских и других восточнославянских (причем для укр. и белор. чаще периферийных) и словенских терминов. Таковы сев.-п ср.-рус. *зыбь*, *зыбель*, *зыбун* — словен. *zibi*, *ozibi* 'топь, трясына' (ср. словен. *zibel*, *zibelka* 'люлька' и параллелизм 'люлька' ↔ 'моховое трясиное болото' в славянских языках); рус. (пск., новг., орл., брян.), укр. *мочавина* (*мочевина*) — словен. *močavina*, *močevina* 'болотистая почва' (ср. *močava* 'болотистое место, болото', 'влажная болотистая почва'); рус. (арх. волог., вятск., кар., яросл., пск., новг., калин.), укр., белор. *мох* 'болото' — словен. *maš* 'болото'; пск., *плавьё* 'слой земли с травой на плаве' — словен. *plávje* 'наносный ил'; рус., белор. *пожня*, польск. диал. (заимствованное из белорусского). *poźnia* — словен. топонимы *Požnjica* и *Prožinj* (ср. и хорв. *Požanj* и *Požnja* в Хорватском Приморье); рус., укр., белор. *трясына* (ср. польск. диал. *trzesawina*) — словен. *tresétina*. Лишь ареал **mokrina*, кроме рус. (пск., тул.), укр. и словен., охватывает и все западнославянские диалекты (польск. н.-луж., в.-луж., словац., чеш.).

В семантическом отношении указанные соответствия отличаются большой стабильностью.

2. Ареал большого количества исследуемых терминов имеет выход в балтийские языки. Эти термины можно разделить на две группы.

А. Общеславянские, соотносимые с балтийскими: а) лексемно: **virz* — лит. *vỹrius* 'водоворот'; **kletь* — лит. *klėtis* 'кладовая', лтш. *klēts*; **logъ* — лит. *lėngė* 'маленький лужок между двумя холмами'; **luža* (<**lougǫ*) — лтш. *luga* 'студенистая болотистая масса в зарастающих озерах'; **lōka* — лит. *lankà* 'долина', лтш. *lanka* 'низкая, вытянутая равнина' и др.; б) этимологически: **bolto* — лит. *báltas* 'белый'; **greзь* — лит. *grimstù*, *grimzdaũ*, *grimsti*, лтш. *grimt*, *grimstu* 'вязнуть'; лъгъ — ср. лит. *atlagai* 'поле, долго лежавшее под паром'; lom̃ — лит. жемайт. *lamaũtas*, *lamakàs* 'кусок' и др.

Большинство приведенных слов имеет широкие индоевропейские соответствия.

Б. Славянские (resp. праславянские) диалектизмы, тесно связанные с балтийскими терминами.

Эту группу терминов можно разделить по ареалам на две подгруппы.

а) Относительно стабильные лексически и семантически праславянские диалектизмы с широким восточнославянско-западнославянским континуумом: **банго* (рус., белор., укр., польск., словац., чеш.) — лит. *bagnà*, *bagtà*, *bognà*, *bõgnas* 'болото, трясина'; **бель* (рус., белор., польск., чеш.) — лит. *belà*, *balà* 'болото'; **гало* (рус. белор., укр., польск., словац., чеш.) — лтш. *gàlė*, *gàla* 'остатки не растаявшего весной льда на дороге'; **плав* (рус., белор., укр., польск., словац., чеш.) — лит. *plovà* 'трясина', лтш. *plava* 'луг'.

Балтийские лексемы по значению, как правило, полностью соответствуют севернославянским (польск., белор., сев.- и ср.-рус.). Некоторые из славянских терминов (например, чеш. *bahno* 'грязь', словац. *hol'a*, чеш. *hola*, 'поляна' и др.) не всегда семантически полностью совпадают с балтийскими, однако семантические отклонения закономерны и отмечаются нередко в одном диалекте.

б) Семантические восточнославянско-западнославянские и балтийские соответствия: рус. диал. (пск.) *брод* (ср. *бродня*, *бродень*) 'сырое, болотистое место', укр. *брод*, *брид* 'низменность', кашуб. *bròdnica* 'болото, трясина' и лит. *brãdas* 'топкое место' при прасл. **brodъ* 'брод' и лит. *brãdas* 'брод'; рус., укр., польск., н.-луж., в.-луж., словац., чеш., словен. **мокрина* 'болото' и лит. *taklũne* 'грязь', *takune* 'глубокая грязь'; **окно* на славянском севере 'мочажина, окно в болоте' и лит. *akis* 'болото на месте заросшего озера', лтш. *acis* 'яма в болоте, мочажина'; **струга* 'заболоченный водный источник' на славянском севере и лтш. *struga* 'болото'.

Подчеркиваем, что в данном случае речь идет о семантических, а не лексических диалектизмах. Общность значений, разумеется, во многом вызвана общностью географических условий, она и указывает скорее на типологические, чем на генетические связи носителей языка.

3. Псковско- (resp. славянско-) финноугорские соответствия, имеющие узколокальный характер.

К этой группе терминов относятся: пск. *лахтавина* 'низкая пожня', соотносимое с сев.-рус. *лахта* 'низкое место', 'залив', и фин. *lahta*, *lahti* 'залив', карел. саам. *лухта*, вепс. людик; *мухт*, эстон. *luht* 'заливной луг'; более узкий диалектизм *зярява* 'низина у реки' (Пал. Самохвалово, у границы с ЭССР) и эст. *saar* 'остров', *saoäärne* 'приболотный'.

4. Изображенная выше ареальная картина осложняется некоторыми спорадическими лексико-семантическими параллелями: пск. *беда* 'болото' — кашуб. *bėdaka* 'болото'; пск. *моховина* 'моховое болото' — полаб. *mochoveina* 'то же'; пск. *мошенец* 'моховое болото' и украин-

ский гидроним *Мошенец*; вост.-слав. ⁺*топило* 'вир, водоворот' — болг. *топило* 'то же'; пск., брян. и белор. *топина* 'болото' — полаб. *tībreina* 'болотистая местность'; пск., сев.-рус. *нажм* — белор. *нажма* 'низкая пожня' и др. Эти образования могут быть или отражением диалектных контактов или самостоятельными типологическими параллелями.

5. Своеобразием исследуемой группы лексики является практически ничтожная доля заимствований из литературного языка в псковских говорах: *торф*, *плитовка*. Лексема *торф* развивает много фонетических и словообразовательных вариантов, конкретизация семантики которых в говорах развивается по линии 'грязь' → 'болото'.

Интерпретация ареального распределения географических терминов

Приступая к интерпретации описанных ареальных отношений, сделаем несколько замечаний.

1) Учет ареала часто служит надежным ключом к этимологии данного слова или достаточно убедительным аргументом ее вероятности⁹. Можно отметить и обратную зависимость: от того или иного этимологического решения зависит определение ареала некоторых рассмотренных терминов: *багно*, *болонье*, *бочага*, *дрель*, *жабарина*, *калок*, *лужайка*, *олес*, *ряса*. В данном случае широкое ареальное сопоставление русских диалектизмов со славянскими терминами дает возможность выявить правдоподобную этимологию некоторых русских терминов.

2) Широкое, хотя и не систематическое, привлечение топонимического материала для анализа псковских терминов преследует цель расширить или уточнить их ареал. Такой подход позволяет: а) реконструировать псковский местный термин и установить его более широкие ареальные связи (*багоро*, *бель*, *кандуш*); б) реконструировать семантику местного термина; ср. рус. *грязь* 'грязь' и микропоним *Ближняя грязь* — название болота, в котором второй компонент выступает в терминологическом значении; в) расширить славянский ареал терминов: *лапонь* (пск., донск.) и белор. и укр. гидронимы *Лопница*, *Лопань*; пск. *мошенец* 'моховое болото' — укр. *Мишанець* (приток Днепра); **окно* 'мочажина, окно в болоте' с восточно-западнославянским ареалом и южнославянские топонимы, имеющие, возможно, исходное географическое значение; *олесье*, *олешье* 'болото, поросшее зарослью ольхи', 'тошкое место' и соответствующие гидронимы во всей Европе; *пожня* и словен. *Požnjica* и др.; *ряса* и польск. *Rzaśnia* чеш. *Rasná* и др.

3) Учет словообразовательных вариантов рассматриваемой псковской лексики проводился в соответствии с лингвогеографическими масштабами. Так, при анализе общеславянской терминологии (**bezъdъna*, **bolto* и др.) и праславянских диалектизмов (**багно*, **бель* и др.) на первый план выступают «обобщенные» (герп. реконструированные) формы. Значительное количество словообразовательных вариантов учитывается при анализе восточнославянской лексики (*болотня*, *мишара*, *плавни* и др.), а при анализе русских и узколокальных терминов словообразовательные варианты играют основную роль. Разумеется, при таком подходе к ареалу производных может возникнуть опасность ареального сопоставления лексем, возникших типологически — в силу широкого распространения некоторых словообразовательных моделей (-*ина*, -*ка* и др.). Этим

⁹ Н. О. Трубачев. Лингвистическая география и этимологические исследования. «Вопросы языкознания», 1966, № 1.

объясняется, в частности, отказ от ареального описания уменьшительных образований. Однако латеральный ареал большинства производных и довольно четкий ареал распространения многих формантов (-ун, -ня, -ель и др.) позволяет выделять такие производные в отдельные группы.

4) Относительно роли семантики географических терминов при определении их ареала надо заметить следующее. Если семантика сопоставляемых терминов не противопоставлена и определяется переходами, типичными для рассматриваемой группы лексики, то для определения ареала этих терминов семантико-ареальный анализ имеет второстепенное значение и лишь дополняет лексико-ареальный анализ¹⁰. Установление ареала семем в некоторых случаях кажется целесообразным (ср. *мох* 'болото'), хотя четкое ареальное разграничение семем в некоторой степени всегда условно. Так, в отличие от сосуществующих в восточнославянских диалектах *мох* 'болото' и *мох* 'sphagnum' лексемы *ситя*, *треста* развивают значение 'болото' лишь в русских говорах (ср. также ц.-слав. *ситие* 'болото'), причем ареально эту семему в этих говорах ограничить трудно, так как она контекстуально и потенциально может развиваться в говорах более широкого ареала.

Подобные факты затрудняют использование отдельных семантических характеристик при ареальном описании рассматриваемых терминов, что, однако, не означает невозможности строгой семантической дифференциации последних в ареальном плане. Поскольку семантическая дифференциация терминов тесно связана с характером географических условий, то частотность употребления лексемы в определенном географическом значении не должна игнорироваться.

Рассмотренные выше особенности ареальной характеристики псковской географической терминологии можно представить в виде табл. 1.

Таблица 1

Ареал Общее значение	Общеславянский	Западно-восточнославянский	Восточнославянский			Восточнославянско-польский	Русский			Локальные образования
			рус.-бело-рус.-укр.	рус.-бело-рус.	рус.-укр.		южно-русский	северо-рус.	южн.-ср.-сев.	
Болото	7	7	9	2	1	9	1	5	2	54
Луг, пожня	13	2	0	1	5	2	1	4	1	10
Водоем	10	3	4	1	1	1	1	9	3	23
Лес, рощица	8	0	1	1	1	1	1	4	0	8
Растение	4	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Грязь	2	1	0	1	0	0	0	0	0	18
Общее количество терминов	44	13	14	6	8	13	4	22	6	114

Семантически термины объединяются признаком 'низкое, сырое место', который они развивают в псковских говорах. В других славянских диалектах (а нередко и в псковском) они могут иметь иное значение — пределах семантических изменений 'болото' ↔ 'пожня', 'болото' ↔ 'водоем' и т. д. Поэтому в таблице в графе «значение» указано обобщен-

¹⁰ Ср. Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. «Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 36—39.

ное и наиболее распространенное (но не обязательно исходное) значение термина без конкретных семантических характеристик, рассмотренных в разделе I.

Лексико-семантические схождения, выходящие за пределы предложенной схемы, показаны в табл. 2.

Таблица 2

Западно-восточно-славянско-балтийские схождения		Восточно-славянско-(псковско)-финноугорские схождения	Восточно-славянско-словенские схождения
континуумные связи			
лексические	семантические		
4	4	2	7

Попробуем теперь интерпретировать полученные результаты и сопоставить их с гипотезами о происхождении псковских говоров.

Анализ показывает, что подавляющая масса исследованных терминов — славянского происхождения. Лексемы общеславянского происхождения (43) дают и большинство различных производных, распределяемых далее по ареалам западно-восточнославянский, восточнославянский, русский, псковский.

Видимо, более поздний хронологический срез представляют лексемы западно-восточнославянского ареала (13). Связи псковских говоров с западнославянской группой не представляют чего-либо исключительного, поскольку они обычно находят отражение в пределах всего восточнославянского (русско-белорусско-украинского) континуума (14) или его части — русско-белорусского (6) и русско-украинского (8). Ареальные разрывы в пределах этого континуума, возможно, объясняются недостаточной изученностью некоторых говоров (например, белорусских). Именно для этого славянского региона характерны лексические и семантические схождения с балтийскими лексемами (4 + 4). Причем лишь отдельные балтийские термины могут рассматриваться как заимствования (лит. *bagtā*, *bōgnā*, *bōgnas* 'болото', т. е. как свидетельство периферийного (последнейшего) контакта польских, белорусских и псковских диалектов с балтийскими¹¹. Остальные параллели говорят о древности этого контакта.

Два примера финноугорских заимствований, из которых одно — узколокальное, свидетельствуют о слабом характере псковско-финноугорских лексических контактов (имеется в виду лишь местная географическая терминология).

Любопытный материал о польско-восточнославянских контактах представляют термины *заросль*, *копань*, *луговина*, *мишара*, *мишарина*, *мишарник*, *полой*, *олес*, *плавни*, *топь*, *топель*, *топелица*, *трясина*. Во-первых, они подтверждают положение о том, что западнославянско-восточнославянские соответствия не всегда можно трактовать как генетически взаимосвязанные. Во-вторых, они свидетельствуют о регулярных контактах носителей польских диалектов с носителями белорусских и псковских говоров.

Другие ареальные отношения — свидетельство «пограничного» положения псковских говоров в системе русских диалектов. С одной стороны, псковские говоры (в основном южные) обнаруживают сходство с южно-русскими (4), а также с белорусскими и украинскими (28). С другой сто-

¹¹ Ср. интересный в этом отношении ареал географического термина-балтизма *пелька* 'болото' и др.: Н. И. Т о л с т о й. К изучению балтизмов в восточнославянской лексике. «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». Тезисы докладов. М., 1966.

роны, они (особенно северные) близки к северорусским говорам (22). Эти данные не противоречат общей классификации псковских и других русских говоров¹².

Естественно, что лексическим критерием выделения псковских говоров могут служить локальные образования. Эти образования позволяют внести некоторые уточнения в высказанные гипотезы о происхождении псковских говоров.

Приведенные псковско-балтийские лексические параллели, в основном имеющие литеральный восточно-западнославянский ареал, на первый взгляд как будто опровергают гипотезу Б. А. Ларина о псковском диалекте как «реликте исчезнувшей группы диалектов, *переходных от славянских языков к балтийским*, а не к западославянским». Однако эти изолексы довольно последовательно подтверждают те же генетические связи, которые находят отражение и в изоглоссе $dl, tl > gl, kl$ на славянской территории.

Переходный характер древнепсковского диалекта, так же как и других севернославянских диалектов в VIII—IX вв., у ученых не вызывает сомнений. Споры вызывает вопрос о том, что лежало в основе современных псковских говоров и характер переходности. Этот вопрос ставится в зависимости от интерпретации псковских gl, kl , открытых Л. Л. Васильевым. Н. М. Каринский, Б. М. Ляпунов, А. А. Шахматов и Ф. П. Филин объясняют переход $*dl, *tl$ в gl, kl влиянием на язык псковичей соседних западославянских диалектов. А. И. Соболевский рассматривает это явление как свидетельство переходности псковских говоров от «общеславянского языка» к «северозападному» славянскому, а Б. А. Ларин — от «славянских языков к балтийским». Анализ псковской географической лексики на широком славянском фоне приводит к выводу, что непримиримого противоречия между гипотезами А. И. Соболевского и Б. А. Ларина, с одной стороны, и А. А. Шахматова и Ф. П. Филина, с другой — нет. Б. А. Ларин имел в виду псковский диалект до IX в., т. е. собственно, не псковский диалект, а его субстрат, «обрусение» которого наступило позднее. А. А. Шахматов предполагал полную ассимиляцию «русской волной» «ляхов», распространившихся на восток еще в VII—VIII вв. Данное предположение не исключает того, что именно эта «дорусская» группа диалектов имела те реликтовые черты переходности от славянских языков к балтийским, о которых писал Б. А. Ларин. Говоря о переходности псковского диалекта к балтийским, а не к западославянским, Б. А. Ларин, видимо, имел в виду лишь то, что для древнейшего периода нельзя говорить о западославянской, восточнославянской или о южнославянской группах языков¹³.

А. А. Шахматов, и вслед за ним Ф. П. Филин, основной акцент — и совершенно справедливо — сделали на том, что подавляющая масса языковых признаков псковского говора позволяет отнести его к восточнославянским (русским) диалектам. Но и Б. А. Ларин не отрицал ни славянского, ни русского характера современных псковских говоров. Его гипотеза о севернославянско-балтийском субстрате псковского диалекта не противоречит утверждению А. А. Шахматова, что этот говор был «насквозь русским».

Найти реликты этого субстрата чрезвычайно трудно. Приведенные до сих пор факты, которые можно рассматривать как реликтовые, не яв-

¹² См. «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Т. Орловой. М., 1962, карта—приложение.

¹³ Б. А. Л а р и н. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций академика А. А. Шахматова и наши задачи. Уч. зап. ЛГУ, № 267, сер. филолог. наук, вып. 52, 1960, стр. 12.

ляются специфически псковскими и известны в широкой (в основном севернославянско-балтийской) зоне. Описанные выше изолексы **багно*, **плав* и под. отражают древнейшую связь псковского диалекта с говорами именно этой зоны¹⁴. Связь между ними не прерывалась и позднее, хотя ее интенсивность менялась в зависимости от исторических условий. В древнейшем субстрате псковских говоров наслоились ярко выраженные восточнославянские черты. Анализ фонетических и морфологических изоглосс приводит А. С. Герда к выводу, что, вероятно, к X в. говоры на территории распространения современных русско-белорусских говоров были уже восточнославянскими¹⁵. К XIV—XV вв., когда псковские говоры уже в основном сложились, происходит их дифференциация. Линия Пустошка — Новосokolьники — Поречье — Усмынь, устанавливаемая А. С. Гердом по фонетическим и морфологическим данным, совпадает с северной границей Великого княжества Литовского в XIII—XV вв. и позднее — Польско-Литовского государства и бывшей Витебской губернии¹⁶.

Ареальные группы географической лексики хронологически дифференцируются так же. Они отражают как древнейшую общность псковских говоров с севернославянскими диалектами (ср. ареалы — польск., чеш., словац., полаб., кашуб.), с одной стороны, и с восточнославянскими, с другой (ср. бел.-укр.-рус.), так и контакты позднейшего периода (прежде всего, псковско-польские), обусловленные исторически меняющимися границами Псковской земли.

Вероятно, позднейшая связь польских и псковских диалектов была не прямой, а опосредованной — через белорусские диалекты.

В заключение нужно еще раз подчеркнуть, что факты прерывности или непрерывности ареала не должны отождествляться с отсутствием или наличием генетических связей между диалектами¹⁷. Поэтому изложенные здесь соображения не могут быть признаны окончательными. Во-первых, характеристика материала дается лишь с внутренней, «псковской» стороны. Учет псковских заимствований в соседние прибалтийские языки (ср. эст. *tuigl* 'мыло', *vigl* 'вилка' из пск. **мыгло*, **вигла*, приводимые А. А. Шахматовым и Б. А. Лариным) может выявить дополнительные изолексы и, следовательно, иные возможности интерпретации лексического материала. Настоящую статью мы рассматриваем лишь как попытку системной интерпретации лексических изоглосс, которые могут быть существенно уточнены или изменены при дальнейшем исследовании фонетических, морфологических и других особенностей псковских говоров с привлечением памятников письменности и широких славянских, балтийских и финноугорских сопоставлений.

¹⁴ Впоследствии подобные факты стали, видимо, «общими предпосылками» для развития некоторых фонетических, морфологических и других сходных черт русских, белорусских и западнославянских диалектов. См. Д. К. Зеленин. О происхождении северовеликорусов Великого Новгорода. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, вып. VI, 1954, стр. 51.

¹⁵ А. С. Герд. К истории русских говоров переходных к белорусскому языку. Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конф. северо-западного зонального объединения кафедр русского языка пед. ин-тов. Л., 1968, ч. II, стр. 65—66.

¹⁶ А. С. Герд. К истории некоторых диалектных границ. Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу 29—31 мая 1968 г. в Саратове. М., 1968, стр. 9—13 и др.

¹⁷ В. Г. Орлова. Вопросы интерпретации данных лингвистической географии. В кн. «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 245.

МИЛАН КУДЕЛКА
ЗДЕНЕК ШИМЕЧЕК

СЛОВАРЬ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ СЛАВИСТОВ

К VI Международному съезду славистов в Праге в 1968 г. Институт истории Восточной Европы ЧСАН подготовил «Словарь чехословацких славистов». В нем дана информация о работах чешских и словацких исследователей по истории и культуре славянских народов; его материалы могут быть использованы для написания истории славистики в Чехословакии.

Мысль о необходимости составления «Словаря» была впервые высказана на заседании Международной комиссии по изучению истории славистики, созданной в 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве. Там была предложена обширная, скоординированная в международном плане, исследовательская программа, а ее осуществление было поручено отдельным национальным комиссиям. Информация о ходе этой работы в Чехословакии после московского съезда и о плане работы на 1960.—1963 гг. была сделана чехословацкой комиссией в мае 1960 г. на заседании Международной комиссии по изучению истории славистики в Вене¹.

Результатом подготовительных работ, начатых в бывшем Институте славяноведения ЧСАН (в Брно) и бывшем Чехословацко-Советском институте САН в Братиславе и сосредоточенных почти исключительно на составлении библиографии, что объяснялось нерегулярным и зачастую случайным интересом к этой области в прошлом, был макет «Словаря», представленный на обсуждение V Международному съезду славистов в Софии в 1963 г.² Однако там он не обсуждался в связи с тем, что проблематика истории славистики не была включена в повестку дня съезда.

Систематическая работа над «Словарем» развернулась лишь в 1966 г. в новом Институте истории европейских социалистических стран (ныне Институт истории Восточной Европы) ЧСАН.

На выбор концепции «Словаря» в решающей мере оказали влияние два обстоятельства: во-первых, то, что до сих пор не удалось сформулировать достаточно широкого и приемлемого понятия славистики, которое бы отвечало современному состоянию науки и теоретическому мышлению нашего времени³, во-вторых, его составители намеренно не желали исхо-

¹ Ср. K. H o r á l e k, M. K u d ě l k a. Der heutige Stand und die Aufgaben der Geschichte der Slawistik in der Tschechoslowakei. Bericht über die erste Arbeitstagung der Internationalen Kommission für Geschichte der slavischen Philologie in Wien. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1960, № 8.

² Slovník českých a slovenských slavistov. Ukážky hesiel. Brno — Bratislava, 1963.

³ По этому вопросу см. дискуссионную статью: M. K u d ě l k a. Über die Begrenzung des Begriffs «Slawistik». Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1967. В связи с историей славистики мы говорим об этом в нашем сокладе: Některé teoretické a heuristické otázky studia dějin slavistiky. «Ceskoslovenské přednášky pro VI mezinárodní sjezd slavistů». Praha, 1968. В связи с этим ср.: M. K u d ě l k a. O studiu dějin slavistiky. K problematice pojetí a metody. «Slovanské historické studie», VII, 1968.

дуть лишь из сегодняшнего понимания славистики, а считали, что публикация такого рода должна быть прежде всего исходным пунктом для работы над историей этой науки, разрабатывая которую, помимо прочего, можно было бы воссоздать и историю развития представлений о ней и одновременно, хотя бы в основных чертах, выяснить ту роль, которую сыграл в чешской и словацкой культуре интерес к другим славянским народам.

Разногласия в научном определении предмета славистики выявились уже на заседаниях Международной комиссии по изучению истории славистики в Вене; еще не совсем ясно, что относится к истории данной науки.

Эта очень сложная в гносеологическом и методологическом отношении проблема не могла быть, однако, решена лишь в рамках лексикографии, тем более, что вопросы теории славистики почти совсем не разработаны. Тем не менее необходимо было определить позицию составителей «Словаря» в вопросе понимания славистики, хотя бы по некоторым, наиболее важным для «Словаря» конкретным вопросам для того, чтобы установить принципы и критерии единого и последовательного подхода при выборе и разработке его статей.

В отличие от высказанной в Вене точки зрения, что Комиссия должна руководить только работой по истории славянской филологии в том смысле, как она понималась В. Ягичем⁴, редакция считала, что предмет славистики не может ограничиваться лишь филологическими дисциплинами⁵, в чем убеждают и предшествующие славистические работы, среди которых хотя и преобладали филологические исследования, но важное место занимали исследования по другим научным дисциплинам. Поэтому в «Словарь» включены труды чешских и словацких ученых-славистов по всем общественным наукам.

Замысел сделать «Словарь» основой для изучения славистики в ЧССР, в ее исторически изменяющемся содержании и объеме, способствовал также тому, что славистический аспект научной работы был определен шире по сравнению с тем, как его, на наш взгляд, следовало бы сегодня понимать. В соответствии с этим в «Словарь» были включены не только имена ученых, изучающихся как единый комплекс историю и культуру славянских народов, но и авторы, чей интерес был сосредоточен на изучении отдельных славянских народов и которые не применяли сравнительного метода исследования. Чтобы охарактеризовать место славистики в чешской и словацкой науке, а также интерес представителей самых разных научных дисциплин к славянской проблематике и влияние этого интереса на развитие современной чешской и словацкой науки в целом, в «Словарь» были включены не только имена исследователей, занимающихся в основном славистической проблематикой, но и тех ученых, в трудах которых славистика играла лишь второстепенную роль.

Такой подход, несомненно, имеет свои недостатки, которые в частности состоят и в том, что здесь исключается возможность критического отбора. Однако, редакция полагает, что он более оправдан, нежели безоговорочное применение сравнительного аспекта (границы и научную оправданность его, впрочем, едва ли можно точно установить), при котором бы значительная часть материала, пригодного для использования в процессе работы над синтетически понимаемой историей славистики, вообще не могла бы быть учтена.

⁴ В Я г и ч. История славянской филологии. СПб., 1910.

⁵ Ср. связи с этим различные взгляды, сформулированные в выступлениях членов Комиссии и особенно в заключительном слове Н. К. Гудзия («Bericht über die erste Arbeitstagung»...).

С пониманием предмета славистики связан и вопрос о соотношении проблематики славистической и богемистской. Оказалось, что между лингвистикой, с одной стороны, и остальными общественно-историческими дисциплинами, с другой, имеются существенные различия. Если для лингвистического понимания славистики естественным исходным моментом является научно установленный факт общего происхождения славянских языков, то, как нам кажется, нельзя исходить из аналогичной общности социально-экономического, культурного и т. п. развития даже в рамках отдельных общественно-исторических дисциплин, не говоря уже обо всех в целом. Поэтому в лингвистическую часть словаря были включены и языковеды-богемисты, исследования которых, учитывая генетическое единство славянских языков, можно рассматривать в сущности как славистические.

Но необходимо ли рассматривать работу по богемистике как составную часть славистики в определенной мере и в других дисциплинах? Думается, что такая точка зрения для структуры «Словаря» в целом неприемлема, прежде всего из-за характера общественно-исторических дисциплин, а также ввиду различного удельного веса славистического элемента в этих дисциплинах. Принимая во внимание эти различия, для структуры словаря найдено приемлемое компромиссное решение: в «Словарь» включены лишь те чешские и словацкие исследователи, которые занимались и занимаются общеславянской тематикой или изучением отдельных славянских народов. Таким образом, исследователи чешской и словацкой проблематики остались вне рамок «Словаря». Однако оказалось, что и этот принцип не может быть выдержан последовательно до конца и равномерно во всех областях науки. Отсюда неизбежные диспропорции, прежде всего между лингвистикой и другими дисциплинами.

Это решение имеет отрицательные стороны. Однако оно, по-видимому, не противоречит принципам научного подхода, тем более, что его недостатки меньше тех, которые возникли бы при различном для каждой науки критерии или в том случае, если бы во всех общественно-исторических дисциплинах механически применялся только критерий языкового родства, который с точки зрения этих дисциплин как специфических систем научных знаний является критерием производным. Эта исходная точка зрения, издательские возможности и сам характер публикации должны показать вклад чехословацкой науки в изучение исторического развития славянских стран.

Данные о чешской и словацкой славистической продукции, полученные в результате выписок и специальных анкет, значительно превысили возможности публикации. Поэтому пока невозможно осуществить первоначальный замысел и полностью опубликовать собранный материал. В связи с этим возник вопрос, каких критериев отбора придерживаться при составлении словарных статей. Было решено учитывать значение и объем славистических исследований автора, однако при этом необходимо было принимать во внимание специфические условия работы в области славяноведения в отдельные периоды его развития и особенности состояния отдельных областей славистической науки. Поэтому при отборе материала не было и не могло быть единого критерия, механически пригодного для всех областей славистической науки; необходимо было поступить таким образом, чтобы посредством отбора материалов по возможности охарактеризовать состояние славистических исследований как в рамках отдельных дисциплин, так и с точки зрения их развития.

Одним из важнейших вопросов, на который, по нашему мнению, следовало бы дать ответ при разработке современной концепции славистики, является вопрос о взаимосвязи славистики с ее традиционными этниче-

скими аспектами и критериями и научного интереса к развитию народов Советского Союза после Великой Октябрьской социалистической революции, где славяно-этнические аспекты отступили или отступают в некоторых дисциплинах на второй план и постепенно все более заменяются критериями общественно-политическими. Не принимать во внимание этот процесс и те различия, которые возникли в связи с этим между отдельными дисциплинами, проводить и далее во всех дисциплинах в качестве основного производный языковой принцип и предполагать, что национальные сообщества, развитие которых является предметом научных исследований с разных точек зрения, остаются неизменными, не отвечало бы, нам кажется, принципам научной работы. С точки зрения истории науки, о которой в первую очередь идет здесь речь, при таком подходе в некоторых дисциплинах могла бы создаться искусственная ситуация, при которой неадекватно бы отражалось развитие этих областей в связи с последующими изменениями их теоретической и методологической системы. В связи с этим неправильно было бы рассматривать как славистические труды, посвященные советской проблематике, в которых не применяются славяно-этнические критерии. Однако для изучения развития славистики в целом и славистической проблематики в отдельных дисциплинах было бы необходимо учитывать и эти работы с тем, чтобы проследить за развитием критериев в рамках одной области и взаимосвязью между отдельными дисциплинами с точки зрения их славистической направленности. Это могло иметь место — ввиду ограниченного объема «Словаря» — лишь там, где отдельные исследователи подчеркивают преемственность старых и новых явлений. Естественно, что в таком плане рассматривалась в первую очередь культурная и культурно-политическая проблематика, так как в сфере экономического, социального, государственного и правового развития славянская специфика и национальные традиции имели место лишь в определенной исторической обстановке. Поэтому в области исторических наук в «Словаре» наиболее заметен недостаточный учет литературы по истории славянских народов периода 1917—1965 гг. Это обстоятельство вытекает, на наш взгляд, из специфики социалистического общества и не является, следовательно, результатом намеренного выделения из проблематики «Словаря» исследований по истории социализма, которые после 1945 г. охватывали бы не только современное развитие СССР, но и развитие европейских социалистических стран. Однако в поисках тех моментов, которые представляются основными с точки зрения предшествующего развития славистики, традиционно понимаемой как область межотраслевого научного познания, стоящая на стыке с другими науками, редакция не хотела искусственно сглаживать разногласия, возникающие при ответе на вопрос о том, что такое славистика и каково ее значение для отдельных научных дисциплин. Наоборот, она полагала, что различие в понимании славистики является лишь результатом специфического подхода отдельных наук к славистической проблематике и что различия эти следует подчеркнуть. В исторической науке, стремившейся познать прошлое человечества в его общих взаимосвязях, чтобы вскрыть общую тенденцию развития, собственно славистика занимает лишь ограниченное, по мнению редакции, место. И этого редакция тоже не пыталась скрыть.

Из других вопросов, решение которых имело принципиальное значение для составления «Словаря», необходимо обратить внимание на хронологические рамки материала. В то время как «terminus ad quem» был более или менее однозначно определен временными возможностями библиографической эксерпции и техническими условиями публикации текста, вопрос «terminus a quo» был несколько сложнее, о чем свидетельству-

ет различие прежних представлений по этому вопросу⁶. Однако если для специалиста по истории славистики одной из задач является объяснение ранних предпосылок, на основе которых постепенно сформировалась эта наука, то при составлении «Словаря» необходимо учитывать, что о славистике как особой промежуточной области систематического научного познания нельзя говорить ранее второй половины XVIII в., когда в чешских и словацких землях были заложены основы научной работы в современном смысле слова. В соответствии с этим «Словарь» содержит материал приблизительно с 60-х годов XVIII в. по 1967 г. включительно.

Структура словарных статей — из четырех частей — была оставлена та, что уже использовалась в макете и которая, по-видимому, наилучшим образом соответствует характеру публикации такого рода⁷. В первой части статьи приводятся основные биографические сведения, отмечаются факты, необходимые для изучения эволюции научных взглядов автора с точки зрения славистики. Во второй части дается характеристика славистических исследований автора, отмечается, где это возможно, развитие и направленность этих исследований, их основная концепция и методический подход, их роль в творчестве автора и в развитии чехословацкой славистики. В отличие от содержания статей в макете, где вторая часть была самой обширной и значительной, в «Словаре» полностью опущен анализ и оценка славистических трудов автора с научной и общественной точки зрения.

Третья часть содержит выборочную библиографию трудов автора; названы как основные труды, так и работы, которые необходимы для общей характеристики исследований автора, метода его работы, публикаторской практики, связей с зарубежными учеными. В некоторых случаях приводятся и рецензии, а также указываются переиздания основных трудов.

Четвертая часть содержит список основной литературы об авторе и его трудах: юбилейные статьи, некрологи и монографические работы. По возможности приводятся также данные о рукописном наследии автора или другая подобная информация.

Необходимо особо подчеркнуть, что «Словарь» выборочный: во-первых, он не включает сведений обо всех авторах, а во-вторых, его статьи не содержат все известные биографические и библиографические данные.

Отбор статей в принципе определялся необходимостью показать развитие чехословацкой славистики. Поэтому первое место здесь отведено чешским и словацким славистам, а также приведены сведения о тех ученых из зарубежных славянских стран, которые в течение длительного времени занимались научной деятельностью в Чешских землях и в Словакии и внесли значительный вклад в развитие чехословацкой культуры. В основном это были русские и украинские, а также польские и югославские ученые; они оказали определенное влияние на развитие чехословацкой славистики.

В связи с тем, что развитие немецкой славистики в Чешских землях и в Словакии было связано с развитием немецкой или венгерской славис-

⁶ Обратите внимание, например, на различие в этом вопросе между пониманием Ягича, который в переводческой деятельности Константина видел начало филологических трудов по славистике («История славянской филологии», стр. 3), и подходом М. Вейнгарта и М. Мурко, которые начинали свои обзоры с XVIII века (M. Weingart. Slovanská filologie v československé literatúre. «Československa vlastivěda», X, 1934; M. M u r k o. Les études slaves en Tchécoslovaquie. «Le Monde Slave», Paris, 1935. Сложность этого вопроса хорошо показана в ст. Н. В а т о в с к и. Wesen und Aufgaben der Geschichte der polnischen Slawistik (slawischen Philologie). «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1960, № 8.

⁷ См. статью: Životopisný a bibliografický slovník českých spisovatelů. «Věstník CSAV», 69, 1960, V—VI, 3, 362—364; M. N o s e k. K metodě biograficko-bibliografického slovníku českých spisovatelů. Česká literatura», 1960, № 3.

тики, имена немецких и венгерских славистов в «Словарь» не вошли. Однако в «Словарь» были включены те чешские и словацкие слависты, которые работали за границей.

Остается рассмотреть вопрос в определенном смысле наиболее щекотливый: каковы были принципы отбора авторов. Как уже указывалось, не были установлены единые «исходные критерии» для всех дисциплин в их развитии, ибо это не позволило бы при помощи отбора характеризовать ни развитие славистики как междотраслевой области научного знания, ни развитие славистического аспекта в рамках отдельных научных дисциплин, где славянская этническая принадлежность и идея славянской взаимности в качестве исходных моментов для понимания славистики никогда не были однозначными. Поэтому казалось вполне естественным в области исторических наук обратить внимание на то, чтобы в «Словаре» были отмечены работы, являющиеся результатом исследования прошлого Восточной Европы и Балкан, или (как говорят некоторые исследователи) Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Обращалось внимание и на деятельность тех исследователей, которые, помимо славистики, работали в области византиноведения, тюркологии, изучали народы Восточной Европы и Венгрии (в широком смысле слова занимались балканистикой), историю Прибалтики. Там, где можно было предполагать потенциальный славистический контекст, это учитывалось и в библиографической части статьи.

Материал, собранный в картотеке Института, содержит приблизительно 70 тыс. библиографических записей, которые показывают, что славистической проблематикой у нас занималось почти 2 тыс. человек, опубликовавших книги и статьи в периодических изданиях. Установленный объем «Словаря» вынудил нас выбрать из этого материала 600 персоналий, которые наиболее полно отражают результаты двухсотлетнего развития чехословацкой славистики. Труднее всего было выбрать представителей самого молодого поколения ученых, в отношении которых нередко трудно провести дифференциацию уже по той причине, что рост научного интереса к славянской проблематике в какой-то мере иногда сопровождался большим числом популяризаторских, учебных и публицистических работ. Хотя и здесь должен быть сохранен принцип отбора в зависимости от значения научной работы, в некоторых случаях невозможно было отказаться от институционального подхода, который так типичен для современного состояния нашей научной базы. Лишь иногда при отборе можно было принимать во внимание популяризаторские работы, а в области лингвистики практически языковые пособия.

Однако оказалось принципиально невозможным включить в «Словарь» имена деятелей, которые занимались славистической проблематикой преимущественно в публицистическом плане. Публика принималась во внимание лишь в тех случаях, когда в определенных условиях данной эпохи ее можно было рассматривать в качестве составной части научной работы.

Все эти критерии привели к тому, что из первоначального словника, состоящего из 1000 статей, был отобран вспомогательный словник из 700 статей, которые также подверглись обработке. Из собранного таким образом материала на завершающем этапе работы были отобраны 600 статей. Материал, по техническим причинам не включенный в «Словарь», будет позднее издан на ротапринте. Так как «Словарь» не является выборочной библиографией, то при применении основного критерия отбора, имеющего в виду значение статьи для славистического исследования, нельзя было не учитывать индивидуальность отдельных авторов. Поэтому в библиографию трудов автора были включены все те книги, которые мож-

но рассматривать как результат научного подхода к славянской проблематике, а из журнальных — только те, которые были опубликованы в научных журналах и сборниках. Журнальные статьи, которые лишь повторяли уже известные результаты, либо только воспроизводили достижения других исследователей, а также мелкие статьи полемического характера и мелкие фактографические статьи, особенно в тех случаях, когда материал был позже использован автором в научных трудах, не принимались во внимание. Такой подход был выбран при разработке статей об исследователях, которые были славистами *par excellence*.

Несколько иным должен был быть подход к материалу тех крупных ученых, у которых славистическая тематика в сущности оставалась на периферии их научной работы. В таких случаях мы стремились показать, что они обращались к славистической проблематике или, по крайней мере, ее затрагивали. Здесь необходимо было указать и более мелкие работы. Само собой разумеется, что в статьях, посвященных неславистам, были использованы более строгие критерии, чем в статьях об ученых-славистах. В частности, в библиографической части статей, посвященных ученым-неславистам, опущены указания на их переводческую и организационную деятельность.

На исчерпывающую полноту данных редакция не могла претендовать и в четвертой части статьи, содержащей литературу об ученом. Предпочтение было отдано тем статьям, которые содержали наиболее полные сведения или оценку деятельности ученого, причем принимались во внимание как личность автора статьи, так и место, где она была опубликована. Лишь в тех случаях, когда отсутствовали другие данные, указывались статьи юбилейные и некрологи из ежедневной печати. В библиографии трудов об ученом по соображениям экономии опущены ссылки на энциклопедии, общезвестные биографические, библиографические и литературные пособия, хотя и дается их перечень. В этой части материал также расположен в хронологическом порядке.

В пятой заключительной части статьи сведения наоборот расположены тематически: здесь приводятся данные о литературном наследии, опубликованной корреспонденции, мемуарах и т. п. Лишь в исключительных случаях дается информация о судьбах библиотеки или собраний ученого.

Естественно, что принцип отбора применялся и в биографической части статьи. Составители ограничились здесь лишь наиболее значительными датами. Приводятся данные о научной эволюции ученого и об оценке его значения в отечественной науке (членство в наиболее крупных научных обществах) и за границей (членство в академиях, особенно славянских стран). Материалы о деятельности ученого за границей приводятся лишь постольку, поскольку она оказала влияние на его работу в области славистики; отдельные поездки, в особенности краткие, не указываются. Подобный подход применялся также при информации о научно-организаторской, редакторской и т. п. деятельности. Все эти данные, дополненные информацией о месте работы, должны показать, в каких условиях работали исследователи и как расценивалась обществом их деятельность. Таким образом, отбор фактов мы считаем функциональным с точки зрения «Словаря»; посредством этого отбора мы ни в коем случае не предполагали подчеркнуть почести, награды и титулы, выпавшие на долю ученых, не пытались давать гражданский или политический портрет.

«Словарь чехословацких славистов» явится полезным пособием по истории чешской и словацкой славистики, он поможет ориентироваться в трудах наших славистов.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ ФАКТЫ

С. А. ВИНОГРАДОВ

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ТИПОГРАФИИ В СЕРБСКОМ КНЯЖЕСТВЕ В 30-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Турецкое иго, просуществовавшее в Сербии почти 400 лет, крайне неблагоприятно сказалось на развитии культуры в стране. Сербия оказалась изолированной от культурного развития не только европейских государств, но и родственных югославянских областей, находившихся под властью Габсбургов и Венеции. В период турецкого владычества культурная жизнь в Сербии почти остановилась, застыв на средневековом уровне.

Только после длительной национально-освободительной борьбы, проходившей при огромной военной, дипломатической и политической помощи России, в стране создались благоприятные условия для развития экономики и культуры. Право сербского народа развивать свою культуру было закреплено в хатт-и-шерифе турецкого султана о Сербии от 1830 г., изданном после заключения в 1829 г. Адрианопольского мира, ознаменовавшего победу России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Так в статье 11 хатт-и-шерифа 1830 г. указывалось, что «сербы могут основывать больницы, типографии и школы для обучения молодежи»¹.

Турецкое завоевание нанесло тяжелый удар сербскому книгопечатанию. В условиях турецкого ига типографий было мало, и славянские книги нередко печатались в Венеции и в других итальянских, а также немецких городах. Вплоть до XVIII в. в Сербии, Македонии и Боснии книги продолжали переписывать от руки².

Придавая огромное значение книгопечатанию в деле развития культуры и просвещения, выдающийся сербский просветитель Досифей Обрадович (1742—1811) мечтал о создании типографии в Сербии, где он поселился в 1807 г. в разгар Первого сербского восстания. Однако его намерению не суждено было тогда осуществиться³. Разгром повстанцев турецкими войсками в 1813 г. и реставрация турецких порядков надолго отодвинули дело создания типографии в Сербии. Лишь к 30-м годам XIX в. сербы смогли приступить непосредственно к созданию типографии. В связи с этим несомненный интерес представляют обнаруженные в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде интересные документы о помощи России при создании первой типографии в Сербском княжестве.

28 октября 1830 г. обер-прокурор Синода князь П. С. Мещерский сообщил Синоду, «что находящиеся здесь сербские депутаты⁴ имеют от своего вождя князя Милоша Обреновича поручение приобрести все материалы, нужные для составления в Сербии типографии. Депутаты сии встретили, однакоже, затруднение в приискании славянских букв, наиболее для них потребных. Дабы по возможности содействовать цели сербского вождя распространить книгопечатание и просвещение в управляемой им области, известной приверженностью своей к России, г. вице-кашpler⁵, будучи извещен, что в распоряжении святейшего Синода хранятся оставшиеся по закрытии библейских

¹ G. J a k š i ć. Европа i vaskrs Srbije (1804—1834). Beograd, 1933, s. 412. Это право сербов было уже зафиксировано в Отдельном акте о Сербии, приложенном к Аккерманской конвенции, заключенной в 1826 г. между Россией и Турцией (см. там же, стр. 408).

² «История Югославии», т. 1. М., 1963, стр. 288.

³ Љ. П р о т и ћ. Развитак индустрије и промет добара у Србији и за време прве владе кнеза Милоша. Белоград, 1953, стр. 83.

⁴ Имелись в виду сербские депутаты Цветко Райович и Аврам Петрониевич, прибывшие тогда в Россию с дипломатической миссией.

⁵ Граф К. В. Нессельроде (1780—1862) — министр иностранных дел России в 1816—1856 гг.

обществ⁶ медные матрицы славянских букв трех величин, просит уведомить его буде действительно есть в святейшем Синоде таковые матрицы излившие, не окажется ли возможным уступить оные сербским депутатам, изъявившим готовность получить сии матрицы по купкою; если же нет матриц, то нельзя ли отпустить на время пунсоны славянских литер, дабы депутаты могли распорядиться об отбитии матриц сих букв здесь в С. Петербурге⁷. Далее в деле приводится справка о наличии среди имущества Синода славянских литер, пунсонов и матриц, об их количестве, размерах, весе и цене⁸.

3 ноября 1830 г. было принято решение, в котором отмечалось, что Синод, «не предвидя надобности в принятых от бывшего Библиейского общества матрицах, пунсонах и самих литерях славянского языка, согласен уступить сербским депутатам или одни литеры, или матрицы и пунсоны вместе, или же все вообще и литеры и матрицы с пунсонами за ту же цену, в какую обошлись они бывшему Библиейскому обществу...»⁹.

25 ноября 1830 г. обер-прокурор Синода князь П. С. Мещерский вновь обратился к Синоду, сообщая, что решение Синода от 12 ноября 1830 г. было сообщено управляющему министерством иностранных дел. Далее Мещерский пишет: «Ныне он уведомляет, что помянутые депутаты объявили желание приобрести помянутые пунсоны и матрицы, а потому просит оные отпустить и принять следующую за них сумму, составляющую по разчислению две тысячи девятьсот восемь рублей семьдесят пять копеек. Что же касается до славянских литер, то в оных не предстоит для помянутых депутатов особенной ценности и при том, по значительному весу оных, отправленные сих литер в Сербию было бы сопряжено с крайними затруднениями»¹⁰.

26 ноября 1830 г. Синод постановил: «Имеющиеся в Библиейских магазинах матрицы и пунсоны для литер славянского языка передать находящимся в С. Петербурге сербским депутатам, когда они внесут в святейший Синод следующие за оные деньги две тысячи девятьсот восемь руб. семьдесят пять копеек. Вследствие чего предоставить г. синодальному обер-прокурору и кавалеру князю Петру Сергеевичу Мещерскому известить о сем означенных депутатов чрез кого следует и сделать распоряжение, дабы деньги 2908 руб. 75 коп., полученные от них, причислены были приходом к Библиейской сумме, в синодальном казначействе хранящейся; на сей конец и дать к обер-прокурорским делам копию с сего определения. Смотрителю же Библиейского имущества сообщить из канцелярии святейшего Синода об отпуске означенных матриц и пунсонов сербским депутатам по внесении ими в синодальное казначейство следующих за оные денег»¹¹.

28 ноября 1830 г. канцелярия Синода послала смотрителю Библиейского имущества известие, что «как депутаты сии ныне внесли в синодальное казначейство условную сумму, то канцелярия св. Синода согласно помянутому определению оному от 26 числа ноября сообщает Вам об отпуске сим депутатам означенных пунсонов и матриц с надлежащею распискою»¹².

Типографское оборудование было перевезено из России в Сербию (в Белград). Князь Милош, кроме того, закупил в Пруссии инструменты для типографии и пригласил для работы типографских мастеров из Пруссии, Австрии и Венгрии, которые впоследствии обучили этой работе и сербских мастеров.

Кроме типографии в Белграде была оборудована и словолитня¹³. Типография начала работу 17 марта 1832 г.¹⁴ Вскоре она стала известна не только в Сербии, но и за ее пределами, особенно в Болгарии. Только с 1832 г. по июнь 1839 г. было напечатано около 90 книг на сербском и церковнославянском языках и свыше 30 книг на болгарском, немецком, греческом и еврейском языках. Типография издавала первые сербские газеты, журналы, школьные учебники, церковные книги, календарь. В ней были печатаны сочинения Досифея Обрадовича, ряд книг по истории, а также несколько переводных пьес¹⁵.

Основание в 1832 г. в Белграде государственной типографии явилось «одним из больших национально-культурных и общественно-просветительных достижений в возрожденной Сербии»¹⁶.

⁶ Библиейские общества существовали в России с 1812 по 1826 г. и занимались в основном изданием и распространением в стране религиозных книг на различных языках народов России.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 111, д. 713, л. 1—1 об.

⁸ Там же, л. 2.

⁹ Там же, л. 4.

¹⁰ Там же, л. 6.

¹¹ Там же, л. 8—8 об.

¹² Там же, л. 9 об.

¹³ Љ. П р о т и њ. Указ. соч., стр. 84.

¹⁴ Ж. П. Г о в а н о в и њ. Из старог Београда. Београд, 1964, стр. 98.

¹⁵ В. С т о ј а н ч е в и њ. Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966, стр. 303—304.

¹⁶ Там же, стр. 303.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. ОСТРОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О КРЕМЕНЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ

История лицея в Кременце (1805—1831) и его роль в развитии образования, науки и культуры в Польше и на Украине достаточно подробно и обстоятельно освещены в литературе. Поэтому нет необходимости говорить здесь о предпосылках возникновения Высшей волынской гимназии, преобразованной впоследствии в лицей, о личности его основателя — Т. Чацкого, об уставе лицея, выработанном им при ближайшем участии Г. Коллонтая, Я. Свидецкого, И. Потоцкого, о политической и идеологической направленности лицея, структуре учебных программ, о педагогах и воспитанниках, наконец об участии кременецких лицеистов в революционных событиях 1830—1831 гг. и последовавшем за этим закрытии лицея. Мы хотели бы затронуть лишь один частный и к тому же наименее разработанный историками вопрос: Кременецкий лицей как один из крупных для того времени центров художественного образования, его значение в истории изобразительного искусства.

После начальных четырех классов, в которых ученики получали общую подготовку, обучение в Кременецком лицее проводилось последовательно на трех курсах по два года на каждом. Курсы делились на отделы — математики и естествознания, общественных наук (история, право, экономика), литературы и, наконец, «изящных искусств». Этот последний отдел своим существованием и успехами был обязан прежде всего Юзефу Пичману, талантливому художнику-педагогу, одному из видных польских портретистов и мастеров исторического жанра конца XVIII — начала XIX в.¹

Ю. Пичман был незаурядным художником. Его картины на античные и библейские сюжеты, пейзажи и особенно портреты, в которых академические каноны нередко сочетались с реалистическими элементами, тонким проникновением во внутренний мир человека, отводит художнику заметное место в истории польской живописи. «Портреты его имеют безусловную ценность, — пишет о нем советский исследователь искусства эпохи польского Просвещения Л. Тапанасва. — Пичман хорошо знал тех, кого ему приходилось изображать, и работам его присущи честность и правдивость. Возвеличивание оригинала не удавалось художнику; даже в парадных портретах он кажется очень заземленным и домашним (...). Он уверенно идет по пути реалистического портрета, в котором обнаруживаются то оттенки сентиментализма, то тяготение к более четкой классицистической схеме». И далее: «Пичман позволяет проследить становление нового, уже характерного для эпохи укрепляющихся буржуазных отношений типа человека. (...) подходит к „мещанскому“ портрету 10—30-х годов XIX века»².

Опытный живописец, прошедший хорошую школу академической выучки, Пичман сумел поставить преподавание живописи и рисунка в Кременецком лицее на высокий по тем временам уровень. В своих учениках он воспитывал не только крепкие профессиональные навыки классицистической живописи и рисунка, но и реалистическое видение мира, которое явственно проступает в его собственном творчестве.

В числе учеников и последователей Ю. Пичмана, связавших свою жизнь с Кременецким лицеем, надо назвать Антония Анджеевского, окончившего лицей в 1809 г. и ассистировавшего профессору рисования. Позднее он стал крупным ученым-ботани-

¹ Пичман Юзеф Фрацтышек Ян (1758—1834) родился в Триесте. Образование получил в венской Академии художеств под руководством Фюгера, Брандта, Лампи. В 1787 г. получил золотую медаль на конкурсе исторической живописи и звание действительного члена венской Академии художеств. В следующем году Чарторыйский пригласил Пичмана в свое имение на Волыни, по вскоре художник переехал в Варшаву, где работал при дворе Станислава-Августа до 1794 г. Потом двенадцатилетнее пребывание во Львове, а с 1806 г. — Кременец, лицей Чацкого. Умер в Кременце.

² Л. И. Тапанасва. Польское изобразительное искусство эпохи Просвещения. «Наука», 1968, стр. 70—71.

ком — профессором Киевского университета. Уроженцем Кременца был другой ученик и помощник Ю. Пичмана Филипп Павловский. После закрытия лицея он преподавал рисование в лудской школе, а с 1838 г. в гимназии в Ровно, где и умер. Польские историки искусства (Э. Растваецкий и др.) отмечают, что это был скромный, малоизвестный, но способный портретист. В 1805—1809 гг. рисование в Высшей волынской гимназии вел Феликс Сапальский, автор ряда трудов по геометрии; позднее в лицее преподавали ученики Ю. Пичмана Я. Круликовский, Б. Клембовский, сменивший в 1815 г. А. Анджеевского, А. Савицкий. Заслуживает упоминания и местный живописец Ар. Гике, эмигрировавший после поражения восстания 1830 года. Кисти его принадлежат алтарные образы в кременецком костеле св. Станислава (1850-е годы).

Надо сказать, что вся обстановка Кременецкого лицея в немалой степени способствовала эстетическому воспитанию студентов и развитию в них художественных наклонностей. Стараниями Т. Чацкого; библиотекаря, друга Т. Чацкого и Г. Коллонтая, П. Яркового и других здесь была собрана великолепная библиотека, насчитывавшая к 1830 г. около 35 тысяч томов, прекрасный нумизматический кабинет — 20 тысяч монет и медалей, в том числе много античных, археологическая коллекция, собрание картин, гравюр, скульптур, слепков с греческих и римских статуй и т. д.³ Курс эстетики читал Ю. Кожевевский; нумизматики — И. Лелевель.

Школу Ю. Пичмана нельзя, конечно, сравнивать по значению с современной ей художественной школой при Виленском университете, в стенах которой Ян Рустем воспитал целую плеяду крупных мастеров польского и литовского изобразительного искусства. И тем не менее в Кременце начинали свой творческий путь такие художники, как скульптор Оскар Сосновский и живописец Ксаверий Каневский. Волынянин по происхождению, Сосновский учился в Кременецком лицее, а затем в римской мастерской Торвальдсена. Некоторые его работы хранятся в собраниях музеев Ровно, Острога и других городов.

Наиболее известным художником, вышедшим из Кременецкой школы, был Ксаверий Каневский (1809—1867), член Петербургской и Римской академий художеств. Уроженец Волынской губернии, он учился сначала у Ю. Пичмана, а после окончания лицея работал короткое время адъютантом рисунка. Получив стипендию, Каневский завершает образование в Петербургской академии художеств. Его конкурсная картина «Филипп Македонский с сыном Александром» была удостоена в 1833 г. Большой золотой медали, дававшей право на заграничную командировку. В течение девяти лет художник жил в Риме⁴, затем в 1842—1845 гг. снова в Петербурге, а с 1846 г. занимал должность профессора Школы изящных искусств в Варшаве. Утвержденный в 1859 г. директором Школы, Каневский руководил ею вплоть до закрытия ее в 1866 г.

Опытный, хотя и несколько холодноватый портретист, виртуозный рисовальщик старой академической школы, Кс. Каневский пользовался в свое время известностью и популярностью. Близкий в молодости к А. Орловскому, он тем не менее не приобщился

Рис. 1. Ю. Пичман. Портрет Юз. Коморовского

³ После закрытия лицея художественные коллекции были перевезены в 1834 г. из Кременца в Киев и составили основу кабинета искусств Университета св. Владимира. До 1839 г. кабинетом заведовал Б. Клембовский, переведенный позднее в Харьковский университет. Дальнейшую судьбу коллекций проследить трудно. Известно, однако, что в 1925 г. в Картинную галерею в Киеве (ныне Музей русского искусства) был передан из университета ряд произведений искусства. С большой вероятностью можно предположить, что имеющиеся среди них рисунки Кс. Каневского, снимки с польских медалей, гравюры на сюжеты польской истории, а возможно и собрание фарфора и западноевропейских гравюр происходят из Кременца. В библиотеке Киевского университета долгое время находился портрет Ст. Понятовского работы Вирже-Лебрен, перевезенный из Кременца. В 1928 г. он был передан Музеем западного и восточного искусства и с тех пор украшает его постоянную экспозицию.

⁴ Есть сведения, что в Риме Кс. Каневский встречался с А. Ивановым, а между 1833 и 1835 годами написал очень удачный, по мнению современников, портрет К. Брюллова, находившийся в собственности последнего.

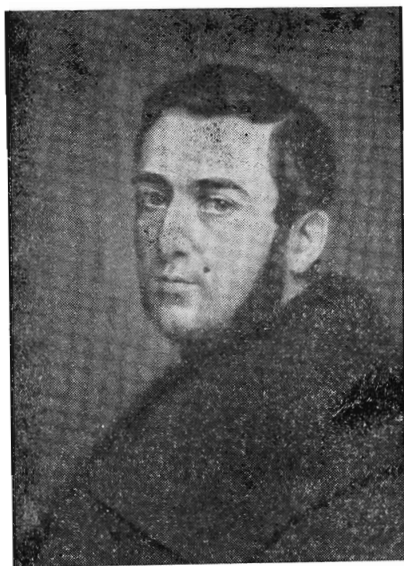

Рис. 2. Кс. Каневский. Автопортрет

специальной подготовке художников, распространению в обществе эстетических начал. Позитивным вкладом этой школы в польскую живопись является и плодотворное развитие ею традиций реалистического портрета, представленного творчеством Ю. Пичмана, Ф. Павловского, Б. Клембовского, Кс. Каневского. И еще одно. Будучи фактически единственным учебным заведением такого рода на Волыни, Кременецкий лицей в той и иной мере способствовал оживлению культурной и, в частности, художественной жизни в этом крае. Таким образом его история представляет определенный интерес и для изучения многообразных польско-украинских и польско-русских творческих связей и контактов в тот период.

Все это заставляет более внимательно отнестись к вопросу о Кременецкой художественной школе. Во всяком случае без выяснения роли этой школы в историко-культурном процессе первой половины XIX в. его общая картина останется неполной и обедненной.

ни к романтизму, ни к крепнущему реалистическому направлению; творчество Каневского — мастера исторической и религиозной живописи — развивалось скорее в русле консервативного академизма. И все же как автор обширной галереи очень серьезных, вдумчивых и правдивых портретов своих современников, как художник-педагог, сумевший поставить воспитание молодых варшавских живописцев на крепкую и солидную профессиональную основу, как общественный деятель, многим способствовавший основанию и утверждению Общества поощрения изящных искусств в Варшаве, он оставил заметный след в истории польского искусства середины XIX в.

В силу ряда исторических причин Кременецкая художественная школа стояла не то что совсем в стороне, но как-то на касательной к актуальным проблемам польского изобразительного искусства 1810—1820-х годов, развернувшейся тогда борьбе романтической эстетики с академическим классицизмом, наконец, к сложному и трудному процессу становления и формирования самостоятельной национальной школы реалистической живописи. И тем не менее совсем скидывать ее со счетов нельзя.

В первой трети XIX в. Кременецкий лицей в известной степени содействовал профес-

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СОВЕТСКИЕ ТАНКИСТЫ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛГРАДА

О совместных боевых действиях советских войск и Народно-освободительной армии Югославии в годы второй мировой войны написано уже довольно много¹. Недавно вышла новая интересная книга². Ее авторы В. Ф. Толубко и Н. И. Барышев — участники боев за освобождение югославской столицы, бывшие офицеры штаба 4-го гвардейского механизированного корпуса, составившего вместе с приданными ему соединениями и частями подвижную группу войск 3-го Украинского фронта. Корпус сыграл важную роль в Белградской операции, развернувшейся на территории Югославии в октябре 1944 г. Авторам удалось нарисовать достоверную картину событий, со времени которых прошло уже почти четверть века. Широко использованные архивные документы, материалы из военной печати и другие источники удачно дополняют личные воспоминания авторов.

Рецензируемая книга не является повторением вышедших ранее работ, посвященных Белградской операции. В отли-

чие от коллективных трудов «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии» и «Белградская операция», где показаны боевые действия всех советских войск, участвовавших в боях за освобождение восточных областей Югославии (все силы 3-го Украинского фронта, авиация, Дунайская военная флотилия и др.), в этой книге прослежен боевой путь по югославской земле лишь одного 4-го гвардейского Сталинградского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова механизированного корпуса. Боевым действиям других соединений и родов войск уделено внимание в той мере, в какой это необходимо для освещения взаимодействия 4-го мехкорпуса с ними или для характеристики общей военной обстановки в период описываемых событий.

Такое сужение масштабов позволило авторам рассказать о множестве боевых эпизодов, о действиях даже самых мелких подразделений, для которых обычно не находится места при описании операций крупных войсковых соединений и объединений. Главным достоинством книги, на наш взгляд, является то, что в ней большое внимание уделяется людям — солдатам и офицерам мехкорпуса. С большим интересом читаются строки, рассказывающие о военной судьбе многих воинов корпуса. Особенно интересно рассказывают авторы о командире корпуса Герое Советского Союза генерал-лейтенанте танковых войск В. И. Жданове, начальнике политотдела И. А. Подпоронове, начальнике штаба В. Ф. Чижке, командующем артиллерией С. Ю. Махлине, начальниках служб корпуса Г. Р. Прагине, Г. Б. Курове и других своих ближайших товарищах и сослуживцах. Несомненный интерес представляют факты из боевой жизни разведчиков корпуса — капитана Якишина, лейтенантов Г. М. Хрущенкова и Г. А. Лапина, танкистов — Героев Советского Союза лейтенантов Н. Н. Третьякова, И. Ф. Борисова, И. С. Депутатова и многих других.

Не всем, кто вступил на землю Югославии 8 октября, довелось увидеть празд-

¹ «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии». Под общей редакцией Маршала Советского Союза С. С. Вирюзова. М., 1960; С. С. В и р ю з о в. Освобождение Белграда (октябрь 1944 г.). «Новая и новейшая история», 1963, № 1; е г о ж е. Советский солдат на Балканах. М., 1963 (освобождению Белграда посвящена глава «Солдатское братство», стр. 203—240); «Белградская операция». Под общей редакцией Маршала Советского Союза С. С. Вирюзова, генерал-полковника югославской Народной армии Раде Хамовича. М., 1964. Действия советских военных моряков описаны в кн.: И. И. Л о к т и о в о в. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. М., 1962 (стр. 126—161).

² В. Ф. Т о л у б к о, Н. И. Б а р ы ш е в. От Видина до Белграда. Историко-мемуарный очерк о боевых действиях советских танкистов в Белградской операции. Под редакцией и с предисловием генерал-полковника В. Ф. Чижка. М., «Наука», 1968, 240 стр.

ничный салют, озаривший небо над Белградом 20 октября. На победном пути от Заечара до Белграда многие советские воины отдали жизнь за освобождение братского югославского народа. Сейчас, когда годы минувшей войны все больше уходят в прошлое, особенно важно показать боевые дела активных участников этого исторического события. Книга В. Ф. Толубко и Н. И. Барышева вносит свой вклад в выполнение этой задачи. Она пополняет литературу о советско-югославском боевом содружестве в годы борьбы против фашизма. В ней освещаются совместные боевые действия войск 4-го гвардейского мехкорпуса и войск Пародно-освободительной армии Югославии, начиная с момента их первой встречи и кончая днем освобождения Белграда.

Первым боевым крещением частей корпуса на югославской земле был бой 8 октября за освобождение города Заечара, расположенного в непосредственной близости от болгаро-югославской границы. В нем паряду с силами советской 19-й стрелковой дивизии и разведподразделениями 4-го мехкорпуса участвовали и подразделения 45-й дивизии НОАЮ. «Так встретились воины нашего корпуса, — пишут авторы, — с югославскими воинами, знавшие до этого друг друга по газетным корреспонденциям и радпосообщениям. Они встретились непосредственно на поле боя, встали в одну общую боевую цепь и рука об руку в 17 часов перешли в атаку» (стр. 98). В ожесточенном бою враг был разгромлен, Заечар освобожден.

Авторы детально описывают боевой путь советских танкистов по югославской земле. Скоротечные бои и бои затяжные, стремительные броски и ожесточенный штурм обороны противника, радость побед и горечь потерь боевых товарищей, тесная боевая дружба советских и югославских воинов, — такова была атмосфера тех двенадцати дней, которые прошли с момента вступления 4-го мехкорпуса на землю Югославии до освобождения ее столицы. И эта атмосфера передана в книге с большой убедительностью и исторической достоверностью.

На книгу, несомненно, наложил отпечаток тот факт, что ее авторы в годы войны были штабными офицерами: с особой тщательностью и весьма подробно они информировали читателя об управлении войсками в ходе подготовки и проведения Белградской операции. Так, очень обстоятельно рассказывается (стр. 66—91) о подготовке штабом корпуса марша из выжидательного района на территории Болгарии в исходный район через Восточно-Сербские горы. Читатель видит, какая большая работа была проделана штабом перед этим трудным маршем. Хорошо показаны отдельные решения командира корпуса в ходе марша и развернувшиеся вслед за ним боевые действия — замена механиков-водителей командирами танков для

сохранения темпа марша (стр. 112—115), переправа через р. Мораву (стр. 123—126), оригинальный план разгрома врага в Белграде (стр. 172—177), разминирование подступов к Белграду под прикрытием дымовой завесы (стр. 179—180).

В книге много примеров воинского мастерства советских офицеров всех рангов, их находчивости и инициативы на поле боя. Вот один из них.

Взвод под командованием лейтенанта Г. А. Лапина в ночь на 14 октября, ведя инженерную разведку минных полей на южной окраине Белграда, заметил шестерых вражеских разведчиков, шедших в наш тыл, и бесшумно захватил всех их в плен. Лапин решил воспользоваться этим случаем и открыто начать разминирование проходов на виду у врага, с основаньем полагая, что в почной темноте противник будет принимать наших саперов за своих разведчиков. Возглавив группу добровольцев, лейтенант Лапин успешно осуществил свой план. К утру был проделан проход и по сигналу к атаке штурмовые группы устремились в город (стр. 180—181).

А вот другой пример. Разгромив совместно с частями НОАЮ гарнизон противника, оборонявший Тополу, подразделения 36-й гвардейской танковой бригады, продолжая движение на Белград, натолкнулись на сильный опорный пункт врага в Младеноваце. Командир бригады гвардии полковник П. С. Жуков принял решение — сходу, с зажженными фарами (уже стемнело) атаковать и разгромить вражеский гарнизон. После ожесточенного ночного боя Младеновац был освобожден, и танковая бригада с подразделениями югославских воинов на броне продолжала свое стремительное движение к Белграду (стр. 133—136).

В боях на земле Югославии советские воины проявляли героизм и самоотверженность. В книге впервые в нашей литературе о Белградской операции подробно рассказывается о героических действиях 15-й гвардейской механпзировавшей бригады 4-го мехкорпуса, выполнявшей ответственную задачу — не допустить прорыва смедерско-пожаревадской группировки противника к Белграду. Действуя в отрыве от главных сил корпуса, воины 15-й мехбригады и приданных ей частей проявили большое мужество и героизм, сражаясь против врага, значительно превосходившего их по силе.

14 октября близ деревни Удовница на пути от Смедерева к Гроцке заняли оборону на высоте 183,0 мотострелковая рота и танковый взвод 15-й механпзировавшей бригады и приданный ей 1962-й истребительно-противотанковый полк. За день артиллеристы, мотострелки и танкисты отразили 8 яростных атак противника. Силы защитников иссякали, но они ни на шаг не отступали, обеспечивая действия главных сил бригады. В этом бою

погибли расчеты шести орудий вместе с обеспечившими их автоматчиками. Враг смог прорваться на высоту 183,0 только после того, как не осталось в живых ни одного ее защитника (стр. 161—162).

Мужество и отвагу, воинское умение и доблесть проявили советские танкисты в боях за Белград. Действуя плечом к плечу с воинами Народно-освободительной армии Югославии, пользуясь всесторонней поддержкой и помощью жителей Белграда, советские танкисты с честью выполнили свою задачу. 20 октября 1944 г. столица братской Югославии была освобождена от фашистских захватчиков.

Книга В. Ф. Толубко и Н. И. Барышева является ценным вкладом в литературу о великой освободительной миссии Советской Армии в годы второй мировой войны. Она убедительно доказывает, что у советских военных историков имеются еще очень широкие возможности для освещения немеркнувшего подвига советского народа. Если же говорить конкретно об описании действий советских войск в Югославии, то до сих пор совершенно недостаточно рассказано о боевых действиях 64-й и 68-го стрелковых корпусов 57-й армии, 10-го гвардейского стрелкового корпуса 46-й армии, авиационных соединений 17-й воздушной армии, кораблей Дунайской военной флотилии. Появление книг о боевом пути названных стрелковых соединений, о подвигах советских летчиков и военных моряков значительно пополнило бы литературу о совместной борьбе советского и югославского народов против фашизма. Несомненно были бы выявлены многочисленные новые факты героизма советских воинов, достойным истории заслуженно стали бы новые имена героев.

Давая работе В. Ф. Толубко и Н. И. Барышева в целом высокую оценку, мы считаем необходимым указать на имеющиеся в ней немаловажные недостатки.

Существенным недостатком книги является крайне небрежное обращение с «географией». Создается впечатление, что географическая карта, являющаяся постоянным пособием при подготовке к печати любого сочинения по военной истории, в данном случае была совершенно забыта. Иначе как могли появиться в книге утверждения, не отвечающие действительному положению вещей? «Сава протекала с юго-запада на северо-восток...» — читаем мы на стр. 60, хотя на карте видно, что эта река течет с северо-запада на юго-восток. После освобождения Белграда, говорится на стр. 226, «36-я гвардейская танковая бригада... направилась прямо к переправе через Дунай». На деле же она переправилась через Саву, так как занятия 22 октября Земун и Београд находятся по отношению к Белграду за Савой, а не за Дунаем (см. «Советские Вооруженные Силы...» стр. 76).

Многочисленные искажения географических названий также оставляют неприятный осадок. Мы их насчитали более 20. Укажем несколько примеров: Калаура вместо Клисурса (стр. 114), Забаре вместо Жабаре (стр. 127, 128), Белозавци вместо Белосавци (стр. 132), Рипать вместо Рипань (схема на стр. 145), Мопистор вместо Манастир (стр. 174), Ушапь вместо Рупань (схема на стр. 213). Комудрах вместо Кумудраж (схема на стр. 215).

В книге встречаются и противоречия чисто военного порядка. Так, например, на стр. 64 и 67 авторы говорят, что 4-й мехкорпус преодолевал горный массив за передовым отрядом 93-й стрелковой дивизии, а на стр. 115, где рассказывается о сосредоточении корпуса после преодоления горного массива, пишут, что «главный район к этому времени был от противника полностью очищен. 93-я стрелковая дивизия и 5-я отдельная мотострелковая бригада перехватили к нему все подходы, заняли круговую оборону и вели бой с прорывающимся с гор немецкими подразделениями. Сосредоточение механизированного корпуса происходило под надежным прикрытием стрелковых частей и продолжалось до позднего вечера». Для читателя так и остается загадкой, как в указанный район 93-я стрелковая дивизия пошла раньше 4-го гвардейского мехкорпуса: уж не шла ли она впереди своего передового отряда?

Кстати о схемах. Их в книге 13, и они очень помогают разобраться в обстановке, в ходе того или иного боя. Но, к сожалению, и они страдают отмеченными выше недостатками, что сильно снижает их качество. Особенно досадно, когда содержание схем вступает в противоречие с текстом книги. Так, при описании боя за Младеновац в тексте указывается, что с 36-й гвардейской танковой бригадой в взаимодействии вела 4-я бригада 5-й ударной дивизии НОАЮ (стр. 133). Между тем в подписи под схемой этого боя и на самой схеме обозначена 3-я Пролетарская бригада 1-й Пролетарской дивизии НОАЮ (стр. 141). Очевидно, более достоверными являются данные схемы, так как они находят подтверждение и в югославской литературе. Фотография, помещенная на стр. 120—121 совсем не соответствует описанию переправы через р. Мораву, приведенному на стр. 123—125.

Читатель, знакомый с организацией советских танковых и механизированных войск в годы Великой Отечественной войны, не может пройти мимо ряда фактических неточностей, допущенных в книге. Так, в числе войск, входивших в состав 4-го гвардейского мехкорпуса, названы 352-й тяжелый и 292-й средний самоходно-артиллерийские полки (стр. 65, 68, 215, 217, 233). И они же в ряде мест (стр. 42, 214) названы танко-самоходными, что отнюдь не одно и то же. Командиры орудий танков в книге именуется наводчиками

орудий (стр. 134, 205, 206 и др.), что не соответствует их названию в годы Великой Отечественной войны.

Как и всякая книга о войне, книга «От Видина до Белграда» насыщена специальной военной терминологией, при передаче которой необходима максимальная точность. Этого в рецензируемой книге, к сожалению нет. Общеизвестно, что обороняющаяся войска отражает атаки противника, а вовсе не контратаки, как утверждается на стр. 241:

Авторы крайне небрежно обращаются с терминами «соединение», «часть» и «подразделение». Так, на стр. 65, где перечислен штатный состав корпуса и указаны средства его усиления, мы читаем: «В это время в состав 4-го гвардейского механизированного корпуса входили следующие части и отдельные подразделения...» и далее на первом месте перечислены четыре бригады, являющиеся, как известно, соединениями. На той же странице среди средств усиления перечислены зенитно-артиллерийская дивизия и истребительно-противотанковая бригада, которые несколькими строками ниже названы «приданными на усиление частями и подразделениями». Такое вольное обращение с военными терминами приводит к тому, что читателю все время приходится догадываться, что, и кого авторы в каждом конкретном случае имеют в виду, когда пишут «часть» или «командиры частей». Возьмем, например, командирское совещание перед маршем корпуса через Восточно-Сербские горы; у авторов получается так, что командир корпуса собрал на это совещание командиров соединений и частей, их заместителей по политической части и начальников штабов, а задачи поставил только командирам частей. Вряд ли это соответствует истине (стр. 87—90).

И среди технической терминологии много неточностей. Гусеницы танков (стр. 118, 126, 190 и др.) именуются «гусеничными цепями», а лучший танк второй мировой войны — всемирно из-

вестная советская «тридцатьчетверка» — не иначе как «тридцатичетверкой». Как известно, накладываются повязки, а не «перевязки» (стр. 86). Не может не вызвать недоумения у любого читателя, хотя бы отдаленно знакомого с устройством автомобиля, выражение: «На всем пути лежала перемятая танками сырая глина, колеса вязли в ней по самый радиатор...» (стр. 106). Это только незначительная часть допущенных ошибок и неточностей.

Язык книги чрезвычайно неровен. Встречается много стилистически неряшливых фраз и выражений вроде: «Осень еще не вступила в свои права. На ее пути сплошной стеной стоял огромный горный балканский массив, не пропускавший через свои хребты в теплые южные районы» (стр. 38); или «... столица братского югославского народа Белград...» (стр. 221). Иногда авторам явно изменяет чувство меры. Так, например, трудно поверить во все подробности описания гибели экипажа лейтенанта Григорьева (стр. 135), как и в то, что если оружие у воина выходило из строя, то он «сам ремонтировал его и снова приводил в боевую готовность» (стр. 29).

Подводя итог допущенным в книге ошибкам, неточностям и противоречиям, следует разделить их на две группы: первая — литературно-стилистические и вторая — военные и военно-технические, которые особенно непростительны, так как авторы книги — профессиональные военные.

Мы так подробно остановились на недостатках этой в целом хорошей и нужной читателю книги потому, что хотим, чтобы авторы и издательство учли их при переиздании. А в необозримости переиздания не может быть сомнений, учитывая небольшой тираж книги, вызвавшей несомненный интерес у самых широких слоев советских читателей.

А. С. Нарровский

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ПО ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

В 1962 г. кабинет по истории профсоюзного движения в Болгарии приступил к выпуску периодического органа под названием «Профсоюзные летописи». К настоящему времени вышло в свет 7 томов этого издания.

Кабинет по истории профсоюзного движения был организован при Центральном совете профсоюзов в 1958 г. на базе специальной комиссии по сбору и систематизации документов, относящихся к деятельности болгарских революционных профсоюзов.

В настоящее время кабинет по истории профсоюзного движения входит в Центр научных исследований ЦНС. В его работе наряду с видными профсоюзными деятелями активное участие принимают болгарские ученые, занимающиеся проблемами рабочего и профсоюзного движения страны. Налажена связь и поддерживается тесное сотрудничество с историками-българоведами из Советского Союза и других социалистических стран.

«Профсоюзные летописи» публикуют исследования по истории профсоюзного

движения, а также материалы, разоблачающие реакционную буржуазную и ревизионистскую историографию, фальсифицирующую прошлое болгарских революционных профсоюзов. Особое внимание «Летописи» уделяют развитию и деятельности профсоюзов социалистической Болгарии. В «Летописях» систематически публикуются документы и материалы о борьбе отдельных отрядов рабочего класса и их профессиональных организаций, воспоминания и очерки о профсоюзных деятелях и героях, рецензии и отзывы на научные публикации, вышедшие в Болгарии и за рубежом, обзоры фондов и литературы по профсоюзному движению, библиография и хроника научной жизни. Печатаются подборки материалов по истории фабрик и заводов.

Среди материалов о раннем периоде деятельности болгарских профсоюзов, их становлении и развитии как классовых организаций трудящихся выделяется статья М. Исусова «Славная страница истории рабочего движения в Болгарии» (1964, № 3). Автор отмечает важную особенность болгарского рабочего движения — одновременность возникновения рабочего и социалистического движения. Эта особенность рабочего движения в Болгарии, в отличие от стран Западной Европы, с самого начала определила ведущую роль революционной партии пролетариата, деятельность которой являлась решающим условием для создания «подлинно революционного, тактически целенаправленного и организационно обособленного профсоюзного движения» (стр. 17).

М. Исусов приводит ряд новых данных об участии партии тесных социалистов в подготовке и работе учредительного съезда профессиональных организаций (июль 1904 г.), на котором был создан **Общий рабочий синдикальный союз**. Создание ОРСС заложило основы болгарского революционного профсоюзного движения. I съезд ОРСС решительно отверг «нейтральность» профсоюзов и высказался за то, чтобы ОРСС «все свои действия согласовывал с действиями Болгарской социал-демократической партии на основе тесной и искренней связи с нею» (стр. 28).

Работа партии тесняков по воспитанию членов профсоюзов в духе непримиримой классовой борьбы и превращении ОРСС в школу социализма ярко показана в статье Д. Коджейкова «Георгий Димитров и болгарское революционное профсоюзное движение» (1962, № 1). Написанная на основе личных воспоминаний, статья воссоздает незабываемый образ пламенного болгарского революционера, деятельность которого была тесно связана с профсоюзным движением.

Вопросы партийного руководства профсоюзным движением широко освещаются также в статье Д. Коджейкова о Димитре Благоеве, написанной к 110-летию со дня

его рождения; в статьях П. Цанева о Георгии Киркове (Майсторе) и Тодоре Петрове; в сообщении Т. Колевой о Христо Кабакчеве. Новые и интересные факты приводятся в очерках и исследованиях, посвященных таким профсоюзным деятелям как Ламби Кандев, Никола Господинов, Начо Иванов, Стоян Стойков, Антон Иванов, Жеко Димитров, Стоян Узун и другим. Самоотверженная деятельность этих профсоюзных руководителей, воспитанных партией тесных социалистов, в немалой степени способствовала тому, что профсоюзы в Болгарии стали самым надежным и прочным звеном между марксистской партией и рабочим классом.

Много внимания уделяют «Летописи» формированию и организации рабочего класса в различных отраслях производства, а также в отдельных районах страны¹. Большинство этих исследований, основанных на материалах местных архивов и профсоюзной печати, существенно дополняют представление о характере борьбы болгарского пролетариата и имеют несомненное научное значение.

В статьях Л. Панайотова «Великая Октябрьская социалистическая революция и болгарское профсоюзное движение» и П. Панайотова «Болгарские рабочие в борьбе за установление и защиту Советской власти» (1967, № 6) раскрывается влияние Октября на рабочее и профсоюзное движение в Болгарии. Л. Панайотов особенно подробно останавливается на сдвигах, которые происходили в период революционного подъема среди реформистских профсоюзных организаций и завершились присоединением многих из них к ОРСС.

Интересно сообщение С. Арабаджиева о борьбе БКП против «левого оппортунизма» в профсоюзах в 1919—1921 гг. (1965, № 4). Партия решительно выступила против «левых», толкавших рабочий класс на путь необдуманных, авантюристических действий как во время забастовки транспортников, так и в период всеобщей политической забастовки в конце 1919 — начале 1920 г. Отвергнув требование «левых» о ликвидации профсоюзов и замене их фабрично-заводскими советами, партия отстояла классовую сущность, целостность и характер ОРСС как массовой организации рабочего класса.

¹ См. об этом: А. Пачков. Развитие и деятельность Рабочническия синдикални съюз в България (1893—1912), «Профсоюзные летописи», 1962, № 1; Г. Портапов. Към въпроса за формирането на мисията пролетариат в България, там же, 1966, № 5; П. Анев, С. Ташева. Начало на работническото профсоюзно движение в Пловдив (1883—1923 г.), там же, 1967, № 6; П. Стойчев. Революционно профсоюзно движение в Плевенско и Ловешко (1904—1912 гг.), там же, 1966, № 5.

Деятельность профсоюзов и борьба рабочего класса в период монархо-фашистской диктатуры рассматриваются в статьях Д. Мичева, Н. Димова, П. Ласковой, В. Василева, С. Великова и др. Широко используя документы Центрального партийного архива, Д. Мичев в статье «Борьба БКП за профсоюзное единство (1925—1926 гг.)» показывает деятельность БКП по восстановлению массовых организаций рабочего класса после роспуска ОРСС фашистским правительством (1964, № 3). Организационное укрепление Независимых рабочих профессиональных союзов (НРПС), а также их международные связи исследованы Д. Мичевым в статье «Профинтерн и революционное профсоюзное движение в Болгарии в 1925—1935 гг.» (1966, № 5). Обе статьи Д. Мичева, написанные на основе новых архивных материалов, вносят существенный вклад в разработку истории болгарского профсоюзного движения.

Глубоким анализом и богатством фактического материала отличаются статьи В. Василева о положении и борьбе безработных в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.²

В статьях Н. Димова и П. Ласковой³ подчеркнута нагубность левосектантского уклона для профсоюзного движения. Авторы раскрыли огромное значение VI пленума ЦК БКП (февраль 1936 г.), главным вопросом которого было претворение в жизнь исторических решений VII конгресса Коминтерна. Ознаменовав торжество ленинского курса в политике партии, VI пленум стал важной вехой на пути дальнейшего укрепления болгарского революционного профсоюзного движения.

Победа народного восстания 9 сентября 1944 г. открыла новую страницу в истории болгарского профсоюзного движения. За двадцатипятилетний период профессиональные союзы накопили большой опыт в деле строительства социалистического общества и заняли важное место в общественной, экономической и культурной жизни страны. Профсоюзы Болгарии воссоздавались и развивались под непосредственным руководством Коммунистической партии. Об этом периоде в

² В. В а с и л е в. Безработицата и социалното осигуряване на безработните в България по време на световната икономическа криза, «Профсъюзни летописи», 1965, № 4; его же. Движението на безработните в България по време на световната икономическа криза от 1929—1933 гг. Там же, 1966, № 5.

³ Н. Д и м о в. Учителската профопозиция и проблемът за единия фронт (1931—1936 гг.), «Профсъюзни летописи», 1965, № 4; П. Ласкова. Отношението на вестниците «Работнически вестник» и «Единство» към държавните синдикати (1934—1936 гг.), там же, 1967, № 6.

«Профсоюзных летописях» опубликовано множество исследований. «Руководство партии было и продолжает оставаться одной из характерных черт развития болгарского профсоюзного движения», — отмечает В. Бачевски в статье, посвященной 9-му съезду БКП⁴.

Важным политическим шагом правительства Отечественного фронта было участие народно-демократической Болгарии в войне против Германии на ее завершающем этапе. Под руководством Болгарской коммунистической партии в короткий срок была реорганизована армия, проведены неотложные меры по укреплению ее тыла. В эту работу активно включились и профсоюзы. Эта важная тема освещена в работе Ц. Алексиевой «Профессиональные союзы и Отечественная война (9 IX 1944 г. — 9 V 1945 г.)» (1965, № 4). В статье показана деятельность профсоюзов по мобилизации трудящихся на досрочное выполнение заказов для фронта, по распространению «Займа Свободы», по сбору денежных средств, продовольствия, теплой одежды для бойцов фронта и для оказания помощи их семьям. Осуществление этих мероприятий в значительной степени способствовало повышению боеспособности болгарского народа на фронте и в тылу. Автор подчеркивает, что в этой важной деятельности болгарские профсоюзы широко использовали большой опыт работы советских профсоюзов в годы Великой Отечественной войны.

Работа В. Георгиева посвящена истории воссоздания и укрепления Общего рабочего профессионального союза (ОРПС) в период с 9 сентября 1944 г. по декабрь 1948 г. (1963, № 2). Автор показывает как политическая активность трудящихся, постоянное руководство со стороны БКП, революционные традиции болгарского рабочего класса и большой опыт профсоюзной борьбы, использование опыта советских профсоюзов, наличие Отечественного фронта во многом обусловило организационное единство профсоюзов.

Вопрос о роли профсоюзов в упрочении народно-демократического режима и в восстановлении народного хозяйства рассматривается в статье В. Ванкова (1964, № 3). В ней раскрывается проблема взаимоотношений между государством и профсоюзами в условиях диктатуры пролетариата, имеющая важное теоретическое и практическое значение; анализируются сложившиеся в то время разнообразные формы участия профсоюзов в борьбе за политическую стабилизацию народной власти, а также характер сотрудничества между государственными органами и профессиональными союзами.

Д. Шарланов в двух своих публикациях

⁴ Б. Б а ч е в с к и. По пътя, начертан от партията — ръководителка. «Профсъюзни летописи», 1967, № 6, стр. 34.

освещает деятельность профсоюзов Болгарии после национализации в декабре 1947 г. и до 1963 г. включительно⁵. Автор анализирует многообразные формы производственной деятельности профсоюзов: социалистическое соревнование, руководство массовым рабочим изобретательством, производственные совещания. В значительно меньшей степени затронуты культурно-массовая работа профсоюзов и организационные принципы их построения. Вне поля зрения автора оказался и такой важный вопрос, как роль профессиональных союзов в борьбе за повышение материального благосостояния трудящихся.

В рецензируемых семи выпусках «Профсоюзных летописей» опубликовано несколько статей по конкретным вопросам практической деятельности профсоюзов. В содержательной и интересной статье П. Петкова рассмотрены формы и методы рабочего и государственного контроля, а также процесс национализации промышленности⁶. К сожалению, в статье недостаточно показана роль профсоюзов в этих важных социально-экономических преобразованиях.

В сообщении С. Израела обобщен опыт профсоюзов в организации оплаты труда⁷. Автор приводит яркие примеры и факты, подтверждающие, что профсоюзы в первые годы народно-демократической власти непосредственно осуществляли организационную и техническую работу по подготовке и внедрению новой системы заработной платы.

Роль болгарского рабочего класса в создании новых форм общественной организации труда подчеркнута в работе З. Златева⁸. Используя материалы печати и архивные документы, автор рассказывает об введении государственного и рабочего контроля, об укреплении трудовой дисциплины, о первых попытках применения социалистических принципов оплаты

труда. Учитывая специфику издания, следовало бы более подробно рассмотреть роль профсоюзов в этой области.

Несомненный интерес представляет статья Г. Петрова об участии болгарского рабочего класса в развитии технического прогресса в 1956—1960 гг. (1966, № 5), в которой исследуются две основные формы движения за технический прогресс — изобретательство и рационализация технологических процессов. Автору удалось убедительно показать организующую роль профсоюзов, проводящих работу по внедрению механизмов и автоматов и модернизации техники под непосредственным руководством партийных комитетов.

Актуальна и интересна по замыслу статья Г. Цолова⁹, являющаяся результатом исследования некоторых вопросов совместной деятельности профсоюзов и комсомола в строительстве материально-технической базы социализма. На многочисленных документах автор показывает их совместные действия в области организации общеобразовательного производственно-технического обучения, по воспитанию нового человека путем широкого вовлечения молодых рабочих в социалистическое соревнование.

В болгарской исторической литературе до последнего времени недостаточно освещалась международная деятельность профсоюзов Народной Республики Болгарии. В связи с этим большой интерес представляют обстоятельные статьи В. Георгиева и Д. Шарланова¹⁰. В них рассказывается об успешном выполнении болгарскими профсоюзами своего интернационального долга в новых исторических условиях. ОРПС принял участие в создании Всемирной федерации профсоюзов и активно включился в ее работу. Двухсторонние связи, установленные ОРПС с профсоюзами ряда стран, способствовали укреплению международного профсоюзного движения. Авторы подчеркивают, что профсоюзы Болгарии на всех этапах своего развития были и остаются верными принципам пролетарского интернационализма.

О связях между болгарскими и советскими профсоюзами в период 1944—

⁵ Д. Шарланов. Профессионалните съюзи през периода на борбата за победа на социализма в България (1948—1957). «Профсъюзни летописи», 1963, № 2; его же. Профессионалните съюзи в борба за доизграждане на социализма в България (1958—1963 гг.). Там же, 1964, № 3.

⁶ П. Петков. Ликвидиране на капиталистическата собственост в промишлеността — закономерност на социалистическата революция. «Профсъюзни летописи», 1967, № 6.

⁷ С. Израел. Участието на профсоюзните съюзи в работата за усъвършенстване организацията на работната заплата (1944—1964). «Профсъюзни летописи», 1964, № 3.

⁸ З. Златев. Ролята на българската работническа класа за създаване на социалистическа организация на труда в промишлеността (1944—1947). «Профсъюзни летописи», 1966, № 5.

⁹ Г. Цолов. По някои въпроси от съвместната дейност на профсъюзите и ДКМС в изграждането на материално-техническата база социализма, «Профсъюзни летописи», 1968, № 7.

¹⁰ В. Георгиев. Участието на Общия работнически професонален съюз в изграждането на международното профсъюзно единство на работническата класа (1944—1948 гг.). «Профсъюзни летописи», 1965, № 4; Д. Шарланов. Международната дейност на профсоюзните съюзи в периода 1948—1962 година. «Профсъюзни летописи», 1966, № 5.

1948 г. обстоятельно и аргументированно рассказывается в статье А. Накова. Автор на конкретных примерах раскрывает содержание, пути и формы работы болгарских профсоюзов по изучению и распространению опыта советских профсоюзов среди болгарских рабочих. «Изучение и применение советского опыта, — пишет А. Наков, — помогало более глубокому осмыслению и обогащению собственной деятельности организационного опыта»¹¹.

В целом «Профсоюзные летописи» способствуют дальнейшему исследованию истории рабочего и профсоюзного движения Болгарии. Большая часть статей и сообщений, вошедших в это издание, написана на основе тщательного и всестороннего изучения широкого круга источников, в том числе неопубликованных документов и материалов ряда центральных и местных архивов.

Итогом этой большой плодотворной работы является обобщающий труд по истории болгарских профсоюзов¹². Вместе с тем следует отметить, что некоторые важные проблемы истории болгарского революционного профсоюзного движения в «Летописях» рассмотрены недостаточно полно: деятельность Г. Димитрова в международном профсоюзном движении, перестройка профсоюзной работы после VI пленума ЦК БКП, профсоюзное движение накануне и в годы второй мировой войны.

В отдельных статьях о профсоюзном движении после 9 сентября 1944 г. чрезмерно много места отведено материалам общетеоретического характера в ущерб примерам конкретной организационно-практической деятельности профсоюзов. Авторы часто ограничиваются пересказом решений или постановлений профсоюзных органов вместо их анализа. При этом

¹¹ А. Наков. Връзките между българското и съветското профсоюзно движение през възстановителния период. «Профсоюзни летописи», 1968, № 7, стр. 115.

¹² В. Хаджициколов, Д. Младенов, М. Иусов и др. История на профсоюзното движение в България. Профиздат, 1968.

не всегда с достаточной глубиной раскрывается организующая роль профсоюзов в деле социалистического строительства. Авторы рассматривают сравнительно ограниченный круг практической деятельности профсоюзов — социалистическое соревнование, движение рационализаторов и изобретателей, производственные совещания. Бесспорно, указанные темы очень важны, но «производственный уклон» не всегда оправдан, так как он не может заменить, а тем более исключить все другие направления в работе профсоюзов. В семи выпусках «Профсоюзных летописей» нет ни одной специальной публикации на тему культурно-просветительной деятельности профсоюзов, а в статьях, где говорится о роли и месте профсоюзов в системе диктатуры пролетариата, эта тематика только затрагивается, не становясь предметом глубокого исследования. Почти совершенно обойден вопрос о деятельности профсоюзов в области повышения благосостояния трудящихся.

В публикациях «Профсоюзных летописей» немало повторений. В статьях Д. Шарланова, Н. Николова, Б. Калаоры, З. Златева, К. Петрова при показе социалистического соревнования, движения за коммунистический труд, работы производственных совещаний используются одни и те же факты. Повторения имеются и внутри самих статей. Проблемный принцип их построения часто вынуждает авторов обращаться по несколько раз к одним и тем же документам.

Несмотря на отдельные недостатки, рецензируемое издание, дающее широкую и регулярную научную информацию об основных проблемах профсоюзного движения Болгарии, вносит существенный вклад в изучение истории болгарского рабочего движения. Материалы, вошедшие в семь выпусков «Профсоюзных летописей», представляют интерес не только для болгарского, но и для советского читателя. Они дают возможность глубже познакомиться с жизнью и борьбой рабочего класса братской нам страны.

*О. И. Валева,
М. И. Илягин*

СХЕМАТИЧНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ВАЖНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Среди многих проблем, встающих перед пролетарским государством, строящим социализм, одна из наиболее сложных — перестройка деревни, создание крупного социалистического сельскохозяйственного производства.

Основные принципы социалистического преобразования деревни, разработанные В. И. Лениным, имеют международное значение. Ленинский кооперативный

план предполагает творческое применение этих принципов, учет исторических особенностей развития страны, ее внутреннего и внешнеполитического положения.

Большой интерес представляет опыт социалистического переустройства деревни в Польше. Этому вопросу посвящена книга А. П. Мамалюя и П. Х. Кучерявенко «Социалистическое преобразование

крестьянского хозяйства в Польской Народной Республике», вышедшая в Харькове в 1967 г. До последнего времени в советской научной литературе не было работ о развитии польской деревни в послевоенные годы. Зато много писали и пишут об этом западные буржуазные экономисты, изображая процессы, происходящие в сельском хозяйстве Польши, как своего рода третий, не капиталистический и не социалистический путь развития, и пытаясь в этом отношении противопоставить ПНР другим социалистическим странам, где в сельском хозяйстве преобладает социалистический способ производства.

В послевоенные годы сельское хозяйство Польши достигло значительных успехов в своем развитии. К 1950 г. был восстановлен довоенный уровень сельскохозяйственного производства, а к 1966 г. этот уровень был превышен почти на 65%. Однако несмотря на довольно высокие темпы развития сельского хозяйства, в экономике Польши образовалась диспропорция между быстро развивающимся промышленным и отстающим от него сельскохозяйственным производством. Рассматривая причины этой диспропорции, возникшей еще в годы шестилетки (1950—1955), авторы приходят к выводу, что главной причиной этого явилось преобладание в сельском хозяйстве Польши мелкотоварного единоличного хозяйства (стр. 28). Это объяснение представляется нам правильным. По мнению авторов, для устранения этой диспропорции следовало бы изменить производственные отношения в сельском хозяйстве. Разумеется, что замена производственных отношений предполагает и обуславливает дальнейшее развитие производительных сил. Однако проблема диспропорции гораздо сложнее, необходимо учитывать конкретные условия страны, уровень производительных сил и особенности развития сельского хозяйства, на что авторы, к сожалению, не обращают внимания.

В работе А. П. Мамадуя и П. Х. Кучерявенко отсутствует анализ положения в стране накануне кооперирования крестьянского хозяйства. Вероятно поэтому в ней схематично и не всегда правильно освещается проблема предпосылок социалистической перестройки деревни. Авторы пишут, что ПОРП исходила из необходимости социалистического преобразования деревни «сразу после победы народно-демократической революции». Остается неясным, что понимают авторы под этими словами, — если 1944 г., то это утверждение неверно, если 1947 г., то оно ничем не обосновывается. Вопрос об экономической потребности перестройки сельского хозяйства по существу подменяется характеристикой состояния отраслей промышленности, обслуживающих сельское хозяйство. При этом возможности промышленного производства

представляются авторами следующим образом: «Чтобы поднять сельское хозяйство, создать предпосылки социалистического преобразования деревни, большие задачи предстоит решить промышленности» (стр. 70), «Механизация сельского хозяйства, хотя и несравненно выше, чем в довоенный период, тем не менее не удовлетворяла запросов деревни» (стр. 31). Такое заключение позволяет сделать вывод о том, что промышленность не обеспечивала перехода деревни на социалистический путь. Но это противоречит основной мысли авторов. В работе не показаны конкретные экономические и политические причины, обуславившие необходимость социалистического преобразования деревни.

В политике ПОРП, направленной на социалистическую перестройку крестьянского хозяйства, четко прослеживаются два этапа. На первом из них (1949 — октябрь 1956 гг.) основное внимание уделялось созданию сельскохозяйственных производственных кооперативов. В 1956 г. в стране насчитывалось около 10 тыс. кооперативов, более половины из которых являлись кооперативами высших типов. Кооперативы обрабатывали 9,2% всех сельскохозяйственных угодий и давали 8,2% всей валовой продукции.

Однако после VIII пленума ПОРП (октябрь 1956 г.), принявшего решение о роспуске нежизнеспособных сельскохозяйственных производственных кооперативов, большая часть их была ликвидирована. Было распущено немало менее или более окрепших кооперативов. К концу 1957 г. удельный вес сельскохозяйственных угодий кооперативов сократился до 1%. И поэтому вызывает удивление утверждение авторов, сделанное ими пятью страницами раньше, о том, что в 1955 г. «пед производственного кооперирования пустили глубокие корни в польской деревне» (стр. 95).

Авторы видят причину роспуска кооперативов в том, что в этот период ПОРП осуществляла трудный политический поворот, и тогда не только крестьяне, но и значительная часть партийного и хозяйственного актива были дезориентированы в политике партии по отношению к производственным кооперативам (стр. 95).

Вряд ли это достаточно полно объясняет позицию, занятую ПОРП в октябре 1956 г. По-видимому, причину нужно искать глубже.

Как показывают материалы книги, производственные показатели многих кооперативов были невысокими. Это обуславливалось в значительной мере недостаточной материально-технической базой кооперативов. В связи с этим следовало бы рассмотреть и вопрос об эффективности простой кооперации крестьянских хозяйств. Слабые в экономическом

п организационно-политическом отношении кооперативы не всегда или не в полной мере могли продемонстрировать преимущества коллективного хозяйства.

С октября 1956 г. ПОРП взяла курс на постепенное формирование прочных социалистических производственных отношений, сосредоточила внимание на создании материально-технической базы, на поисках новых путей и методов подвода крестьянских масс к социализму.

Широкое распространение получили сельскохозяйственные кружки, своеобразная форма крестьянской кооперации. Располагая тракторами и другими сельскохозяйственными машинами, кружки обеспечивают механизацию сельскохозяйственных работ и способствуют интенсификации единоличного крестьянского хозяйства.

Кружки объединяют усилия крестьян для решения производственных и общественных задач в деревне, приобщают их к коллективным формам хозяйства. Поэтому ПОРП считает необходимым дальнейшее расширение сети сельскохозяйственных кружков и их укрепление. Растет также сеть снабженческо-сбытовых, кредитных и других кооперативов. В книге рассказывается о положении сельскохозяйственных производственных кооперативов.

В 1965 г. в стране насчитывалось 1246 старых и вновь возникших кооперативов, которые обрабатывали 1,5 % сельскохозяйственной земли, и давали 1% валовой и 1,2% товарной продукции. Их деятельность развивается довольно успешно: по ряду показателей они уже перешли индивидуальное крестьянское хозяйство (урожайность зерновых, удои молока), постепенно ликвидируется их отставание по таким важным для Польши культурам как картофель и сахарная свекла. Говорится о жизненном уровне членов кооперативов, о помощи им со стороны ПОРП и народного правительства. Однако, характеризуя задачи, стоящие перед ПОРП в области производственного кооперирования, авторы, главным образом, исходят из материалов III съезда ПОРП (1959 г.) и не учитывают в должной мере последующие постановления по этому вопросу, например, материалы IV съезда ПОРП (1964 г.) и пленумов ЦК ПОРП. Поэтому они полагают, что ПОРП и на современном этапе считает производственные кооперативы главной формой социалистической перестройки деревни. Решения IV съезда ПОРП, однако, не дают оснований для такого вывода. В них говорится о необходимости оказания всесторонней помощи кооперативам и о создании их там, где имеются для этого условия, но основное внимание уделяется госсельхозам и сельскохозяйственным кружкам.

В настоящее время основной социалистического сектора в польской деревне яв-

ляются госсельхозы. Авторы книги по неизвестным причинам вынесли раздел о госсельхозах в главу о предпосылках социалистического преобразования сельского хозяйства. Но разве госсельхозы не являются одной из форм этого преобразования, а на данном этапе одной из важнейших форм?

Если речь идет о том, что госсельхозы должны были убедить крестьян в преимуществе общественного производства, то приведенные авторами данные («ликвидировано отставание госсельхозов по урожайности зерновых ..., значительно сократился разрыв по уровню урожайности других сельскохозяйственных культур» (стр. 41)), вряд ли могли убедить крестьян в этом. О преимуществах госсельхозов можно говорить сейчас, когда их экономическое положение значительно улучшилось и они стали превращаться в рентабельные хозяйства. Значение этой формы социалистических сельскохозяйственных предприятий в Польше в настоящее время сильно выросло. В 1964 г. они обрабатывали 12,5% сельскохозяйственной земли в стране и поставляли 10,4% валовой и 15,2% товарной продукции.

Социалистический сектор занимает в польской деревне пока только 14% сельскохозяйственной земли. На остальной земле ведут свое индивидуальное хозяйство крестьяне, значительная часть которых состоит в сельскохозяйственных кружках. К сожалению, в книге почти ничего не говорится о современном состоянии польского крестьянского хозяйства, не рассматривается воздействие социалистического государства на мелкотоварное крестьянское хозяйство в сфере производства и товарных отношений, не показывается та большая материальная помощь, которую государство оказывает единоличникам для поднятия производства в их хозяйствах. Отсутствие указанных материалов не позволило авторам, на наш взгляд, дать достаточно убедительных ответов и на ряд поставленных ими вопросов: о формах классовой борьбы в деревне, об особенностях политики ПОРП по отношению к кулачеству (хотя этот термин сейчас не встречается в польской партийной печати), о происходящей в деревне дифференциации, о резервах и возможностях крестьянского хозяйства в Польше и др.

Авторы критикуют «теорию» о третьем пути, об устойчивости мелкокрестьянского хозяйства, о стихийном переходе крестьян к социализму по мере развития производительных сил в сельском хозяйстве, о том, что основной хозяйственной ячейкой в польской деревне должна стать «семейная ферма» и т. д. Однако серьезной научной полемики у них не получилось. Цитаты и общие фразы, которыми они сражаются в дискуссии с безвестными «некоторыми польскими экономистами»,

вряд ли могут убедить читателя, не говоря уже о тех, с кем полемизируют авторы.

Итак, в книге А. П. Мамалуха и П. Х. Кучерявенко читатель может найти сведения о состоянии социалистических форм хозяйства в польской деревне. Однако книге присущи схематизация, деклара-

тивность некоторых важных положений, слабость исторического анализа, порождающая противоречия, повторения и неточности в формулировках.

В. Марьина,
Г. Мурашко

В. А. ДЬЯКОВ. *Маркс, Энгельс и польское освободительное движение*. М. «Наука», 1968, 192 стр.

Книга В. А. Дьякова — первое в советской историографии монографическое исследование об отношении Маркса и Энгельса к польскому освободительному движению XIX в. До недавнего времени было только несколько статей на эту тему, разбросанных в специальных журналах, подчас ставших уже библиографической редкостью, и освещавших лишь отдельные аспекты проблемы.

Работа В. А. Дьякова в значительной степени восполняет этот пробел. Автор удачно применяет хронологический и тематический принципы изложения материала. В первой главе рассматриваются контакты Маркса и Энгельса с деятелями польского освободительного движения накануне и в период революции 1848 г. и их взгляды по некоторым вопросам истории Польши тех лет. В ней подчеркивается, что интерес основоположников научного коммунизма к польскому освободительному движению определялся его огромным значением для европейской революции. Во второй главе рассказывается об отношении Маркса и Энгельса к январскому восстанию 1863 г. и о расширении к тому времени их связей с польской эмиграцией. Отношению Интернационала к польскому вопросу посвящена третья глава. В ней говорится о последовательной защите Марксом и Энгельсом принципов пролетарского интернационализма и лозунга свободы Польши, отвечавшего интересам европейского пролетариата. В четвертой главе показано активное участие польских революционеров в Парижской Коммуне и связи Маркса и Энгельса с поляками — ветеранами революционного движения. В пятой главе собраны материалы, относящиеся к характеристике Марксом и Энгельсом первых шагов польского рабочего движения в 80—90-е годы XIX в. Как следует из изложения, высказывания основоположников научного коммунизма о Польше были основаны на глубоком знании ими событий польской истории и расстановки политических сил в эмиграции и на польских землях. В заключение автор подвел итоги исследования и кратко показал, как в новых условиях В. И. Ленин развил марксистские взгляды на польский вопрос.

В книге хорошо сочетается анализ высказываний основоположников марксизма

о национально-освободительной борьбе в Польше с изложением основных событий польской истории XIX в., что помогает более глубоко понять значение рассматриваемого вопроса. Хорошее знание истории национально-освободительной борьбы польского народа, использование разнообразных источников и литературы по теме, умение излагать материал ясно и доходчиво позволили автору написать монографию, которая читается с большим интересом. Следует подчеркнуть, что кроме уже известных источников по польской истории XIX в. В. А. Дьяков использовал новые материалы, обнаруженные им в советских и польских архивах.

Монографии В. А. Дьякова не вызывает принципиальных замечаний. К сожалению, автор на последних страницах пятой главы (стр. 178—179) отказывается от своего правильного принципа — достаточно подробного рассмотрения событий польской истории, о которых высказывались Маркс и Энгельс, — и читатель ничего не узнает о причинах конфликта между польскими делегатами на Цюрихском конгрессе II Интернационала или о существе столкновений между Г. В. Плехановым и Я. Тышковой. Автор пишет, что Маркс делал выписки из сборника работ Лелевеля «История Польши» в 1844—1857 гг., но не приводит каких-либо доказательств этого факта (стр. 60), между тем имеется свидетельство об этом (экземпляр книги с пометками Маркса хранится в настоящее время в Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в Берлине)¹. В работе недостаточно ясно изложены причины отрицательного отзыва Маркса о Лелевеле в письме к Энгельсу от 30 августа 1852 г. Критика Марксом Лелевеля за бонапартистские иллюзии в этом письме, а также в

¹ «Маркс-историк». М., «Наука», 1968, стр. 576; Notaty Karola Marksa z «Histoire de Pologne» Joachima Lelewela. «Archiwum historii filozofii i myśli społecznej». T. 4. Warszawa, 1959, s. 250—251; S. Schwan. Nieznane notatki Karola Marksa dotyczące dziejów Polski w zbiorach Archiwum Zakładu historii partii przy KC PZPR. «Z pola walki», 1958, № 3, s. 80, przyp. 5.

статье «Действия Мадзини и Кошута»² была основана скорее всего на недоразумении. Эти иллюзии были распространены тогда среди некоторых сторонников ученого, а в немецких газетах появились сообщения о том, что Лелевель также разделял надежды на помощь Луи Бонапарта польскому освободительному движению. Подобная информация могла ввести Маркса в заблуждение о позиции этого историка³. Автор приводит без всяких оговорок высказывание Маркса и Энгельса о присоединении Лелевеля к резолюции Союза коммунистов (стр. 42). Однако других документов, подтверждающих поддержку Лелевелем Союза коммунистов, еще не найдено. Лелевель участвовал в деятельности Общества братских демократов, с которыми коммунисты под-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, изд. 2, стр. 383.

³ Там же, стр. 384.

держивали контакт, и, очевидно, на конгрессе братских демократов в Брюсселе польский ученый поддержал адрес английских братских демократов, составленный Марксом и припятый на конгрессе этой организации в Лондоне⁴.

Как подчеркивает сам автор, в его книге не рассматриваются все проблемы, возникающие при исследовании поставленной в ней темы. По нашему мнению, одной из актуальных задач является изучение творческой лаборатории Маркса и Энгельса при анализе им положения Польши в XIX в., а также выяснение всех источников их сведений об этой стране.

Монография В. А. Дьякова представляет значительный интерес для читателя.

⁴ «Marks i Engels o Polsce». Zbiór materiałów w dwóch tomach. T. II. Warszawa, 1960, s. 396—397.

Б. С. Полюков

ЛЕЩИЛОВСКАЯ И. И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., «Наука», 1968, 337 стр.

Монография И. И. Лециловской посвящена одному из интереснейших периодов истории югославян первой половины XIX в. Зародившийся и развившийся у хорватов иллиризм оказал большое влияние на национальное движение других югославянских народов: словенцев и сербов. Он явился формой развития югославянской идеи, которая, как известно, сыграла важную роль в создании Югославии. Формируясь под влиянием идеологии чешского и словацкого Возрождения, особенно Яна Коллара, иллиризм в свою очередь оказал воздействие на дальнейшее развитие национальной мысли у чехов и словаков. Таким образом, для историков иллиризм интересен не только как чисто хорватское явление, но и как общественное движение, оказавшее влияние на югославянские и другие славянские народы Австрийской империи.

Об иллиризме существует обширная литература, изданное большое количество источников. Но интерес к этой теме не угасает, разработка ее продолжается. Однако, кроме книги П. А. Кулаковского («Иллиризм», Варшава, 1894), до сих пор не было работ об иллирийском движении в целом. Исследование И. И. Лециловской — это первая попытка в советской историографии осветить весь круг вопросов, связанных с иллиризмом. В книге всесторонне рассматривается социально-экономическое развитие Хорватии периода иллиризма, социальная база иллирийского движения, его истоки, программа иллиристов, организационные формы их деятельности, связи между деятелями иллиризма и идеологами национальных дви-

жений других славянских народов и т. д. Причем все это впервые освещается с позиций марксистско-ленинской методологии с использованием всех последних достижений югославянской историографии по иллиризму. В этом, на наш взгляд, состоит главное достоинство рассматриваемой монографии. Характерной особенностью исследовательской манеры автора являются широкие социологические обобщения и теоретические выводы, всесторонний анализ всей совокупности фактов и явлений. Монография Лециловской отличается стройной концепцией, своим особым взглядом на различные стороны сложного иллирийского движения.

Автор изучила большой круг литературы и оцеликованных источников, широко использовала периодическую печать иллиристов. К сожалению, материалы архивов в книге практически отсутствуют, потому что у автора не было возможности обстоятельно ознакомиться с хорватскими архивами, в которых эти документы главным образом хранятся.

Монография состоит из четырех глав, введения и заключения. Первая глава «Социально-экономические предпосылки иллиризма» базируется в основном на литературе. Эта тема была разработана автором ранее в ряде монографических статей¹. Вторая глава «Начало иллирий-

¹ «К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и развитии капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве в Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в.». Уч. зап. Ин-та славяновед. (УЗИС). АН СССР,

ского движения и его социальные основы» и третья глава «Общественно-политические направления в иллирийском движении и их программы» написаны на высоком научном уровне и являются основными главами книги. В них раскрываются главнейшие вопросы иллирийского движения. Интересно показана языковая реформа Гая, теоретические основы иллиризма, его социальные корни, различные направления в нем, развитие идеи славянской взаимности во всей ее сложности и противоречивости.

Соглашаясь в целом с авторской оценкой сущности иллирийского движения, хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, которые нам представляются спорными или недостаточно раскрытыми и обобщенными.

Раздел о социальной базе иллиризма написан убедительно. Однако в отдельных случаях автор объясняет причины участия различных слоев населения в иллирийском движении недостаточно полно. Так она выдвигает лишь три причины участия в иллирийском движении католических священников: желание уничтожить целибат; стремление к преобразованиям в общественной жизни и церкви, в которых они видели «путь к улучшению своего материального и общественного положения»; и, наконец, церковная и языковая политика венгерского среднего дворянства, которая в случае ее претворения в жизнь «привела бы к отстранению многих хорватских священников, сужению материальной базы католического духовенства в Хорватии и Славонии и падению его влияния» (стр. 98—99). Такое сугубо материальное объяснение побудительных мотивов участия католического духовенства в иллирийском движении представляется односторонним. Материальные факторы, несомненно, играли важную роль, но достаточно важными были и идеологические мотивы; от своих иллирийских воззрений многие католические священники не только не получали выгоды, но и приносили ради них материальные жертвы.

Причины слабого участия в иллирийском движении православного духовенства, названные автором, не вызывают возражений, но их следовало бы изложить в другом порядке. На первое место автор ставит озабоченность православных священников своим материальным положением, их

бедность, отсутствие поддержки со стороны иллиров в борьбе за улучшение материального и общественного положения. На второе место — тот факт, что православное духовенство, сербское по национальности, находилось под влиянием сербского национального движения Воеводины, враждебно настроенного к иллиризму. Основная же, по нашему мнению, причина — религиозная рознь между православными и католиками названа автором на самом последнем месте, хотя именно в ней крылись корни всего остального. Правильное материальное и общественное положение католических и православных священников в Австрийской империи усиливало их религиозные разногласия. Материальные факторы, таким образом, влияли на позиции православного духовенства, но не прямо, а косвенно. Что касается национального момента, то он, несомненно, имел большое значение, но и тут надо иметь в виду, что национальное размежевание сербов и хорватов шло по религиозному признаку.

Хотя иллиры и терпимо относились к православию, православное духовенство смотрело на них с недоверием, поскольку подавляющее большинство участников иллирийского движения были католиками.

Вообще такому важному моменту, как существование религиозных различий между сербами и хорватами, автор не уделяет достаточного внимания, а об этом следовало бы сказать в конце первой главы, где речь идет о формировании хорватской нации. Вряд ли можно согласиться с утверждением автора монографии, что «религиозная вражда (между католиками и православными. — И. Ч.) препятствовала формированию наций», поскольку религиозное сознание подменяло и отесняло национальное (стр. 142). Наоборот, в данном конкретном случае оно обогатало размежевание между сербами и хорватами, стимулировало их оформление как самостоятельных наций. Другое дело, что национальная вражда ослабляла силы как сербов, так и хорватов в их борьбе за национальные права — это автор подчеркнул совершенно справедливо.

И. И. Лещиловская впервые в историографии выделила и рассмотрела два направления в иллирийском движении. Особенно интересен раздел о либеральных иллирах, где приводятся материалы не только о них, но и о хорватских либералах мадьярского направления. Исследуя взгляды на экономику, политику и просвещение графа Драшковица, с одной стороны, и иллиров, группировавшихся вокруг Гая, с другой, — автор справедливо отмечает, что программа Драшковица носила более консервативный характер, чем программа иллиров-либералов. При этом хотелось бы обратить внимание автора на одну деталь. И. И. Лещиловская сравнивает взгляды Драшковица, которые тот проповедовал в 1832 г. (с привлечением его вы-

т. XVIII, М., 1959; «Из истории торговли Хорватии—Славонии в конце XVIII в.—первой половине XIX в.», УЗИС, т. XXIV, М., 1962; «Из истории городского ремесла в Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в.». В сб. «Генезис капитализма в промышленности», М., 1963; «Особенности развития национальной городской буржуазии в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в.» В сб. «Национально-освободительное движение южных славян». М., 1966.

сказываний за 1836—1838 гг.), со взглядами иллиров-либералов, высказанными ими в 1845—1847 гг. Возникает вопрос: а может быть в 1845—1847 гг. взгляды Драшковича были гораздо ближе к взглядам либералов, чем в тридцатые годы? Тем более, что автор вскользь замечает, что «идеология и программа Драшковича, сложившись еще до начала иллиризма, претерпели эволюцию в период иллирийского движения, главным образом, в плане усиления в них национально-политических интересов» (стр. 166—167).

Приведенные материалы о двух направлениях в иллирийском движении скорее говорят о двух этапах развития иллиризма до 1848 г. Первый этап, охватывающий вторую половину 30-х годов XIX в., выделен при исследовании либерального движения. В этот период между либералами и консерваторами фактически нет разногласий: ни по просветительской программе (стр. 148), ни по религиозному и крестьянскому вопросам (стр. 213). Разница заключалась в том, что Драшкович имел уже и политическую программу, в то время как у либералов она отсутствовала.

Что же касается второго этапа — 40-х годов — то в монографии убедительно показаны взгляды либерального круга. Прослежено оформление политической программы либералов, их отношение к крестьянскому вопросу. Взгляды же консерваторов на этом этапе не рассмотрены.

И еще один момент: если либералы в монографии выступают внушительной когортой, приводятся высказывания Гаю, Вукотиновича, Шулека, Радешичкого, Раковаца и др., то консерваторов представляет один Драшкович. Следовало бы показать консервативный лагерь более полно и разносторонне.

Как уже говорилось, взгляды либеральных иллиров раскрыты интересно. Однако иногда они показаны более радикальными, чем были на самом деле. Автор полагает, что уже до 1848 г. у Гаю и его сторонников были планы образования независимого Югославянского государства (стр. 177). В подтверждение этого приводятся ряд фактов. Наиболее важные из них: письмо М. Броза и высказывание Н. Гарашанина о разговорах с Гаю, относящиеся к концу апреля—мая 1848 г., т. е. ко времени революции, когда политические условия в стране изменились по сравнению с предреволюционным периодом, который и является предметом исследования в монографии. Правда, Броза в своем письме упоминает беседы с бокельцами о борьбе против Австрии в 1846 г., но следует иметь в виду, что антиавстрийские настроения и стремление к национальной независимости у бокельцев были гораздо сильнее², чем у

хорватов, а отсюда и взгляды бокельских иллиров были несомненно более радикальными. Характерно, что о своих разговорах с бокельцами Броза сообщил Гаю не после возвращения из Бокв в 1846 г., а после начала революции 1848 г. Поэтому, нам кажется, письмом Броза и высказывание Гарашанина не могут служить доказательством наличия в Загребе до 1848 г. радикальных политических настроений.

Все другие факты, приведенные автором: интерес Гаю к Боснии (стр. 170—171), связь загорских иллиров с Линчем и Захом, агентами Чарторыйского—говорят только о попытках Гаю завязать связи с другими южными славянами и с польской эмиграцией в интересах создания единого югославянского политического целого и совсем не показывают, мыслил ли Гаю и его сторонники это целое как часть австрийской империи или как независимое государство³.

На основании вышесказанного представляется, что автор напрасно ограничил свою работу периодом до 1847 г., поскольку для иллюстрации ряда очень важных положений пришлось привлечь факты, хронологически выходящие за этот период.

В четвертой главе «Деятельность сторонников иллиризма» приводится интересный материал о деятельности иллирийских обществ, об изданиях иллиров, о связях хорватских иллиров с чешскими, сербскими, словацкими и словенскими национальными деятелями, с русскими учеными и славянофильскими кругами. Однако страницы, посвященные развитию иллиризма в Военной Границе, Далмации и Истрии, бедны фактами и материалами по сравнению с разделами, посвященными описанию движения в Хорватии и Славонии. Поэтому не совсем ясным остаются некоторые вопросы: существовали ли в Военной Границе, Далмации, Истрии какие-либо иллирийские общества и организации (в частности, кем устраивались национальные балы и празднества, на которые указывает автор на стр. 278), имел ли там иллиризм какие-либо идеологические отличия от иллиризма в Хорватии и Славонии и т. д.

Монография завершается четко написанным заключением, в котором подведены основные итоги исследования.

В книге Н. И. Лещиловской дана широкая, объективная картина развития иллиризма, ознакомление с которой принесет несомненную пользу каждому, кто захочет ближе познакомиться с этим интересным и сложным явлением в истории братских югославянских народов.

Н. В. Чуркина

держивали торговые и культурные связи со свободной Черногорией.

³ Тем более, что, по мнению автора, политическая линия Чарторыйского не была направлена против Австрии (стр. 176).

² Жители Бокв сохраняли ряд старых привилегий: освобождение от службы в австрийской армии, от прямого налога, свободу ношения оружия и т. д. Они под-

И. ЗАИМОВ. *Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на житейлските имена в българската топонимия.* София, 1967, 345 стр. + 17 карти.

И. ЗАИМОВ. *Заселение Балканского полуострова болгарскими славянами. Исследование житейлских имен в болгарской топонимии*

Заглавие книги И. Заимова состоит из двух частей. Первая указывает на цель исследования, вторая — на его объект. Этим объектом являются «жителиские имена», т. е. та часть болгарской топонимической номенклатуры, которая первоначально прилагалась к совокупности жителей данного поселения, а затем была распространена на самое поселение и в некоторых случаях даже на окрестные реки, местности и т. п. Заимов рассматривает «жителиские имена» славянского происхождения, существовавшие и существующие поныне в Болгарии и в некоторых областях соседних стран (Румынии, Албании, Греции, Югославии). Источником ему послужили топо-географические карты, списки местностей, турецкие реестры, грамоты болгарских и сербских царей и византийские памятники, преимущественно акты.

Основную часть книги составляют списки «жителиских имен», разделенных на несколько групп согласно избранным автором принципам; внутри каждой группы имена расположены по алфавиту (стр. 104—277). Пользоваться этими списками легко благодаря подробному индексу (стр. 291—340). В статьях списков указываются, помимо географической локализации селения, источники и литература вопроса, параллели и изредка этимология; несколько географических пунктов, носящих одинаковое или сходное название, включается в одну статью.

Перед составителем таких списков стоят две главнейшие трудности: достижение полноты отбора и выбор убедительных критериев отбора. Заимов имел таких предшественников, как М. Фасмер, и все-таки в его списках обнаруживаются некоторые лакуны, заполнить которые можно, по-видимому, лишь коллективным трудом.

Позволю себе указать (отнюдь не претендуя на полноту) несколько пропусков или погрешностей, вызванных недостаточной последовательным использованием греческих актов. Эта группа памятников, нужно подчеркнуть, содержит наиболее ранние и, следовательно, для поставленной Заимовым задачи наиболее выразительные сведения.

Стр. 104. Топоним Вобляни, согласно Заимову, встречается (автор дает ссылку на Фасмера) в документе 1394 г. На самом деле он упоминается уже в грамотах 1081 г. (Actes de Lavra. Paris, 1937, № 35—36. Эта публикация известна Заимову, она цитируется в другой связи; см. стр. 137, 144).

Стр. 113. Не следует ли добавить здесь топоним Вардена? См. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964, № 19, 1319 г.

Стр. 136. В связи с патронимом *Камениани* нужно добавить упоминание формы *Камена* в грамотах XIV в. (см. Actes de Kutlumus. Paris, 1945, № 11; Actes de Xéropotamou, № 10, 18).

Стр. 146. Следует добавить топоним Лестяни (см. Actes de Philothée. СПб., 1913, № 6, 1326 г.), засвидетельствованный также в форме Лестя (Actes de Zographou. СПб., 1907, № 26, 1327 г.).

Стр. 148. В связи с топонимами *Лозани*. *Лозена* отмечу также *Лозикий* (см, например, Actes de Chilander. СПб. 1911, № 30, 1419 г. О дате см. F. Dölger. Byzantinische Diplomatiek. Ettal, 1956. S. 96, Ansh. 37).

Стр. 153. В качестве первого упоминания греческой транскрипции Неволяни указана (со ссылкой на Фасмера) грамота 1344 г. Можно сослаться и на более ранние документы: Actes de Zographou, № 32, 1342 г. и особенно № 29, 1333 г.?

Стр. 161. К статье *Поляни* надо добавить селение Поляни в грамоте 1342 г. (Actes de Zographou, № 35). Епископ Полянны (Полянн) упоминают в актах начала XVI в. См. публикацию, вышедшую уже после книги Заимова: Actes de Dionysiou. Paris, 1968. № 43—44.

Стр. 193. В статье *Нивичани* наряду с формой *Нивица*, следует учесть греческую транскрипцию *Нивиста* (Actes de Kutlumus, № 18, 1338 г.).

Стр. 198. С топонимом *Горенци* не следует ли сопоставить греческую форму *Гурици*? (Actes de Philothée, № 6, 1326 г.).

Стр. 202. Следует добавить топоним *Влаци* (Actes de Xéporphon, СПб., 1903, № 11, 1338 г.).

Что касается критериев отбора, то следовательно балканской топонимии всегда стоит перед угрозой смешать славянские названия с неславянскими, прежде всего греческими. Вряд ли возможна выработка общих принципов отбора: по-видимому, вопрос следует решать в каждом отдельном случае. Сошлюсь на один пример. Топоним *Аморгани*, засвидетельствованный, по данным Заимова (стр. 104), только в собственно греческих областях (Аркадия, Этолия и др.), слишком близок к названию греческого острова *Аморг*, чтобы быть безоговорочно зачисленным в славянскую номенклатуру и произведенным от *море/моряне*.

Списки «жителиских имен» предварены в книге аналитической частью. Заимов предлагает грамматическую классифи-

кацию их (имена, оканчивающиеся на *-яне, -ане, -чане, -ци, -янци*), характеризует грамматические особенности, «жителейские имена» (особенно наличие или отсутствие эпитетического *л*), классифицирует имена по их семантике (имена, возникшие из географических терминов, связанные с названием почв и минералов, с растительным миром, животными и птицами, с ремеслами, земледелием, путями сообщения, укреплениями, наконец, с социальным статусом и религией). Особый параграф отведен именам типа *Загора*. В этой связи, по-видимому, целесообразно было бы затронуть группу имен, сохранившихся в балканской топонимике, имен, которые могут быть связаны со славянскими племенными названиями: в списках Заимова стоят такие топонимы, как *Склавене* (с характерным для греческого вставным *к'*) (стр. 169 и сл.), *Смолене* (стр. 170), *Кривци* (стр. 206), что может быть возведено к этношму *кривичи*, и т. п. В свете этого этимология Заимова, выводящего *Смолене* от слова *смола* или прилагательного от него па *-ъ*, представляется маловероятной.

После грамматических и семантических наблюдений Заимов переходит к трудной проблеме определения относительной древности разных типов «жителейских имен». Прямые сведения о времени существования топонимов немногочисленны (стр. 74—79). Может быть, можно надеяться расширить эти сведения за счет более интенсивного использования византийских источников. Помимо прямых свидетельств, Заимов считает надежным признаком древности образование имени от исчезнувшей или редкой основы (стр. 79—84), а, кроме того — «вторичное» приращение «жителейского имени» к водоему, местности и т. п. (стр. 84—87).

Монография И. Заимова — первая в Болгарии работа, в которой чисто исторические задачи решаются на основе анализа своеобразных топонимов «микротопонимического» происхождения. К сожалению, автор работы не мотивирует, почему при всей широте поставленных им задач он использует не весь топонимический материал, ограничиваясь несомненно узкими для решения исторических вопросов рамками только «жителейских имен». Несмотря на этот, по-видимому, сознательный отказ от всей совокупности топонимического материала, тщательный анализ кропотливо собранных воедино «жителейских имен», не может не вызвать чувства благодарности топонимистов автору работы.

Материал, собранный И. Заимовым, интересен также для сравнительной славянской топонимии, поскольку даже при поверхностном взгляде обнаруживается от-

Он считает также древними имена типа «Загора» и имена с эпитетическим *л*. На основании таких предпосылок Заимов приходит к выводу, что наиболее древними являются «жителейские имена» типа «Доляне», а также некоторые другие менее продуктивные типы, ареал распространения которых совпадает с ареалом имен типа «Доляне».

Топонимические наблюдения служат Заимову материалом для исторических заключений (стр. 99—103). Главный путь проникновения славян на Балканский полуостров¹ соответствует распространению имен типа «Доляне» — он проходил через бассейн реки Тимок. Второй путь шел, по-видимому, через Нижнюю Мезию, однако о нем свидетельствуют исторические и археологические памятники, а не топонимика. (Кстати сказать, этот разрыв между топонимикой, с одной стороны, и археологией и историей, с другой, заслуживал бы большего внимания, ибо он неминуемо порождает сложный вопрос о достоверности топонимического материала.) Здесь, в Нижней Мезии, полагает Заимов, сложился союз, известный под названием Семи племен. Славянский поток из долины Тимока двинулся в Македонию и дальше на юг, в Грецию. Один из наиболее интересных фактов, о котором, согласно Заимову, свидетельствует анализ «жителейских имен», — заселение Родопов. Они были заселены славянами, двигавшимися не с севера, а с юго-запада, из окрестностей Солуни.

¹ Об истории славянских вторжений подробно см.: В. Т ъ п к о в а - З а и м о в а. Нашествия и этнически процессы на Балканах през VI—VII в. София, 1966.

А. П. Каждан

сутствие однотипности в образовании подобных имен в различных славянских странах. Так, по свидетельству Заимова, в болгарских «жителейских именах» используются (без учета вариантов) всего три суффикса: *-иш-, -ян-, -ц-*; в русской топонимии такие же имена образуются значительно более разнообразно (ср., например, пос. *Соколяники, Текстильщики, Кадаши, г. Барановичи, дер. Петраки, хут. Хапры, Миглята, Сидоры* и др.).

В первой части своей работы И. Заимов устанавливает 12 типов «жителейских имен», последовательно прослеживая их происхождение, словообразование и распространение не только в Болгарии, но и за ее пределами. Каждый топонимический тип, с точки зрения автора, представляет собой определенное словообразовательное, а иногда и семантическое единство. Именно по этой причине последние, предложенные автором, четыре типа

(«Драгановци», «Кметовци», «Белотинци» и «Попинци», см. стр. 14—16) представляются нецелесообразным расщеплением одного и того же типа топонимов, объединенных и семантикой и способом образования с помощью вариантных суффиксов *-овци*, *-инци*, а также и общим их распространением (см. карты 7, 8, 9).

Помимо явных «жителейских имен» Й. Заимов рассматривает целый ряд имен, некогда бывших, по его мнению «жителейскими», но с течением времени подвергшихся дополнительной топонимизации или образовавших целый ряд производных (вторичных) имен, в результате чего «жителейская» сущность имени устанавливается значительно труднее. Подобные топонимы представляют чрезвычайный интерес для топонимистов и с историческим и с лингвистическим уклоном. Они содержат указания на исчезнувшие по тем или иным причинам древние места поселений, что существенно для историка, и открывают дополнительные возможности при этимологическом анализе, что важно для лингвиста.

Автор работы с полным основанием предупреждает о необходимости соблюдать осторожность при реконструкции первоначальных «жителейских» форм подобных имен. Однако иногда самому Й. Заимову трудно удержаться от соблазна желательной этимологии, как это показывают примеры в главах, посвященных, например, «редукции» форманта *-яне* (стр. 35—40), где встречаются топонимы скорее атрибутивного, нежели «жителейского» характера.

От подробного грамматического анализа топонимов Й. Заимов переходит к их традиционной семантической классификации, при которой каждый топоним рассматривается отвлеченно от его грамматической формы. При этом автор выделяет два различных по семантике топонимических класса: I—«имена, связанные с природой» и II—«имена, связанные с человеком». В свою очередь каждый из этих классов подразделяется на ряд групп, объединенных, по мысли автора, одним семантическим признаком.

В I классе топонимов автор насчитывает шесть групп имен: 1) возникшие из географических терминов; 2) имена, содержание которых связано с почвой и минералами; 3) возникшие по внешнему сходству с предметами; 4) связанные с растительностью (эта группа, в свою очередь, делится еще на две подгруппы); 5) связанные с дикими животными и птицами; 6) связанные с природными явлениями.

Во II классе топонимов выделяется десять групп имен: 1) отражающие народное хозяйство; 2) связанные с деятельностью человека; 3) связанные с поселенческими терминами; 4) связанные с дорогами; 5) связанные с укреплениями; 6) отражающие социальные отноше-

ния; 7) связанные с незначительными случаями; 8) связанные с религией; 9) образованные от этнонимов; 10) прочие.

Уже сами названия перечисленных 16 топонимических групп достаточно красноречиво говорят о том, что Й. Заимов устанавливает прямую, непосредственную связь между апеллятивами и топонимами. Несмотря на многие остроумные этимологические находки, излишне доверчивое отношение автора к апеллятиву приводит к тому, что выделенные Заимовым группы не всегда строги. Так, топонимы *Галеваца* (от *голина* 'безлесное место'), *Зъркле*, *Зъркленб* (от **зъркло* 'голая вершина'), образованные от местных географических терминов, находятся в соответствующей группе, а топонимы *Plesani*, *Плешанци* (от *пlesh* 'безлесное место') оказываются в группе с растительными ассоциациями (стр. 59, 60, 64). Именами терминологического происхождения являются многие топонимы, объединенные в группу «по внешнему признаку», и объясняемые автором по законам народной этимологии, например, *Млѣсѣлацѣ* от *блѣдо* 'блюдо'; *Венчан*, *Vinčan* от *венец*; *Котѣлаца*, *Котяне*, *Котелци* от *котел*; *Рожен*, *Ружяни* от *рог* и т. д. (стр. 63). Апеллятивы названных имен, а также такие апеллятивы, как *сога*, *пояс*, *клин* и многие другие, встречающиеся в книге Й. Заимова, широко известны как местные географические термины на большей части славянских территорий, в том числе на территории Македонии. О них уже существует большая топонимическая литература.

В группах топонимов, связанных, по мнению автора, с растительными и животными ассоциациями, сомнительна утверждаемая Заимовым непосредственная связь апеллятива с именем. В этих двух группах многие топонимы — или «переселенцы» с других территорий, или за ними скрыты древние славянские личные имена (*Буковичинци*, *Бобешино*, *Иване*, *Ежовци*, *Раковци* и др.).

В группах топонимов, связанных с человеком, с его хозяйственной деятельностью, социальными отношениями и т. д., наблюдается та же утверждаемая автором непосредственная соотнесенность между нарицательным и собственным именем. Так, в именную группу, связанную с понятиями хозяйства, попали названия сел *Котисавице*, *Кочан*, *Кобана*, *Котсавѣ*, *Sociana*, *Кочане*, *Кочани*, *Кочански дол*, *Кочанье*, *Кочене*, *Котсавѣ*, (от *котец*), *Соторани*, *Котарци*, *Кутурци* (от *котара*), *Кочан*, *Кочани*, *Соџани*, *Соџени*, *Кошино*, *Соџовени* (от **кош*), *Кашарани*, *Кошарне*, *Соџерени*, *Кошарчане* (от *кошара*). Й. Заимов понимает соответствующие апеллятивы как 'свинарник', 'овчарня', в то время как эти понятия, прежде чем превратились в собственное

имя, прошли определенный этап, когда они обозначали 'поселение, образовавшееся при хозяйственном дворе'. Об этом свидетельствует достаточно достоверно не только топонимия Украины и юга России, но и топонимия Болгарии, в которой сохранились подобные «промежуточные» имена, например, *Которанска махала*, *Кочане махале*.

Несмотря на отмеченные недостатки,

монография И. Заимова представляет большую научную и познавательную ценность. Благодаря строгому грамматическому анализу и серьезному вниманию к истории, автор достаточно точно датирует отдельные явления болгарского языка. Интересны также полученные им данные о заселении Балканского полуострова.

З. В. Рубцова

НОВАЯ РАБОТА ТОПОРОВСКОГО О ПУШКИНЕ

Эту книгу трудно читать без волнения — она написана с любовью к великому поэту.

Вот уже несколько десятилетий занимается Марьян Топоровский Пушкиным, во всех деталях изучает его трагически оборвавшуюся жизнь и творчество, публикует статьи и очерки, непревзойденные по полноте библиографические обзоры. И всегда, когда думаешь о Пушкине, с каким-то особенно теплым чувством вспоминаешь труды Топоровского — и не только потому, что они многочисленны и отличаются подлинно научной тщательностью и высочайшей компетентностью, а и потому, что все написанное Топоровским о Пушкине согрето истинным человеческим чувством.

Государственный издательский институт (PIW) в Варшаве недавно выпустил в серии «Библиотека поэзии и прозы» произведения Пушкина. К этому изданию Топоровский написал предисловие, а затем оно превратилось в книгу «Гений и царизм»¹ — новую книгу Топоровского о Пушкине, открывающуюся сценой последнего пути поэта, за гробом которого мчались только его друг Александр Тургенев и жандарм. Эпиграфом к этой сцене служит отрывок из «Бесов», многократно цитирующихся в книге и приобретающих характер зловещего символа.

Книга «Гений и царизм», задуманная как обширное предисловие к польскому изданию произведений Пушкина, ставит вопрос: «Кем же был человек, которого так боялся царизм даже после того, как гангстерский выстрел (в живот!) подонка, чей „подвиг“, видимо, детально описан в поныне неопубликованном дневнике другого подонка („отчима“), заставил поэта замертво рухнуть на снег у Черной речки?» Очень трудный, невероятно сложный вопрос. Но Топоровский в сжатой форме, начиная с первого раздела, где этот вопрос, по существу, уже ставится, отвечает

на него, прибегая и к той антитезе, которая сформулирована в заглавии книги.

Отличительной чертой книги следует признать ее пресходную документированность — произведения Пушкина, история их создания, дневники и письма поэта и его друзей, высказывания современников, даже рапорты тайных агентов III отделения (прежде всего, разумеется, Булгарина) — все это изучено Топоровским и свободно цитируется им по мере изложения истории гибели Пушкина и воссоздания его портрета как поэта и человека. Каковы же были причины смерти Пушкина? Топоровский считает, что даже в письме Геккерену, написанному за день до дуэли, содержится подтекст, позволяющий судить о ненависти Пушкина не столько к этому своднику и усыновленному им Дантесу, сколько к их коронованному покровителю, заглядывавшемуся на Наталью Николаевну. В книге Топоровского немало — правда, чрезвычайно осторожно сделанных — выпадов по адресу жены Пушкина, но все время чувствуешь, что выпады эти продиктованы безмерной любовью к поэту. Николай I, как указывает Топоровский, далеко не платонически относился к жене поэта, не наделенной ни сильным интеллектом, ни даже элементарными моральными достоинствами римской матроны и, по словам самого Пушкина, флиртовавшей со всем дипломатическим корпусом (стр. 143). И эти слова содержатся в письме, написанном в первые годы брачной жизни поэта!

Подбор писем Пушкина к жене, сделанный Топоровским, показывает, как душно было поэту в николаевской России. Но Топоровский показывает не только эту николаевскую Россию, а и пушкинскую эпоху во всей ее сложности. Центром этой эпохи, как справедливо считает автор книги, был сам Пушкин. И его судьба раскрывается в книге, которую по справедливости можно считать одним из самых примечательных достижений польского пушкиноведения, вот уже сто пятьдесят лет приближающего образ величайшего русского поэта к польскому народу.

¹ M. T o p o r o w s k i. Geniusz i caryzm. Państwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa, 1968.

Вокруг Пушкина были не только бенкендорфы и бибиковы, но и люди высочайшего благородства, подобные той,

...с которой образован
Татьяны милый идеал.

Не будем спорить с Топоровским относительно того, действительно ли была Мария Раевская этим «милым идеалом» (стр. 17—20). Отметим, что и другие благороднейшие персонажи появляются на страницах книги Топоровского, упомянувшего многих декабристов и людей, разделявших их убеждения, а также события на Сенатской площади, о которых поэт узнал в Михайловском.

Топоровский пишет также о встречах с Мицкевичем, подчеркивая, что большинство высказываний Пушкина о его польском собрате относится к 1830—1835 гг., т. е. к тем годам, когда Мицкевича уже не было в России. Но Пушкин продолжал думать о нем, переводил его произведения. Автор книги называет и другие имена польских писателей, близких Пушкину, — к числу его любимых авторов Топоровский вполне обоснованно относит Яна Потоцкого (стр. 111—112). Имя Юзефа Олешкевича, упоминаемого в «Дзядях» Мицкевича и в авторских примечаниях к «Медному всаднику», приведено Топоровским в эпитафье, предпосланной главе, посвященной этому величайшему творению Пушкина. Глава эта принадлежит, бесспорно, к числу лучших в работе Топоровского.

Думается, что наряду с этим следовало бы упомянуть историка Николая Малиновского, польских художников, с которыми встречался и дружил Пушкин, и, конечно, «царицу звуков» — Марию Шимановскую, так сердечно принимавшую на своих музыкальных утренниках Пушкина и Глинку, Вяземского и Крылова, Грибоедова и многих других русских друзей.

Польский исследователь, очень тонко сопоставляя образы творчества Пушкина с его жизнью, справедливо указывает, что далеко еще не все изучено в биографии поэта. Судя по всему, Топоровский в период подпisyвания книги к печати еще не был знаком с недавно появившимся вторым томом каштальной монографии Д. Д. Благого о Пушкине, которая содержит много нового и опровергает ошибочные утверждения некоторых авторов.

Книга Топоровского — подлинное украшение обширной польской пушкинианы, краеугольным камнем которой был, бесспорно, некролог Мицкевича, подписанный, как известно, «Друг Пушкина». На стр. 189 перечислены имена польских поэтов, в переводах которых даны в книге стихи Пушкина. Как автора книги, так и этих поэтов мы также вправе назвать друзьями Пушкина, а следовательно, друзьями нашей культуры, возведенной его именем.

Игорь Балза

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1969 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Безопасность Европы. (В связи с обращением Будапештского совещания Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского договора) «Новое время», 1969, № 13.

Ендриховский С. О советско-польских отношениях. «Новое время», 1969, № 9.

За прочную систему безопасности. (Изложение выступления И. Башева в Народном собрании НРБ о внешней политике страны.) «Правда», 1969, 10 апреля.

Из Коммюнике Совещания Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского договора. «Новое время», 1969, № 12.

Карагезьян К., Ковалев И., Ратани Н. Под флагом «холодной войны». (Использование западной пропагандой экономических и политических трудностей в Чехословакии.) «За рубежом», 1969, № 16.

Коммюнике о заседаниях Комиссии по подготовке Международного совещания коммунистических и рабочих партий (Москва, 18—22 марта 1969 г.). «Правда», 1969, 23 марта.

Коммюнике Совещания Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского Договора (Будапешт, 17 марта 1969 г.). «Правда», 1969, 18 марта.

Обращение государств — участников Варшавского Договора ко всем европейским странам. «Новое время», 1969, № 12.

Смирнов В. В. И. Ленин и мировая система социализма. «Пограничник», 1969, № 4.

Трофимова И. Взаимопонимание София — Вена. (В связи с визитом Т. Живкова в Вену 14—18 апреля 1969 г.). «Новое время», 1969, № 17.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Баковецкий О. Некоторые вопросы совершенствования организационных форм экономического сотрудничества социалистических стран. Научн. докл. высш. школы, Экон. науки, 1969, № 4.

Большов В., Газизуллин Ф. Экономическое развитие мировой системы социализма. «Коммунист Татарии», 1969, № 4.

Васильев П. Равноправие, взаимная выгода. (Данные о советско-чехословацкой торговле). Экон. газета, 1969, № 11.

Волгов Д. Идея великого Лещина в действии. (Об осуществлении аграрной реформы и кооперативном движении в Болгарии). Экономика сел. хоз-ва, 1969, № 4.

Гердович Г., Тарновский О. Плата за производственные фонды в европейских странах — членах СЭВ. «Вопросы экономики», 1969, № 4.

Губанова И. А. Характер связей между промышленностью и внутренней торговлей в ЧССР. «Экономика и организация материально-технического снабжения», 1969, № 1.

Даньшина В., Кайе В. Экономическое сотрудничество Чехословакии с Советским Союзом. «Вопросы экономики», 1969, № 4.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1969, № 1.

Кажинская Е. Н., Сергеев В. П. Сотрудничество стран — членов СЭВ и его буржуазные критики. «Новая и новейшая история», 1969, № 2.

Кобзарь Э. Факторы повышения рентабельности сельскохозяйственного производства в странах — членах СЭВ. Экономика сел. хоз-ва. 1969, № 3.

Коммюнике о двенадцатом заседании Постоянной комиссии Совета Экономической Взаимопомощи по статистике (Братислава, 22—25 апреля 1969 г.). Экон. газета, 1969, № 19.

Коммюнике о XXIII специальной сессии Совета Экономической Взаимопомощи. Экон. газета, 1969, № 18.

Кудрявцев А. Валютные системы социализма и капитализма. «Деньги и кредит», 1969, № 2.

Кулигин П. Совершенствование ценообразования в условиях экономических реформ. Научн. докл. высш. школы, Экон. науки, 1969, № 4.

Кульчицкий Г. Страны СЭВ в 1968 году. Междунар. жизнь, 1969, № 5.

Лесечко М. Международное социалистическое разделение труда и укрепление материально-технической базы стран — членов СЭВ. Экон. газета, 1969, № 17.

Лесечко М. Международное социалистическое разделение труда и научно-технический прогресс. Экон. газета, 1969, № 10.

Малюгин В., Чекмазова В. Планирование и управление строительной организацией. (О симпозиуме, созванном Постоянной комиссией СЭВ по строительству. Лейпциг, 1968). «Экономика строительства», 1969, № 4.

Методы изучения спроса и определения потребностей в материальных ресурсах. Экономика и организация материально-техн. снабжения, 1969, № 1.

Миккульский Р. Экономика стран социализма — проблемы эффективности. Междунар. жизнь, 1969, № 3.

Одесс В. И. Влияние кредита на отношения между поставщиками и потребителями в условиях новой системы управления. Экономика и организация материально-техн. снабжения, 1969, № 1.

Плановое хозяйство развивается. (Руководители государственных органов планирования ПНР, СРР и ЧССР об итогах развития в 1968 г. и перспективах на 1969 г.). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1969, № 4.

Прежний опыт и новые горизонты. Экономическое сотрудничество Чехословакии и Советского Союза. «Новое время», 1969, № 9.

Проценко О. Д. Изучение потребности в средствах производства при перспективном планировании. Экономика и организация материально-техн. снабжения, 1969, № 1.

Путь сотрудничества — путь прогресса. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1969, № 3.

Развитие народного хозяйства стран — членов СЭВ. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1969, № 1.

Рексис В. Э. Методы статистического определения потребностей в ЧССР. Экономика и организация материально-техн. снабжения, 1969, № 1.

Русенов М. СЭВ и экономическое развитие Болгарии. Экон. газета, 1969, № 15.

Сергеев Н. Страны СЭВ и арабский мир. Междунар. жизнь, 1969, № 5.

Скородумова А. И. Экономические отношения ЧССР с развивающимися странами. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1969, 22 марта, № 35.

Тарновский О. Ценообразование на мировом социалистическом рынке. «Деньги и кредит», 1969, № 4.

Тренина С. Л. Исследование потребности населения в текстильных товарах и обуви с целью долгосрочных прогнозов. Экономика и организация материально-техн. снабжения, 1969, № 1.

Тренина С. П. Основы определения потребности в средствах производства в ПНР. Экономика и организация материально-техн. снабжения, 1969, № 1.

Углубление сотрудничества (Коммюнике о 39-м заседании Исполкома СЭВ в Москве 9—10 апреля 1969 г.). «Правда» 1969, 12 апреля.

Холевицка - Гожьджик Г. С помощью экономических инструментов. (О системе стимулирования производства в ПНР.) Экон. газета, 1969, № 11.

Чижек К. Основные проблемы экономических реформ в социалистических странах. Экон. реформы в соц. странах Европы. М., 1969, вып. 6.

Чижек К. Реализация плана и директивные показатели. Экон. реформы в соц. странах Европы. М., 1969, вып. 6.

Чижек К. Формы отчислений и распределение доходов предприятий. Экон. реформы в соц. странах Европы. М., 1969, вып. 6.

Чижек К. Цены и финансы предприятий. Экон. реформы в соц. странах Европы. М., 1969, вып. 6.

Экономическое сотрудничество стран—членов СЭВ. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1969, № 1.

3. Партийная жизнь

А. Д. Решения V съезда ПОРП — в жизнь (О воеводских отчетно-выборных конференциях в Польше в январе-феврале 1969 г.). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1969, № 4.

Билик В. Социалистический интернационализм — принцип международной деятельности Коммунистической партии Чехословакии. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1969, № 3.

Гомулка В. Твердый курс партии, «Правда», 1969, 17 апреля.

Гусак Г. Выступление Г. Гусака. «Правда», 1969, 18 апреля.

Гусак Г. Заключительное слово Г. Гусака на пленуме ЦК КПЧ. «Правда», 1969, 20 апреля.

Заседание Президиума ЦК КПЧ. «Правда», 1969, 4 апреля.

Заседание Президиума ЦК КПЧ. «Правда», 1969, 10 апреля.

Коммюнике о пленуме ЦК КПЧ «Правда», 1969, 19 апреля.

Обращение ЦК КПЧ. «Правда», 1969, 19 апреля.

Пин А. Польша: съезд Демократической партии. (Варшава, февраль 1969 г.), «Новое время», 1969, № 10.

Пин А. Польша: съезд Объединенной крестьянской партии. (Варшава, март 1969 г.) «Новое время», 1969, № 15.

Пленум ЦК КПЧ. «Правда», 1969, 18 апреля.

Пленум ЦК ПОРП. «Правда», 1969, 6 апреля.

Пленум ЦК компартии Словакии. «Правда», 1969, 14 марта.

Постановление пленума ЦК КПЧ. «Правда», 1969, 20 апреля.

Свобода Л. Выступление Л. Свободы. «Правда», 1969, 18 апреля.

4. Государственное строительство и право

Богуславский М. М. Взаимная охрана авторских прав и сотрудничество стран социализма. Сов. гос-во и право, 1969, № 3.

Владова Н. В. Материальная ответственность по законодательству зарубежных европейских социалистических стран. Труд и зар. плата, 1969, № 1.

Гревцова Т. П. Коллизионные нормы в морском праве ГДР, НРБ, ЧССР. Мор. право и практика, 1969, № 41.

Динева М., Манолов В. Выборочный контроль результатов переписи населения в Болгарии. Вестн. статистики, 1969, № 3.

Евгеньев Д., Жаров В. Новое государственно-правовое устройство ЧССР. Междунар. жизнь, 1969, № 3.

Жарков П. Борьба за нормализацию в Чехословакии. «Новое время», 1969, № 15.

Жарков П. На пути к нормализации положения в Чехословакии. «Новое время», 1969, № 17.

Маевский В. О друзьях и лжедрузьях. (Зарубежная печать о событиях в Чехословакии в августе 1968 г.), «Журналист», 1969, № 3.

Полиховский Ч. Расследование в Польше гитлеровских военных преступников. «Новое время», 1969, № 15.

Тодоров С. За построение развитого социалистического общества. «Правда», 1969, 14 апреля.

Турецкий М. В. Отношения между государством и церковью в Польской Народной Республике. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1969, № 2.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Андронов И. Пропавший архив. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. (О розысках польского архива В. И. Ленина), «Новое время», 1969, № 10—11.

Бернацек Т. В. Борец за народную волю. (К 75-летию со дня рождения Иосипа Скрипи). Укр. іст. журн., 1969, № 3.

Валев Л. Б., Гришина Р. П., Никитин С. А. Обзор журнала

«Исторически преглед». «Вопросы истории», 1969, № 3.

В а с и л е в с к и й А. Восточно-Прусская операция. Воен.-ист. журнал, 1969, № 3.

Г р и г о р ь е в С. Г. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на подъем революционного движения в болгарской армии (1917—1918 гг.). Уч. зап. Дальневост. гос. ун-та, Владивосток, 1968, т. 18.

Д е л е г а н М. Деяки особливості каталогізації документальних матеріалів дорадянського періоду на Закарпатті. «Архіви України», 1969, № 1.

Д я д ь к и н В. Г. Из истории борьбы Болгарской компартии за единый антифашистский народный фронт в 1923 году. Уч. зап. Северо-Осет. гос. пед. ин-та, Орджоникидзе, 1968, т. 28, вып. 2.

Е р м о л а е в а Р. А. О выступлениях В. И. Ленина на митинге Варшавского красного полка (1 августа 1918 г.). «Вопросы истории КПСС», 1969, № 3.

З а б і л ь к С. У. КПЗУ на чолі революційного руху західноукраїнських трудящих у 1934—1938 рр. Укр. іст. журн., 1969, № 2.

З а й ц е в В. В. До експансії Англії в балканські країни наприкінці XIX—на початку XX ст. Укр. іст. журн., 1969, № 2.

З а х а р ч и ш и н а П. Писарі й архівісти земських та городських канцелярій на західно-українських землях в XV—XVIII ст. «Архіви України», 1969, № 1.

Н е в о л и н а В. С., Я ж б о р о в с к а я И. С. Коминтерн и формирование стратегии и тактики компартии Польши. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 4.

Новые документы Коминтерна. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 4.

Под знаменем интернационализма. 50 лет со дня провозглашения Венгерской Советской Республики. «Правда», 1969, 21 марта.

Подготовительные материалы к VII конгрессу Коминтерна. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 4.

С а л и н М. А. Масарикизм — идеология чешской буржуазии. Научн. доклады высш. школы. Филос. науки, 1969, № 2.

С е р е б р я н н и к о в В. В. З історії зв'язків Червонопрапорного Київського військового округу за арміями країн соціалістичної співдружності (До 50-річчя КВВ). Укр. іст. журн., 1969, № 3.

С и з о н е н к о Г. Участь «Сельробу» в організації допомоги жертвам повені 1927 року на Підкарпатті і Покутті. «Архіви України», 1969, № 1.

С л а в и н Г. М., С у м а р о к о в а М. М. Из истории образования Коммунистической партии Югославии. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 4.

Черниш И. Д., Добрецова В. В. Про боротьбу КПЗУ за пролетарський інтернаціоналізм. 1929—1933 рр. Укр. іст. журн., 1969, № 3.

Яковлев Н. Н. Русская помощь освобожденной Болгарии в 1877—1878 гг. Уч. зап. Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1969, вып. 60.

2. К у л ь т у р а и н а у к а

Болгарский художник Георгий Пенчев. Иностр. лит-ра, 1969, № 4.

Б р о м л е й Ю. В., К а ш у б а М. С. Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии. Сов. этнография, 1969, № 1.

Б у х а л о Г. В. Стаіслав Ворцель. Укр. іст. журн., 1969, № 3.

Г е ш е в Ч. Болгарский экран и современность. «Искусство кино», 1969, № 2.

Г о р д и н а Е. Самая популярная. (Об опере Якова Готовца «Эроу того света»). Сов. музыка, 1969, № 2.

Д р у м е в а К. Путь к зрелости. Сов. музыка, 1969, № 3.

Е р м и л о в А. П. Полемика Юлиана Мархлевского с декадентами. Научн. доклады высш. школы. Филос. науки, 1969, № 2.

Е ф и м о в а А. Н., М а т в е е в а Г. В. VI Всеполюский съезд библиотечных работников. (Варшава, 12—14 февраля 1968 г.). В сб. Библиотечное дело и библиография за рубежом. Вып. 28. М., 1969.

К а л а й д ж и е в а К. Проблемы современной Национальной библиотеки в области обслуживания науки и техники. В кн. Библиотечное дело и библиография за рубежом. Вып. 28, М., 1969.

К и с е л е в И. Н. Развитие сотрудничества с болгарскими учеными. «Вестник АН СССР», 1969, № 2.

П е н е в В. Проблемы современного жилого интерьера в Болгарии. Жил. строительство, 1969, № 2.

П и о т р о в с к а я А. О гражданской ответственности писателя. (Обзор предсъездовской дискуссии польских писателей.) Иностр. лит-ра, 1969, № 3.

Р а ж е в а В. Главная тема — народ (О творчестве чешского композитора Э. Сухона). Сов. музыка, 1969, № 4.

Р а к о в с к и й С. Н. Урбанизация в зарубежных социалистических странах Европы. «География в школе», 1969, № 2.

С т о я н о в и ч Д. Прикладное искусство Югославии. (О выставке в Москве осенью 1969 г.) «Декоративное искусство СССР», 1969, № 2.

С у в о р о в Л. Н., Я д о в В. А., Г р е ц к и й М. Н. Совецание представителей философских и социологических журналов европейских социалистических стран в Польше. (Яблонна, октябрь 1968). Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1969, № 2.

Тарасова М. В поисках истины. (Беседа с Э. Станевым). Иностранная литература, 1969, № 4.

Ташев П. Архитектура Софии. «Архитектура СССР», 1969, № 4.

Тюнькин, К. И. Литературоведческая тематика на VI Международном съезде славистов. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1969, № 2.

Холодина З. М. Лирическая поэзия Ю. Тувима в переводах А. Ахматовой. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1969, № 2.

IV рабочее совещание центров библиотковедения и методической работы библиотек социалистических стран. (Москва. 26—28 июня 1968 г.) В сб. Библиотковедение и библиография за рубежом. Вып. 28. М., 1969.

Шахова Л. Г. Роман Е. Станева «Иван Кондарев» в болгарской критике. Уч. зап. Ульяновского гос. пед. ин-та, т. 21. Вопросы истории литературы, ч. I, вып. 2.

Ястребова Н. Болгарская драматургия в дороге. «Театр», 1969, № 2.

3. Языкознание

Білодід І. К. Внесок українських учених у світову славистику. (Підсумки VI Міжнародного конгресу славистів.) Укр. іст. журн., 1969, № 2.

Влахов С. Некоторые вопросы болгарской транскрипции русских имен. В кн. Международный методический семинар преподавателей русского языка

стран социализма, 8-й и 9-й. Москва, 1965 и 1966. Материалы. М., 1969.

Горшкова К. В. Фонологические и морфологические проблемы на VI Международном конгрессе славистов. (Прага, 7—13 августа 1968 г.), Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1969, № 2.

Копыленко М. М. Опыт сопоставительного изучения фразеологических единиц типа *дать совет* в славянских языках. «Вопросы языкознания», 1969, № 2.

Мартынова Г. А. Об издании словарей в славянских социалистических странах. «Издательское дело. Книговедение», 1968, № 2.

Мещерский Н. А., Дмитриев П. А. Русское и славянское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете за 150 лет. (1819—1969). Вестн. Ленингр. ун-та, 1969, № 2. История. Язык. Лит-ра, вып. 1.

Нормап Б. Ю. Объектные отношения болгарского глагола. Вестн. Беларус. дзярж. ун-та, Філалогія, журналістыка, Мінск, 1969, № 1.

Радзиховская В. К. О различиях словообразовательных структур семантически соотносимых прилагательных русского и польского языков. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1969, № 326. Вопросы языкознания в рус. яз., ч. I.

Стойков С. Состояние и задачи болгарской диалектологии. «Вопросы языкознания», 1969, № 2.

Чабаненко В. А. Йозеф Добровський. «Мовознавство», 1969, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1968, № 6

Е. Каранфилов. Проблема патристизма и современная болгарская беллетристика; С. Божков. Христо Смирненски и эстетика модернизма; В. Колевски. С критического к социалистическому реализму; Е. Димитрова. Некоторые черты мастерства Христо Смирненского; В. Ивановна. Общественная и партийная деятельность Смирненского; Х. Дудевски. Первые поэтические отзывы об Октябре. Христо Смирненски и его предшественники.

1969, № 1

Д. С. Лихачев. Древнеславянские литературы как система; И. Славов. Историческая судьба эстетического наследия Карла Маркса; Е. Константинова. В мире ужасов и кошмаров (Творчество Георгия Рай-

чева после первой мировой войны); Р. Димчева. Добри Чинтулов и развитие жанров в болгарской литературе; М. Василев. Образ повествования в современном болгарском рассказе; Е. Димитрова. Ст. Л. Костов; Л. Цветков. Тайна Тургенева; Ж. Авджиев. По следам болгарских писателей во Франции.

Български език, 1969, № 1

С. П. Василев. Язык и художественная образность у Й. Йовкова; Л. Андрейчин. Специфические моменты и особенности формирования современного болгарского литературного языка; М. Деянова. О хронологии пересказывательных форм в болгарском языке; Х. Холиолчев. К вопросу о выпадении конечных *-и* и *-у* в болгарских говорах; Р. Бернар. О смысле и происхождении формы *сури се*, употребленной Иваном Вазовым; К. М. Кувев. Новый список Слова о пасхе Климен-

та; Р. Русев. Язык «Янычар» в переводе Богорова; Б. Симеонов. О происхождении названия *грѣк* в болгарском языке.

Язык и литература, 1969, № 1

С. Стефанов. Система обособленных частей речи в болгарском литературном языке; Л. Назарова. Традиции И. С. Тургенева в русской прозе XX века; С. Стойков. К болгарской диалектной лексикологии; А. П. Цивин. Типология именного пафтизма в славянских языках; Л. Маринов. Традиции и новаторство в поэзии В. Броневского; В. Велчев. К вопросу о концепции В. Г. Белинского поэмы Лермонтова «Демон»; И. Васева. О своеобразии языка и стиля А. Платонова; М. Бочева. Евгений Онегин или Татьяна Ларина?; К. Кувев. Неизвестные стихи Азбучной молитвы.

«Z. pola walki», 1969, № 1

В. Топорович. Основание Коммунистического Интернационала (к 50-летию «билею»); Б. Радляк. Состояние исследований в области истории СДКПиЛ; Г. Малиновский. Заметки об историографии КПП. Г. Ващ. Проблемы истории венгерского рабочего движения (из опыта работы над очерком истории партии); С. Кальянский. О проблемах истории польского рабочего движения до 1918 г.; М. Турлейска. Некоторые методологические проблемы; Б. Плеснярский. В свете исследований программы и просветительно-воспитательной деятельности ШПР в период гитлеровской оккупации; Ф. Тых. Письма Розы Люксембург Францу Мерингу; М. Черных. Юлиан Мархлевский о восстановленном польском государстве; А. Коханский. Автобиография Леона Пурмана.

«Kwartalnik Historyczny», 1969, № 2

Э. Дурачинский. Национальное единство и политическая мысль подпольной Польши (воспоминания и замечания); З. Ландау. Темпы развития экономики Народной Польши; Я. Калининский. Влияние рынка на бытовые условия населения, июль 1946 — декабрь 1948 гг.; К. Керстен. Преобразования в национальной структуре Польши после второй мировой войны (Генезис и результаты); З. Лисса. Музыка, как фактор национальной интеграции; Р. Врочинский. Начальная школа к 50-летию независимости. Г. Шарота. Парижская печать о Польше в 1945—1948 гг.; О нуждах и перспективах польских наук в прошлом; А. Закшевский. Новейшая история на страницах политических и литературных журналов в 1968 г.

«Pamiętnik Literacki», 1969, № 1

Л. Эустахович. Античная тема в творчестве Выспянского на сравнительном фоне; Э. Мёдоньска. О композиции драматического пространства в «Легионе» Выспянского; С. Заберовский. Вводные замечания к «Свадьбе»; А. Лемпцкая. Гений и Конрад; Я. Новаковский. История и миф в болеславских драмах Выспянского; Я. Кульчикова-Салони. Выспянский в оценке позитивистов; Л. Пшеловская. О явлениях празыка в литературном произведении; Е. Стжетельский. Два сонета — два рода стиля; С. Фурмапик. Над «облаком» и «тучей»; К. Никко. «Czuje posu» или «cafe posu»? (Два варианта в изданиях «Музы» Кохановского); К. Гурский. Продолжение полемики о гипотезе Калленбаха; Т. Янушевский. Семейная корреспонденция Казимежа Тетмайера.

«Język Polski», 1969, № 1

С. Урбаньчик. Юбилей преподавательской деятельности профессора Клеменевича; С. Ядловский. О «перпендикулярной», «горизонтальной» и нулевой пунктуации; А. Калковска. Конструкции типа *chłop w chłop*; М. Карась. Об изменении согласных *šN* || *šN'* (*rucznic* || *соврем. rusznica*); М. Куцала. Об использовании некоторых диалектных особенностей при обучении орфографии; В. Курашкевич. От слов *szata, płat* к *szmata, szmat*; А. Обрембская-Яблоньская. Замечания о месте частицы *vy* в языке прессы; Е. Островская. О новом прочтении стихотворения о святом Алексее; В. Писарек. Существительные в газетных репортажах и сообщениях; К. Писаркова. Об образовании некоторых словосочетаний с местоимением; С. Роспанд. О лексикографии топонимических названий; Я. Сафаревич. Латинские личные имена на *-ius* в польском языке; Г. Сафаревичова. Древнепольское *otkać* (Из заметок к Словарю древнепольского языка); Ф. Славский. Др.-польск. *nasób*; В. Ташицкий. Прилагательное *uni-kalny*; Я. Гвардзикова. Предложения типа *zbudzi się, aby zasnąć, zbudzi się, aby westchnąć*; А. Заремба. Существительные типа *ojo serco* в силезских говорах.

«Československý časopis historický», 1969, № 2

М. Кукликова. Сплочение народов в борьбе за мир. (Политические проблемы движения за мир в Чехословакии во 2-й половине 30-х годов); Т. Пасак. Вступление немецких войск на чешскую

землю в 1939 г.; О. Добры. О действительной картине экономики домюнхенской республики.

«Historicky časopis», 1968, № 4

М. Вывилова. Новейшие сведения о Словаре Бернцолака и его предисловии от 1796 и 1825 гг.; М. Кочи. Заработная плата рабочих в Венгрии и главным образом в Словакии на рубеже XIX и XX вв.; С. Пиксова. Буржуазно-демократическая революция 1848—1849 гг. и проблемы румынско-венгерского сотрудничества; Я. Тибецкий. Заметки Михаила Куниша о распространении венгерского языка и мадьяризации в Венгрии; А. Стойкович. Идеология «Молодой Босны».

«Slovanský přehled», 1969, № 2

И. Мазурек. Традиции чехословацко-румынской дружбы; Л. Бойа. Два посещения. Румыны в Праге и словаки в Бухаресте. (1891 и 1895 гг.); Г. Герман. Румыния в чешской рабочей печати 1907—1914 гг. З. Конечны. Университет им. Масарика и румыны (до 1939 г.); И. Колейка. Наши сведения о Румынии в 1945—1948 гг.; М. ТеЙхман. Румынские реабили-

тации. В. Штястны. Масарик и чешское руссофильство.

«Slovenská literatúra», 1969, № 1

М. Гафрик. Мартин Разус и мировая война; М. Григар. Динамическое напряжение литературных и внелитературных явлений; А. Шебестова. К поэтике лиризованной прозы Ондревева; М. Вывилова. Вопросы техники стиха в «Аналах» Амбросия 1793 г.; Я. Брезина. О неизвестном стихотворении П. О. Гвездослава.

«Česka literatura», 1969, № 1, 2

К. Гаузенблас. Коротко на тему «тема»; Я. Колар. К истокам чешской ренессансной прозы; Л. Долежел. Композиция «Лабиринта мира и рая сердца» Я. А. Коменского; Ф. Свейковски. Три раза мотив морской бури (Префат — Коменский — Бридел); В. Штепанек. Источники новочешской художественной прозы; М. Ржежкова. К характеристике действующих лиц у А. В. Шмидовского; Я. Яначек. Поэтизация в идиллической эпопее Й. Голечка; М. Червенка. Тематические линии в прозе О. Бржезины; Р. Пытлик. «Обращения» и игры Веры Лингартовой.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Военно-исторический институт Министерства национальной обороны ПНР, основанный более 20 лет назад, после нескольких структурных реорганизаций и особенно после некоторых изменений в 1968—1969 гг. в профиле его научных исследований в настоящее время окончательно сформировался. Он выполняет ряд важных заданий в масштабе армии и страны как специальное научное учреждение и важное звено идеологического фронта.

Институт занимается изучением истории войн, армии и военного искусства. Военно-исторические исследования ведутся в тесной связи с изучением политической и социально-экономической истории. В научной деятельности Института учитываются также особо важные с точки зрения интересов страны проблемы мировой военной истории.

Руководствуясь положением марксистской идеологии о том, что исторический процесс представляет собой интегральное целое, Институт изучает военную историю не только новейшего периода, но и прежних времен. Однако имея в виду большое практическое и идейно-политическое значение новейшей и современной истории, Институт сосредоточивает свое внимание на последнем пятидесятилетии, в особенности на исследовании проблем истории второй мировой войны и послевоенных лет вплоть до сегодняшнего дня. В одном из последних документов, определяющих направление работы Института, указывается, что «особенной чертой Военно-исторического института, отличающей его от других польских институтов и научных исторических учреждений, является максимальное внимание к современной истории, текущему моменту, постоянное приспособление (модификация и расширение) программы научных исследований к происходящим событиям в области военной истории, наиболее быстрая и гибкая реакция на эти события. Стремление осветить современные аспекты военной истории выдвигает и будет выдвигать ряд новых методологи-

ческих и научных проблем, которые Институт должен решить».

Научная деятельность Института основывается на теоретических и идеологических принципах марксизма-ленинизма, на идеях борющегося рабочего класса, социализма и прогресса. Институт стремится творчески применить марксистскую научную теорию в области изучения военной истории. Его задачей является реализация на своем участке деятельности директив руководящей политической силы нашего народа — Польской объединенной рабочей партии. Деятельность Института определяется интересами обороноспособности страны и оборонительного союза социалистических стран — Варшавского договора, важным звеном которого является Польша. В научной деятельности Института идеи социализма органически связаны с патриотизмом и интернационализмом, с интересами сотрудничества социалистических стран в целом, с делом борьбы за национальное и социальное освобождение во всем мире.

В Институте работают научные сотрудники, имеющие соответствующую квалификацию и большой опыт. В настоящее время в Институте работает экстраординарный профессор, два доцента, а также значительное число докторов наук. Остальные сотрудники имеют степень магистров и дипломированных офицеров.

Научные достижения Института весьма значительны. Исследовательская деятельность расширилась постепенно, по мере развития Института.

В 1948 г. вышла первая и единственная в этом году работа Института. В последующие годы количество изданий последовательно возрастало. До конца 1968 г. было выпущено 229 книг, сборников и других изданий, в том числе 176 по военной истории новейшего времени и 53 по истории прошлых времен.

В результате проведенных исследований по истории народного Войска Польского, являющихся одним из главных на-

правлений научной деятельности Института, опубликовано несколько десятков монографий, в которых анализируется процесс создания и развития вооруженных сил народной Польши и их боевые действия в 1943—1945 гг. Этому вопросу посвящены работы о формировании и развертывании 1-й и 2-й армий Войска Польского¹, очерки нескольких соединений народной армии², научно-популярные работы о некоторых родах войск³, а также исследования и сборники материалов, характеризующие участие польского народного государства в войне против фашистской Германии.

Большинство работ по истории народных вооруженных сил касается действий Войска Польского в 1944—1945 гг.⁴. К достижениям в этой области следует отнести монографии и научно-популярные работы, освещающие отдельные операции и сражения народной армии, боевой вклад польского солдата в дело победы над гитлеровской Германией⁵. Во всех рабо-

тах не только показываются боевые операции Войска Польского, мужество, боевые качества его солдат, но и раскрывается процесс формирования и укрепления польско-советского братства по оружию в войне против общего врага. По проблеме братства по оружию с Советской Армией, ее истории, а особенно ее роли в деле освобождения Польши в 1944—1945 гг. посвящен ряд специальных книг и статей⁶.

Wału Pomorskiego. Warszawa, 1958; St. S z u l c z y ń s k i. Bitwa pod Lenino. Warszawa, 1958; K. K a c z m a r e k. W bojach przez Brandenburgię, Działania 1 AWP w kwietniu i maju 1945. Warszawa, 1958; Ero же. W bojach przez Łużyce. Na drezdeńskim kierunku operacyjnym. Warszawa, 1965; St. G a ć. Udział 2 armii WP w operacji praskiej. Warszawa, 1962; E. J a d z i a k. Wyzwolenie Pomorza. Działania 1 armii WP w operacji pomorskiej Armii Radzieckiej 6 III—7 IV 1945. Warszawa, 1962; J. M a r g u l e s. Przyczółki warszawskie. Warszawa, 1962; K. S o b c z a k. Wyzwolenie Warszawy. Styczeń 1945. Warszawa, 1964; R. D z i p a n o w. 1 armia WP w bitwie o Wał Pomorski. Warszawa, 1965; A. K a r p i ń s k i. Pod Dąblinem, Puławami i Warką. Warszawa, 1967.

⁶ T. R a w s k i. Wyzwolenie polskich ziem nadbałtyckich przez Armię Radziecką i ludowe Wojsko Polskie. «Przegląd Historyczny», t. 45, 1954, z. 2/3; Ero же. Wyzwolenie Śląska Opolskiego przez Armię Radziecką (Marzec 1945 r.). «Myśl Wojskowa», 1955, № 3; Ero же. Ofensywa wyzwolenicza. «Wojsko Ludowe», 1965, № 1; Ero же. Wyzwolenie Ziemi Zachodnich przez wojska radzieckie i polskie. «Ziemie Zachodnie w granicach Macierzy. Drogi integracji», Poznań, 1966; M. W r z o s e k. Przyczynek do dziejów 1 Rewolucyjnego Pułku Polskiego. «Przegląd Historyczny», 1957, № 4; Z. S t a p o r. Armia Radziecka w latach 1918—1920. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1958, № 1; Ero же. Ofensywa zimowa Armii Radzieckiej w 1945. «Wojsko Ludowe», 1960, № 1; Ero же. Operacja berlińska Armii Radzieckiej i udział w niej Wojska Polskiego. WPH, 1965, № 1/2; Ero же. Militarno-polityczne problemy wyzwolenia Ziemi Zachodnich i Północnych w końcowej fazie II wojny światowej. «Życie i Myśl», 1968, № 10; B. D o l a t a. Indeks dat wyzwolenia niektórych miejscowości polskich w latach 1944—1945 przez Armię Radziecką i ludowe Wojsko Polskie. Warszawa, 1961. Dodatek do WPH, 1961, № 2; Ero же. Wyzwolenie Opolszczyzny przez Armię Radziecką w roku 1945. Opole, 1965; Ero же. Wyzwolenie Polski 1944—1945. Działania wyzwolenicze Armii Radzieckiej i ludowego Wojska Polskiego. Warszawa, 1966; Ero же. Niektóre zagadnienia rozwoju radzieckiej sztuki operacyjnej. «Myśl Wojskowa», 1967, № 2;

¹ Szlak bojowy ludowego Wojska Polskiego. Praca zbiorowa, Warszawa, 1953; F. Zbiniewicz. Armia Polska w ZSRR. Warszawa, 1963; T. S t e p n i o w s k i. Z dziejów 2 armii Wojska Polskiego. Zarys formowania i organizacji. 1962.

² Cz. L i p k a. Historia 1 warszawskiej brygady pancерnej. Warszawa, 1956; I. B ł a g o w i e s z c z a ń s k i. Z dziejów 5 Pomorskiej BAC. Warszawa, 1957; J. P e t e l c z y c, E. W a n d y c z. Z dziejów 4 brygady inż. saperkiej. Warszawa, 1960; M. K l i b a ń s k i. Druga Łużycka dywizja artylerii. Warszawa, 1963; J. G o n c z a r s k i, J. M a l c z e w s k i. Czwarta przeciwpancerna. Warszawa, 1965; St. S z c z e p a ń s k i. Na saperskim szlaku. Z dziejów 1 warszawskiej brygady saperów. Warszawa, 1967.

³ Cz. L i p k a, M. T a r n o w s k i. Pancernym szlakiem. Szlak bojowy wojsk pancernych ludowego WP. Warszawa, 1953; M. M o n i s. Szlak bojowy ludowego lotnictwa. Warszawa, 1953; E. S z m a t o w i c z. Łączność — nerw armii. Warszawa, 1953; Z. J a ś t a k. Szlakiem wojsk chemicznych 1943—1945. Warszawa, 1966.

⁴ Organizacja i działania ludowego Wojska Polskiego w latach 1943—1945. Wybór materiałów źródłowych, t. 1—4. Warszawa, 1958—1965; Z zagadnień rozwoju ludowego Wojska Polskiego. Praca zbiorowa. Warszawa, 1964; St. K o m o r n i c k i. Regularne jednostki ludowego Wojska Polskiego. Formowanie, działania bojowe. Organizacja, uzbrojenie, metryki jednostek piechoty. Warszawa, 1965; W. J u r g i e l e w i c z. Organizacja ludowego Wojska Polskiego (22 VII—9 V 1945). Warszawa, 1968.

⁵ Wybrane operacje i walki ludowego Wojska Polskiego. Praca zbiorowa. Warszawa, 1957; A. J a s i ń s k i. Przełamanie

В результате широкого и кропотливого изучения боевого пути отдельных воинских частей народных вооруженных сил в годы войны были опубликованы работы по истории 40 полков Войска Польского в 1943—1945 гг.

Другой важной областью научной деятельности Института является изучение борьбы польского народа в оккупированной гитлеровцами стране. В этой области исследования, значительно более сложного как в отношении методики, так и самого показа событий по сравнению с анализом формирования и действия регулярных войск, была выполнена большая работа прежде всего по восполнению огромных пробелов в источниковедческой базе. В течение многих лет велась и в настоящее время ведется необычайно трудоемкая работа по сбору возможно большего количества сохранившихся после военных пожаров остатков документов и материалов, а также сотен воспоминаний деятелей подполья и фронтовиков. Эти материалы часто являются единственным источником для освещения отдельных событий и фактов и выявления связей между ними. Настойчиво собираются рассредоточенные и, к сожалению, главным образом фрагментарные материалы, отражающие всенародную борьбу с оккупантами; постепенно все полнее раскрывается картина патриотической, поистине героической борьбы военных организаций польского антигитлеровского подполья — отрядов Гвардии и Армии народной, Батальонов хлоских, Армии крайовой.

В результате собран значительный материал, являющийся базой как для уже опубликованных⁷, так и для готовя-

щихся к печати изданий по этой проблеме. Группа сотрудников Института изучает историю боевого сотрудничества польских и советских партизан в годы последней войны. Уже опубликован ряд исследований по указанной тематике⁸. Кроме того, Военно-исторический институт совместно с Институтом истории партии при ЦК КП Белоруссии и Институтом истории Академии наук БССР подготовил большой сборник воспоминаний польских и белорусских партизан «В едином строю», в котором рассказывается об их совместной борьбе с гитлеровскими оккупантами. Сборник находится в печати и выйдет одновременно в Варшаве и Минске в этом году.

История справедливой, оборонительной войны Польши против гитлеровского нашествия в 1939 г. отражена главным образом в виде публикаций документов и материалов, охватывающих основные

walk oddziału GL i AL im. J. Dąbrowskiego. Warszawa, 1966; E. Gronczewski. Kalendarium Gwardii Ludowej i Armii Ludowej na Lubelszczyźnie 1942—1944. Warszawa, 1966; B. Hilbrandt. Partyzantka na Kielecczyźnie 1939—1945. Warszawa, 1967; Dowództwo Główne GL i AL. Zbiór dokumentów z lat 1942—1944. Rozkazy, instrukcje, regulaminy. Oprac. W. Poterański, M. Turlejska, W. Tuszyński, M. Wilusz. Warszawa, 1967. Два последних издания подготовлены совместно с Институтом истории партии при ЦК ПОПН; Gwardia Ludowa (1942—1943). Materiały z symposium z dn. 19 V 1967. Warszawa, 1967.

⁸ M. Juchniewicz. Kowpakowcy w Polsce (luty — marzec 1944 r.). WPH, 1958, № 4; Ero же. Udział Polaków w Litewskim ruchu oporu w latach 1941—1944. WPH, 1968, № 1; Ero же. Z działalności organizacyjno-bojowej Gwardii Ludowej w obwodzie Lwowskim PPR-GL. WPH, 1968, № 4; Ero же. Udział Polaków w radzieckim ruchu podziemnym i partyzanckim na Litwie i Białorusi w latach 1941—1944. Warszawa, 1968; M. Juchniewicz. J. Tobiasz. Polsko-ukraińskie współdziałanie w ruchu podziemnym i partyzanckim w latach II wojny światowej. Warszawa, 1968; F. Zbiniewicz. Działania radzieckiego zgrupowania partyzanckiego «Czornego» na Lubelszczyźnie w 1944 r. Z historii współdziałania partyzantów polskich i radzieckich, WPH, 1959, № 3; E. Gronczewski. Udział jeńców i oddziałów radzieckich w lewicowym ruchu oporu na Lubelszczyźnie. Warszawa, 1962; J. Tobiasz. Polacy w partyzancie radzieckiej na Zachodniej Białorusi. WPH, 1964, № 3; Przez uroczyska Polesia i Wołynia. Wspomnienia Polaków uczestników radzieckiego ruchu partyzanckiego. Warszawa, 1962.

W. Wołoszyn. Na warszawskim kierunku operacyjnym. Działania I Frontu Białoruskiego i I armii WP, 18 VII—23 IX 1944. Warszawa, 1964; W. Tuszyński i B. Kobuszewski. Udział partyzantów i ludności cywilnej w ofensywie Armii Radzieckiej i Wojska Polskiego w 1945 r. WPH, 1965, № 1/2; E. Kozłowski i W. Ryżewski. Polskie formacje rewolucyjne w Rosji w świetle dokumentów. WPH, 1967, № 4; F. Zbiniewicz. Pomoc Armii Radzieckiej dla Polski w świetle dokumentów z lat 1944—1945. WPH, 1968, № 1; Ero же. Udział Armii Radzieckiej w rozminowaniu Warszawy, Radomia, Krakowa, Łodzi i Gdańska. WPH, 1968, № 3.

⁷ W. Tuszyński. Walki partyzanckie w lasach Lipskich, Janowskich i Puszczy Solskiej. Czerwiec 1944. Warszawa, 1954; Wspomnienia żołnierzy Gwardii i Armii Ludowej. Zebrali i przygotowali J. Garas, T. Tarnogrodzki, B. Kobuszewski, Cz. Gołębek. Warszawa, 1958, wyd. 2, 1962; J. Garas. Oddziały Gwardii Ludowej i Armii Ludowej 1942—1945. Warszawa, 1963; B. Kobuszewski. Między Wisłą a Przemszą. Z

проблемы, но, к сожалению, еще не совсем полно раскрывающих картину исторических событий⁹.

Издана большая работа, представляющая собой попытку синтетического освещения истории освободительной войны польского народа в 1939—1945 гг.¹⁰ В подготовке ее участвовали многие сотрудники Института. Это первая работа такого рода и этим определяется ее значение.

Во время празднования 15-й, а потом и 20-й годовщины создания народного Войска Польского Институт совместно с Польской академией наук были организованы научные сессии, посвященные освободительной войне польского народа в 1939—1945 гг. В сессии, приуроченной к 20-летию Войска Польского, участвовали военные историки СССР, ВНР, ГДР, ЧССР и СРР. Материалы обеих сессий были опубликованы отдельными изданиями¹¹.

Для изучающих историю второй мировой войны и освободительной войны польского народа в 1939—1945 гг. Институт издал две больших библиографии¹².

⁹ Westerplatte. Wspomnienia, relacje, dokumenty. Oprac. Z. Flisowski. Warszawa, 1959; A. R z e r n i e w s k i. Obrona Wybrzeża w 1939 r. Przygotowania i przebieg działań. Warszawa, 1964; Problemy wojny obronnej Polski w 1939 r. Materiały z sympozjum 4—5 IX 1964. Warszawa, 1965; Materiały z konferencji naukowej, poświęconej zbrodniom Wehrmachtu popełnionym na ziemiach polskich w czasie drugiej wojny światowej 1939—1945. Warszawa, 1967; Wojna obronna Polski 1939. Wybór źródeł. Oprac. M. Cielewicz, T. Jurga, A. Rzepniewski, W. Ryżewski, P. Stawicki pod kier. E. Kozłowski. Warszawa, 1968; Obrona Warszawy w 1939 r. Wybór dokumentów wojskowych. Oprac. M. Cielewicz. Warszawa, 1968.

¹⁰ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945. Węzłowe problemy. Współdziałł W. B i e g a Ń s k i i inni. Изд. 1. Warszawa, 1963; Изд. 2. Warszawa, 1966.

¹¹ Sesja naukowa poświęcona Wojnie wyzwoleniczej narodu polskiego 1939—1945. (Materiały). Warszawa, 1959; Изд. 2. Warszawa, 1961; 20 lat ludowego Wojska Polskiego. II Sesja naukowa poświęcona Wojnie wyzwoleniczej narodu polskiego 1939—1945. Warszawa, 1967.

¹² Bibliografia wojskowa II wojny światowej. Materiały za lata 1939—1958. Część polska. Oprac. F. Czaplicka, J. Kapuścik, K. Szczepańska, K. Wyżyński, B. Zielińska. Warszawa, 1960; Bibliografia walki wyzwoleniczej narodu polskiego przeciw hitlerowskiemu okupantowi 1939—1945. Materiały z lat 1945—1960.

Значительные успехи достигнуты Институтом в разработке проблем военной истории и военного дела более ранних периодов. Исследованы многие вопросы военного дела, начиная со времени борьбы с нашествиями немецких феодалов в XI в. и татарских завоеваний в XIII в., войн с крестоносцами в XIV—XVI вв., до периода национальных восстаний XVIII—XIX вв. и военной деятельности СДКПиЛ в начале XX в. Подготовлена при участии ведущих историков нашей страны синтетическая история военного дела в Польше с X в. до 1864 г.¹³

Институт издает два военно-исторических журнала: кварталник «Wojskowy Przegląd Historyczny» (с 1956 г.), в котором публикуются материалы по вопросам новейшей военной истории, главным образом, польской, и «Studia i materiały do historii wojskowości» (с 1954 г.), освещающий проблемы польской и всемирной истории военного дела в давних времен до 1914 г. (в последнее время выходит два раза в год). До конца 1968 г. вышло 48 томов «Wojskowego Przeglądu Historycznego» и 14 томов «Studjów i materiałów do historii wojskowości».

В связи с новыми задачами, поставленными перед Институтом, в конце 1968 г. был разработан перспективный план исследований, в котором наряду

Oprac. F. Czaplicka, J. Kapuścik, K. Szczepańska, B. Zielińska. Warszawa, 1961.

¹³ Важнейшие издания: S. K u c z y Ń s k i. Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409—1411. Warszawa, 1955; Изд. 2. Warszawa, 1960 и изд. 3, Warszawa, 1966; S. K r a k o w s k i. Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII w. Warszawa, 1956; J. P a w ł o w s k i. Wojskowa działalność SDKPiL w rewolucji 1905—1907. Warszawa, 1956; J. W i m m e r. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej 1700—1717. Warszawa, 1956; Ero же. Wojsko Polskie w drugiej połowie XVII w. Warszawa, 1965; A. Z a c h o r s k i. Uzbrojenie i przemysł zbrojeniowy w Powstaniu kościuszkowskim. Warszawa, 1957; E. K o z ł o w s k i. Generał Józef Bem. Warszawa, 1958; Ero же. Bibliografia powstania styczniowego. Warszawa, 1964; A. G r a b s k i. Polska sztuka wojenna w okresie wczesnofeudalnym. Warszawa, 1959; J. W o ł i ń s k i. Z dziejów wojny i polityki w dobie Jana Sobieskiego. Warszawa, 1960; A. G r u s z e s k i. Bastionowe zamki w Małopolsce. Warszawa, 1962; J. K o w e c k i. Pospolite ruszenie w insurekcji 1794. Warszawa, 1963; A. K e r s t e n. S. Czarnecki 1599—1665. Warszawa, 1963; Zarys dziejów wojskowości polskiej do roku 1864, t. 1—2. Warszawa, 1965—1966; M. B i s k u p. Trzynastoletnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1454—1466. Warszawa, 1967.

с существующей научной проблематикой, предусматривается и изучение в широком масштабе и всемирной военной истории новейшего времени и современного периода. В рамках этого направления начаты работы по написанию истории братских армий социалистических стран, в первую очередь истории Вооруженных Сил Советского Союза и польско-советского братства по оружию. Сделаны первые шаги в области изучения истории Чехословацкой Народной Армии, а также Национальной Народной Армии ГДР.

Придавая особое значение вопросу укрепления польско-советского братства по оружию и ознакомлению польского населения с историей Советской Армии, Институт намеревается в возможно короткий срок подготовить научно-популярное издание на тему «50 лет Советских Вооруженных Сил, 1918—1968 гг.», предназначенное для массового читателя. Одновременно ведется работа над информационными изданиями: «Важнейшие операции Советских Вооруженных Сил в 1918—1968 гг.», «Важнейшие операции Красной Армии на территории Польши в 1944—1945 гг.», а также «Летопись Советских Вооруженных Сил с учетом польской проблематики в 1918—1968 гг.». Собираются необходимые материалы для научно-популярной книги о создании и развитии братской Чехословацкой Народной Армии.

Начато изучение войны в районе Ближнего Востока, военных проблем Дальнего Востока, планируются исследования и по другим современным войнам.

Необычайно важное значение для нашего народа, пережившего трагедию гитлеровской оккупации и глубоко осознающего опасность новой агрессии со стороны ФРГ, имеет проблематика современного империализма и немецкого милитаризма. В связи с этим Институт занялся изучением истории бундесвера, стремясь показать его истинный облик, как главного оплота военной системы Атлантического пакта на нашем континенте, как главной агрессивной силы в Европе и разоблачить так называемую «новую восточную политику» ревашистов из ФРГ. Коллектив авторов уже работает над очерками по истории бундесвера.

К новым направлениям научной деятельности Института относится изучение военного опыта польских вооруженных сил в годы минувшей войны, особенно богатого опыта партизанской борьбы в Польше. Планируются исследования по вопросу военно-организационной структуры польского партизанского движения и тактики партизанской войны против захватчиков в условиях середины XX в., а также изучение методов и направления деятельности военных конспиративных организаций. Будут проанализированы организация командования, ведение боевых действий отрядами, тактическими и

оперативными соединениями, главными родами войск и служб Войска Польского. Будет изучен опыт политико-воспитательной работы в частях народной армии в 1943—1945 гг. Составной частью исследований явится анализ форм и правил борьбы армии с реакционным вооруженным подпольем в Польше после окончания войны.

В научно-исследовательских планах Института особое место занимает приближающаяся 100-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина. Как и в других социалистических странах, эта годовщина будет торжественно отмечаться и в Польше. Подготавливаются работы, в которых будет показана огромная роль ленинской мысли в развитии разных областей человеческих знаний. Для ознакомления польского читателя с вкладом В. И. Ленина в развитие революционной мысли и военного дела Институт разрабатывает тему «Марксистская теория войны и армии в работах В. Ленина». Результаты этого исследования будут доложены на научной сессии, посвященной ленинской годовщине и опубликованы в 1970 г. в специальном издании.

По плану Института намечается подготовка ряда синтетических трудов и тематических монографий по истории второй мировой войны, проблемам, связанным с оборонительной войной Польши в 1939 г., действиями народного Войска Польского, польских вооруженных сил на Западе и военных организаций движения Сопротивления внутри страны. Предусматриваются работы о партизанской кампании на оккупированной польской территории в 1943 и 1944 гг., об организации и боевых действиях Польской армии в СССР, 1-й и 2-й армий, танкового корпуса, авиационных частей и нескольких тактических соединений Войска Польского.

На рубеже 1968/1969 гг. начаты исследования по истории народного Войска Польского после 1945 г., охватывающие комплекс таких важных вопросов, как: 1) переход армии на мирные условия, 2) участие Войска Польского в революционных преобразованиях в стране и укреплении народной власти (участие в важнейших политических кампаниях, охрана границы, борьба с реакционным вооруженным подпольем); 3) роль Войска Польского в восстановлении народного хозяйства (размещение территории страны, участие в освоении Западных и Северных земель, в восстановлении промышленных объектов).

Институт подготавливает несколько трудов обобщающего характера по истории первой мировой войны, восстания в Великой Польше в 1918—1919 гг., а также монографии по проблемам истории военного дела в Польше в межвоенный период. Планируются исследования в области истории военного дела прошлых

времен: работы по истории польской артиллерии и пехоты; революционной войны 1794 г., военного дела в Речи Посполитой в XVI в., польско-турецкой войны конца XVII в. и др.

Один из важных вопросов, имеющих решающее значение для развития научной деятельности Института — постоянная забота о повышении квалификации научных кадров, о систематическом углублении и совершенствовании их знаний. Большинство научных сотрудников — дипломированных офицеров — получило дополнительное историческое образование. Многие из них обучаются в аспирантуре военных или гражданских высших учебных заведений Варшавы и подготавливают диссертационные работы.

Научная жизнь в самом Институте развивается по нескольким направлениям. Действующий наряду с Ученым советом Института руководящий рабочий орган — Коллегия — решает текущие организационные вопросы и, обсуждая на своих заседаниях актуальные научные проблемы, определяет как общие направления работы, так и конкретные задачи для отдельных коллективов сотрудников. В отделах Института проводятся научные заседания, на которых рассматриваются работы отдельных сотрудников, новейшие польские и зарубежные исторические издания, решаются текущие вопросы научной работы коллектива.

Систематически организуются лекции-беседы, особое место в тематике которых занимает вопрос о применении марксистской методологии методики и в исторической науке вообще и в истории военного дела в частности. Такие беседы способствуют углублению знаний, здесь происходят оживленные дискуссии, обмен мнениями по вопросам, возникающим в ходе научно-исследовательской работы. В ходе лекций-бесед коллективно вырабатываются наиболее удачные и правильные решения актуальных научных проблем.

Институт организует конференции и симпозиумы. В связи с 50-й годовщиной создания Советской Армии был проведен симпозиум на тему «Польско-советское братство по оружию в партизанском движении». Осенью 1968 г. состоялся симпозиум о бундесвере с участием специалистов из ГДР.

За 20 лет работы Институтом была создана значительная собственная историко-ведческая база — архив. Материалы архива используются сотрудниками Института и других научных учреждений в стране и за рубежом.

Важное место в деятельности Института занимает его научная библиотека, а также библиографический центр и центр научной информации. Библиотека является специальным отделом, главная функция которого заключается в обеспечении

научно-исследовательских отделов необходимым материалом. Она непрерывно пополняется изданиями по польской и всемирной военной историографии, особенно работами, относящимися к периоду второй мировой войны, и в настоящее время считается одной из самых богатых в Польше по количеству и разнообразию работ по этому периоду. Ежемесячно библиотека издает бюллетень новых поступлений, а также библиографические справочники под названием «Бюллетень библиотеки и библиографии ВИИ». Она осуществляет обмен изданиями с 9 библиотеками в СССР, а также с 21 подобным учреждением в социалистических странах и других государствах и посылает издания Института по мере выхода из печати в 50 научных учреждений за рубежом. Центр научной информации в настоящее время располагает большой картотекей информационных библиографических материалов, составленной по систематическому и алфавитному принципу. Принимаются меры для усовершенствования методов научной работы с использованием достижений новейшей техники, в частности математических машин в области научной информации.

Сотрудники Института систематически проводят консультации по отдельным проблемам, рецензируют работы, научные публикации и статьи в рамках сотрудничества с другими научными учреждениями, издательствами, редакциями журналов. Значительная работа была проделана в связи с большим переводом 6-томного издания «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.»

Институт сотрудничает с военными академиями, Институтом истории ПАН, Институтом истории партии при ЦК ПОРП, Варшавским университетом, Центральным военным архивом и Издательством Министерства национальной обороны. Организуются совместные научные конференции, симпозиумы и совещания, готовятся к печати совместные работы, развивается также сотрудничество в области взаимного рецензирования и редактирования отдельных работ.

Сотрудники Института принимали деятельное участие в проведении мероприятий, посвященных крупным историческим событиям — 50-летию восстановления независимости Польши, 50-летию КПП, 25-й годовщине Войска Польского, 50-летию Советской Армии, активно участвуют в лекционной работе, выступают с докладами в военных округах и частях, на предприятиях и в учреждениях.

Институт организует военно-исторические походы к памятным и историческим местам, на места известных сражений в минувшую войну и в более отдаленные времена. Эти походы имеют важное воспитательное и научное значение. Инсти-

тут помогает Министерству национальной обороны в проведении подобных мероприятий. В 1968 г. состоялись три военно-исторических похода за границы Польши — два на территорию ГДР по боевому пути 1-й и 2-й армий Войска Польского, а один — на территорию СССР, на поле битвы под Ленино.

Институт поддерживает и развивает научные связи с родственными институтами и другими научно-историческими учреждениями в социалистических странах. Сотрудники Института выезжают в научные командировки, главным образом для сбора архивных материалов в СССР, ГДР, ВНР и СРР. Укрепленно сотрудничество с зарубежными учреждениями

служат также визиты в Польшу историков социалистических стран. В прошлом году Институт посетили историки из СССР, ГДР, НРБ, ЧССР. В начале 1969 г. в Институте побывали научные сотрудники из Института военной истории Министерства Обороны Советского Союза. Встречи и беседы способствовали тому, что редкие до этого времени контакты преобразились в постоянную связь с военными историками СССР, в более тесное сотрудничество в научно-исследовательской работе, которое является полезным для обеих сторон.

Фридерик Збиневиц

ЛЕНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР за последнее время выявлено немало новых материалов, раскрывающих личные связи В. И. Ленина с деятелями революционного движения стран Центральной и Юго-Восточной Европы, влияние его трудов на развитие рабочего движения в этих странах, его воздействие на культурную жизнь, на творчество многих представителей интеллигенции зарубежных славянских и сопредельных народов. Эти материалы представляют несомненный научный и политический интерес и в какой-то мере пополняют Лениниану.

Для того, чтобы в самый короткий срок сделать эти материалы доступными широкому кругу лиц, для того чтобы ввести их в научный оборот еще в ходе подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и до выхода в свет соответствующих научных трудов, по инициативе институтской организации общества «Знание» был задуман и начал осуществляться цикл Ленинских чтений, особенностью которых является то, что его участники, как правило, рассказывают о новых или малоизвестных документах, обнаруженных ими в процессе личной исследовательской работы.

Первые чтения состоялись в апреле 1969 г.

Заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС проф. А. А. Соловьев, указав на большую работу, проводимую Центральным партийным архивом по дальнейшему выявлению ленинских документов, в своем выступлении обрисовал облик Ленина как мыслителя, величие и значение которого было высоко оценено даже теми выдающимися прогрессивными современниками Ленина, которые не разделяли его взглядов.

В сообщении д-ра ист. наук А. Х. Клеванского «В. И. Ленин и Б. Шмераль»

после рассказа о распространении трудов В. И. Ленина в Чехословакии и их влиянии на развитие марксистского авангарда рабочего класса на основе ряда новых и малоизвестных материалов, разысканных автором, раскрыто значение личных бесед В. И. Ленина с чехословацкими революционерами на завершающем этапе борьбы за создание КПЧ.

Канд. ист. наук С. М. Фалькович в выступлении «В. И. Ленин и Краковский союз помощи политическим заключенным» показала активное сотрудничество В. И. Ленина с этой общественной организацией. В выступлении были приведены интересные сведения об участии В. И. Ленина в издании печатного органа «Краковский Союз», о помощи В. И. Ленина в установлении связей Союза с русской эмиграцией, в предоставлении надежных адресов для укрытия революционеров, пользовавшихся помощью Союза, и т. д.

Младший научный сотрудник М. Н. Черных рассказала о статье Ю. Мархлевского «В. И. Ульянов-Ленин. 1870—1920», опубликованной в 1920 году в связи с 50-летием В. И. Ленина в выходившей в Москве польской газете «Трибуна Коммунистична». Статья, представляющая собой краткий биографический очерк, не была до сих пор зафиксирована в ленинской библиографии ни в СССР, ни в Польше. Написанный человеком, близко знавшим В. И. Ленина, очерк Ю. Мархлевского является одной из первых самостоятельных работ польских авторов о Ленине, общая направленность которой отвечает современному научному уровню разработки биографии В. И. Ленина. Статья особенно интересна тем, что Ю. Мархлевский лаконично, но выразительно сумел раскрыть некоторые черты ленинского характера.

В выступлении канд. искусствоведения Е. П. Львовой были раскрыты исто-

ки болгарской Лешиняны в области изобразительного искусства. Особое внимание слушателей привлек рассказ о воспоминаниях известного болгарского графика Крума Кюлявкова, в которых очень образно воссозданы встречи и разговоры художника с В. И. Лениным в 1921 г. на заседаниях III конгресса Коминтерна.

Канд. ист. наук А. А. Язькова в сообщении «В. И. Ленин и некоторые вопросы внешней политики Румынии (1918—1919 гг.)» затронула проблемы истории советско-румынских отношений в первые годы после Октябрьской революции. Были приведены малоизвестные документы о позиции Советского правительства и лично В. И. Ленина по отношению к буржуазно-помещичьему правительству Румынии в связи с его агрессией против молодой Советской Республики.

Публицист Г. Е. Хаит поделился опытом разысканий материалов, содержащих сведения о людях, с которыми в 90-е годы встречался В. И. Ленин.

Выступление канд. филол. наук С. А. Шерлашовой было посвящено образу В. И. Ленина в чешской поэзии 20-х годов. В обширной поэтической Лениниане особую ценность составляют первые отклики, первые попытки воссоздать художественными средствами образ вождя Великой русской революции.

Чешские поэты разных поколений и разных литературных школ обращаются

в 20-е годы к этому образу, который воплощает для них своеобразие и историческое значение подвига русского пролетариата. Волькер, Нейман, Незвал, Томан, Сейферт — каждый из них понимает образ Ленина по-своему. В их стихах нет смысла искать отражения реальных черт личности В. И. Ленина, по анализ их произведений расширяет и углубляет представление о восприятии Октябрьской революции в Чехословакии, о характере новой чешской поэзии XX века, отражавшей революционный порыв народа, вдохновленного Великим Октябрем и лично Лениным. Даже К. Томан — поэт старшего поколения, стоявший в стороне от пролетарской поэзии, отразил подлинно народное восприятие образа Ленина. В стихах на смерть Ленина он писал: В этот день не погасло солнце — умер человек.

Но он был так велик, что земля закачалась, как ладья, из которой гребец выскочил на берег...

Для крупнейшего революционного поэта С. И. Неймана: Ленин — вершина, мы — только поле битвы...

Первые Ленинские чтения, по общему мнению присутствовавших, оказались удачным и интересным пополнением Ленинианы.

М. Черных

К 50-ЛЕТИЮ СЛОВАЦКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

17 июня 1969 г. состоялась совместная сессия Ученых советов Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института всеобщей истории АН СССР. На сессии присутствовали: министр культуры Словацкой Социалистической Республики М. Валек, сотрудники Посольства ЧССР в Советском Союзе И. Тауфер, Я. Никл и словацкий историк И. Шкурло.

С приветствием к участникам научной сессии обратился министр культуры Словакии М. Валек, отметивший значение Словацкой Советской Республики в истории Чехословакии. Затем он кратко охарактеризовал современное положение в Чехословакии.

С докладом на тему «50 лет со дня образования Советской Республики в Словакии» выступила канд. ист. наук В. В. Марьяна. Отметив огромное влияние Великой Октябрьской социалистической революции на разветвление революционной борьбы в Центральной Европе, В. В. Марьяна рассказала о создании Словацкой Советской Республики, первой пролетарской власти в Чехословакии, о революционных преобразованиях в стране, о приветственной телеграмме

В. И. Ленину, направленной Революционным правительственным советом, о руководителе Совета А. Яноушке, об исследованиях чехословацких марксистских историков по этой проблеме. Отсутствие политического опыта у словацкого рабочего класса, особенно проявившееся по вопросу распределения конфискованной помещичьей земли и, главное, вооруженная империалистическая интервенция — вот основные факторы, обусловившие поражения революционной власти в Словакии.

В докладе канд. ист. наук Т. М. Исламова «Интернациональная солидарность Венгерской и Словацкой советских республик» указывалось, что Венгерская Советская Республика безоговорочно признала не только право словацкого народа на самоопределение, но и государственное единство Чехословакии. Трудящиеся Венгрии и Словакии совместно боролись за дело пролетариата в венгерской Красной Армии.

На сессии выступил заведующий отделом Института истории Коммунистической партии Словакии И. Шкурло. Подчеркнув, что события июня 1919 г. в Словакии следует рассматривать как резуль-

тат революционного подъема, начавшегося в мире под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, он затем рассказал о научной конференции, состоявшейся в Прешове в начале июня 1969 г. и посвященной 50-летию Словацкой Советской Республики.

Сотрудник Посольства ЧССР Я. Никл поблагодарил участников научной сессии за внимание, проявленное к знаменательному событию в истории Чехословакии.

Т. П. Блинова

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН МГУ

25-летию народной Польши было посвящено торжественное заседание кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, состоявшееся в марте 1969 г. В актовом зале факультета собрались преподаватели кафедры и студенты, специализирующиеся в области истории зарубежных славянских стран, а также преподаватели, сотрудники и студенты других кафедр исторического факультета. В заседании приняли участие сотрудники Посольства Польской Народной Республики в СССР А. Слиш и А. Пишгоньский, доц. Лодзинского университета Ю. Смяловский.

Зав. кафедрой И. А. Воронков рассказал о подготовке историков-полонистов в МГУ и научных связях кафедры с учеными Польши. Польские ученые оказывают большую помощь кафедре в углублении специализации по истории Польши (читают спецкурсы, выступают с докладами и сообщениями, рецензируют научные труды кафедры и т. д.). Все это, а также налаживающийся в последние годы обмен студенческими группами является вкладом в укрепление братских отношений между советским и польским народами.

С докладом о 25-лети Польской Народной Республики выступила доц. И. М. Белаяская. В докладе были охарактеризованы борьба ППР за преобразование польского общества. Деятельность ПОРИ, направленная на подъем благосостояния и культуры народа, ее идео-

логическая работа, укрепление дружбы с Советским Союзом и КПСС служат верной гарантией нерушимости советско-польского братского сотрудничества.

С сообщениями выступили бывшие студенты кафедры: М. И. Леншина рассказала о стратегии и тактике ППР в 1942—1943 гг. и Н. Хайретлинов — о связях Московского университета с высшими учебными заведениями Польши, особенно после заключения в 1958 г. договора о культурном и научном сотрудничестве между МГУ и Варшавским университетом.

Сотрудник Польского посольства в Москве А. Слиш поблагодарил собравшихся за теплый прием и интерес к жизни польского народа и призвал студентов использовать полученные в стенах университета знания для благородного дела — упрочения братского сотрудничества польского и советского народов. Студент IV курса Н. Бахурин поделился своими впечатлениями о поездке группы студентов в Польскую Народную Республику летом 1968 г. Студенты IV курса А. Дворецкая и Т. Мартынова прочитали на польском языке стихи Ю. Тувима и В. Броневского. В заключение состоялся просмотр польских документальных фильмов, посвященных различным проблемам развития народной Польши.

В зале заседания была устроена выставка дипломных работ, защищенных на кафедре истории южных и западных славян в последние годы.

И. В. Созин

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

18—20 марта 1969 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялся третий симпозиум по проблеме «Дранг нах Остен и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы».

В работе симпозиума приняло участие свыше 30 сотрудников научных учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Воронежа, Риги и других городов Советского Союза. В симпозиуме участвовал также и гость из ГДР профессор Лейпцигского университета Ф. Гентцен.

В докладе В. К. Волкова «Основные этапы развития славяно-германских отношений в XIX—XX вв.» были рассмотрены основные вопросы и периодизация намечаемого II тома коллективного труда по этой проблеме. Главное внимание докладчик уделил формированию немецкого буржуазного национализма и его эволюции в период империализма (пангерманизм, гитлеризм) в связи с развитием экспансионистских планов германской империалистической буржуазии; взаимосвязи этих процессов с развитием национального самосознания и буржуаз-

ного национализма у славянских народов. В. К. Волков подчеркнул, что развитие буржуазного национализма, как следствие обострения национальных антагонизмов, явилось серьезным препятствием на пути формирования идеологии пролетарского интернационализма.

И. И. Поп в докладе «Срединная Европа» в планах кайзеровской Германии в период первой мировой войны показал, как столкнувшись в 1915—1916 гг. с серьезными трудностями в достижении своих агрессивных целей, правящие круги Германии пытались осуществить свои планы в более ограниченном варианте (проект «Срединной Европы»), т. е. путем создания таможенного союза под эгидой Германии, который закрепил бы политическую гегемонию германского империализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Доклад А. Ф. Носковой «Военные цели гитлеровской Германии на Востоке» был посвящен планам немецкого империализма в годы второй мировой войны. Гитлеровцы стремились превратить Европу в колонию Германии, немедленно или постепенно уничтожить ряд славянских и неславянских народов, их территории заселить немецкими колонистами; оставшееся местное население превратить в рабов III рейха. В дальнейшем, с достижением гитлеровской Германией мирового господства та же участь должна была постигнуть и многие другие народы мира.

В докладах М. С. Вослеского «Агрессивный курс ФРГ на современном этапе. Новая восточная политика» и проф. Ф. Гентцена «Проблемы советологии и восточная политика ФРГ» были рассмотрены основная политическая линия ФРГ и тактические приемы, которые стали применяться западно-германскими и американскими деятелями после того, как стал очевидным крах политики с позиции силы, традиционной для правительства Аденауэра, и констатировалось, что основные цели западно-германских реваншистов — пересмотр границ, территориальная экспансия на восток, в страны социалистического лагеря — остались прежними, и в этом смысле нельзя говорить о каких-то существенных переменах в «восточной» политике ФРГ. Вместе с тем было отмечено,

что значительно изменились тактические планы и приемы правящих кругов Западной Германии, которые теперь направлены прежде всего на то, чтобы нарушить единство социалистических стран и ликвидировать социалистический строй и подчинить их германской буржуазии. Этой цели служат, как указывал проф. Ф. Гентцен, различные схемы «либерального» и «национального» коммунизма, в выработке которых активную роль играют американские пропагандистские центры.

М. А. Бирман осветил вопрос «Германская дипломатия и Балканский союз в 1912 г.», Н. Д. Ратнер рассказала об отношении царской дипломатии к национальным противоречиям в габсбургской монархии конца XIX в., И. И. Лещиловская — о связях иллиризма с немецкой общественной мыслью и культурой.

Вопросы историографии славяно-германских отношений рассматривались в докладах и сообщениях Г. Э. Сапчука «Славяно-германские отношения периода феодализма в историографии ГДР», В. А. Глинского «Польская историография о польско-немецких отношениях в период революции 1848 г.», Т. Ю. Григорьянц «Немецкая оккупация западных польских земель в польской историографии и историографии ГДР», А. И. Рогова «Славяно-германские отношения в освещении современной польской эмигрантской литературы» и др.

Участники симпозиума обсудили prospect первого тома «Дранг нах Остен и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы», дали ему в целом положительную оценку; были высказаны пожелания, чтобы в дальнейшем при работе над изданием уделялось особое внимание таким вопросам, как роль царской России в международных отношениях в Европе XIX в., соотношение реакционных и прогрессивных течений в германской идеологии первой половины XIX в., степень и формы участия немецкого патрициата в феодальном «Дранг нах Остен», соотношение классового и национального моментов в освободительном движении славянских народов, направленных против германской феодальной (а затем капиталистической) экспансии.

Б. Флоря

СИМПОЗИУМ ПО ИСТОРИИ БАЛКАНСКОГО ГОРОДА

29—31 марта 1969 г. в Москве, в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялся симпозиум на тему «Балканский город в XV—XIX вв.». Организатором его выступила Комиссия по социально-экономической истории стран Юго-Восточной Европы — одна из научных комиссий Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы.

Возглавляет эту комиссию болгарский ученый, директор Института балканистики Болгарской академии наук Н. Тодоров.

С приветственным словом к участникам симпозиума обратился директор Института славяноведения и балканистики И. А. Хренов. Председательствовал на симпозиуме чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей.

С докладами выступили ученые-балканисты из Болгарии, Венгрии, Румынии, Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Югославии. В прениях принял участие также ряд членов Международного бюро Ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, сессия которого в те дни проходила в Москве. Большой интерес к работе симпозиума проявила советская научная общественность.

Тематика докладов в основном охватывала различные стороны жизни городов Юго-Восточной Европы в период турецкого господства. Ряд докладов несколько вышел за рамки этой проблематики — доклад Я. А. Левицкого (СССР) «Методология изучения истории средневековых городов» был посвящен общетеоретической проблематике средневековья, а в докладе С. А. Никитина «Болгарские города во второй половине XIX в.» были рассмотрены некоторые проблемы болгарского города после освобождения Болгарии.

Болгарские ученые сделали пять докладов и сообщений — «Дифференциация городского населения XVIII в. по спискам кадиев Видина, Софии и Русе» (Н. Тодоров), «Из истории основания дубровницких колоний в болгарских городах в конце XV в.» (В. Тышкова-Заимова), «Изменения городов Пловдива и Софии с архитектурной точки зрения (XIV—XIX вв.)» (В. Кожухаров), «Описание болгарских городов в дневниках венгерских путешественников XVII в.» (М. Бур-Марковска), «Костюм как признак социальной принадлежности городского населения XVIII в.» (М. Калицын).

С докладом «Проблемы венгерских городов XVI—XVII вв.» выступил Й. Переный (Венгрия).

Проблематике городов Молдавии и Валахии были посвящены доклады румынских ученых — «Режим собственности в

румынских городах и их административное устройство в XVII—XVIII вв.» (В. Джорджеско) и «Экономическая роль румынских городов в XVII—XVIII вв. в плане их связи с Юго-Восточной Европой» (К. Шербан).

Югославские ученые выступили с тремя докладами — «Торговля Белграда в XVI—XVII вв.» (Р. Самарджич), «Города в хорватских землях XIV в.» (Н. Клаич), «Роль горной промышленности в развитии городских центров Сербии и Боснии в первой половине XV в.» (Д. Ковачевич-Кочич). Югославской проблематике был посвящен доклад и советского историка М. М. Фрейденберга «Социальные связи и антагонизмы в далматинском городе XV—XVI вв.».

Доклад «Модель и зеркало балканского города (некоторые аспекты развития балканских городов XV—XVIII вв.)» сделал Т. Стоянович (США), попытавшийся нарисовать типологическую картину балканского города в условиях турецкого господства.

По докладом развернулась оживленная дискуссия, участники которой высоко оценили научные достоинства докладов, позволивших в ряде случаев сделать интересные сопоставления и выводы.

В ходе дискуссии были выдвинуты предложения по проблематике будущих симпозиумов Комиссии. Большой интерес вызвало предложение Й. Переный обсудить проблему «Роль Дуная в развитии экономических связей стран Центральной и Юго-Восточной Европы».

В заключительном выступлении президент Ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы Ф. Барияшич (Югославия) отметил большое научное значение симпозиума, прошедшего в духе дружбы и сотрудничества.

В. В. Зеленин

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ГЕРМАНО-СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИКЕ И ОНОМАСТИКЕ В ЛЕЙПЦИГЕ

Научный совет по проблеме «Германо-славянские исследования по ономастике и истории поселений» провел 24 апреля 1969 г. свою пятнадцатую ежегодную конференцию, послужившую к тому же поводом для подведения итогов проделанной работы. После приветствия в адрес конференции Р. Фишер отдал дань памяти недавно умершего многолетнего руководителя исследований в области германистики Т. Фринга.

Работа по собиранию и исследованию славянского ономастического фонда на территории Германской Демократической Республики за истекшие 15 лет значительно продвинулась, о чем, в частности,

свидетельствует внушительное число монографий. Ко дню конференции был издан 23-й том серии «Германо-славянских исследований по ономастике и истории поселений», два следующих тома находятся в производстве.

Конференция прошла под девизом «Ономастика и лексикология». Ф. Флейшер (Лейпциг) осветил проблему структуры немецкого ономастического фонда, который, как известно, будучи рассмотренным диахронически, имеет в своей значительной части славянское происхождение, так что даже уже поэтому для его исследования необходимо тесное сотрудничество германистов и славистов.

Г. Бергман (Лейпциг) посвятил свой доклад звуковому облику славянской реликтовой лексики, встречающейся в значительном объеме в немецких диалектах и немецком бытовом языке (например, слав. *нож* — нем. *Nusche*, слав. *лужа*, нем. *Lusche* и т. д.). Для фундаментального исследования проблематики реликтовой лексики, звуковых изменений и ее хронологии необходимо точное знание парадигматических категорий и синтагматических и прозодических структур обоих языков. Именно исследование реликтовой лексики призвано к тому, чтобы содействовать освещению культурных связей между славянами и германцами в древние времена.

После спротовавшегося показом диапозитивов доклада Х. Кнорра (Лейпциг), сообщившего об археологической находке из времен Меровингов, выступил гость из

Польской Народной Республики Г. Горнович (Гданьск). Его доклад был посвящен славянским двухчленным именам жителей определенных областей типа *Косободы*, *Жорношеки* в их связи с апеллятивами и личными именами. Этот давно известный топонимический тип встречается на территории ГДР в областях древней Лужицы и древнего Полабья и имеет большое значение для установления местонахождения зоны расселения древних славян.

Конференция вновь подтвердила, какое большое значение имеет славистика и германистика в ГДР для выявления германо-славянских отношений в раннефеодальную эпоху и какую большую поддержку этим исследованиям оказывает государство.

И. Шультгейс

К 1100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА

18 июня 1969 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась сессия, посвященная 1100-летию со дня смерти великого славянского просветителя Константина-Кирилла. Во вступительном слове зам. директора института И. М. Шенгунов охарактеризовал славянских первоучителей Кирилла и Мефодия как крупных общественных деятелей, подчеркнув их великую роль в деле создания славянской письменности.

В докладе канд. ист. наук А. И. Рогова «Константин-Кирилл — философ в культуре древней Руси» было обстоятельно показано значение Константина-Кирилла для древнерусской культуры. Имя Кирилла становилось знакомым древнерусскому человеку с того момента, как он начинал изучать азбуку, так как сказанием о ее создании начинались русские буквари. Древнейшие русские летописи обязательно включали в своей состав рассказ о Кирилле. На Руси воспроизводятся и перерабатываются его жития. Хорошо были известны на Руси и гимнографические произведения, прославлявшие Кирилла. Древнейшее изображение Кирилла сохранилось во фресковой росписи киевской Софии XII в.

Доклад канд. ист. наук Н. И. Толстого был посвящен проблеме глаголицы. Н. И. Толстой солидаризировался с теми исследователями, которые считают, что первой славянской азбукой была не кириллица, а глаголица. Он рассказал о гла-

голических надписях, обнаруженных под полом Новгородского и Киевского соборов во время археологических раскопок. Надписи датируются концом X — началом XI в. Малочисленность глаголических надписей (две были обнаружены еще В. Н. Щепкиным, теперь найдено еще шесть), а также то обстоятельство, что глаголица известна только в определенных церковных формулах («господи помози», «спаси господи») приводят докладчика к выводу о том, что глаголицей на Руси пользовались очень ограниченно.

Канд. фил. наук Т. И. Иванова в докладе «Соотношение глаголической и кириллической азбук (их общие черты и различие)», опираясь на кропотливый анализ порядка следования букв в обеих азбуках, их названий, числовых значений букв и т. д., приводит ряд убедительных аргументов в пользу первоначальности глаголицы.

Канд. фил. наук Л. П. Жуковская в докладе «Типологическое и текстологическое выявление наследия Константина-Кирилла» познакомила слушателей с теми трудностями, с которыми сталкивается филолог в своих усилиях восстановить на основании имеющихся рукописей протооригинал перевода евангелия, осуществленного в свое время самим Константином-Кириллом.

И. Бунина

П. В. ЛИНТУР

3 февраля 1969 г. скончался профессор кафедры русской литературы Ужгородского университета Петр Васильевич Линтур. Фольклорист и этнограф, критик и историк литературы, П. В. Линтур был образованнейшим ученым-славистом.

П. В. Линтур родился в 1904 г. в с. Горонда Мукачевского р-на в семье крестьянина. Высшее образование получил в Праге.

П. В. Линтур не щадил сил для осуществления мечты своего народа — воссоединения с Советской Украиной. Он был делегатом 2-го съезда Национальных комитетов, который принял решение о воссоединении. Заместитель председателя Народного Совета Закарпатья, зав. отделом искусств при облисполкоме, П. В. Линтур много сделал для развития народного образования и культуры Закарпатской Украины.

Талантливый преподаватель и одаренный ученый П. В. Линтур вносил в свои лекции, статьи и выступления яркий темперамент и силу убежденности. С каждым годом росло его признание не только в союзном, но и в международном масштабе. Его статьи и публикации печатаются в крупных журналах Советского Союза и за рубежом — в Чехословакии, Югославии, ГДР.

Исследованье межславянских связей стояло в центре волновавших его проблем. П. В. Линтур читает в университете спецкурс по истории литературы Польши, Болгарии, Югославии. Его многочисленные работы (20 книг и около 50 статей) отличаются ясностью мысли, глубиной научной аргументации и четкостью концепции.

Большую часть своих работ П. В. Линтур посвятил типологическому и сравнительно-историческому изучению фольклора Закарпатья. Он установил межславянскую традицию путем сопоставления украинских, западнобелорусских, польских, словацких и чешских произведений устного народного творчества и пришел к выводам о «сотворчестве» нескольких славянских народов. Собрание и публикация украинского фольклора были подчинены задаче определить связь закарпатского эпоса с общеукраинским и русским и доказать сохранившиеся тра-

диции общей матери восточнославянских народов — Киевской Руси. Ученый много и успешно собирал закарпатский фольклор, что позволило ему сделать ряд ценных публикаций («Новые записи балладной песни о сестре-отравительнице. Проблема происхождения балладной песни» и др.).

Обобщением этих трудов явилось выступление П. В. Линтура на V Международном съезде славистов в Софии в 1963 г. с докладом «Закарпатские балладные песни и их западнославянские связи» и его работа «Украинская народная баллада и ее восточнославянские связи».

Интересны работы ученого в области этнографии. В 1964 г. он выступал в Москве на Международном конгрессе этнографов и антропологов. Его статья «Состояние фольклорной традиции в Закарпатье» («Советская этнография», 1968, № 2) на обширном материале развивает идею единства украинцев Закарпатья с единокровными братьями на Востоке.

П. В. Линтур был глубоким знатоком и почитателем русской литературы. Он много сделал для осмысления связей русской литературы с литературой Закарпатья. В своих статьях на эту тему он ставит вопрос о роли древней литературы, творчества Ломоносова, Державина, Карамзина в творчестве закарпатских «будителей». На материале творчества А. Духновича, А. Павловича, И. Сильвая, Е. Фенцика, А. Митрака П. В. Линтур раскрывает своеобразие восприятия русской литературы, ее прогрессивных идей в Закарпатье. Этой проблеме посвящены его статьи «Державин и литература Закарпатья XIX ст.», «Традиции русского классицизма в литературе Закарпатья XIX в.», «Литературные традиции Древней Руси в творчестве закарпатских писателей XVII—XIX вв.», «Карамзин и Закарпатье».

Как педагог П. В. Линтур способствовал развитию интереса к русской литературе. Несколько изданий выдержали созданные им учебники и хрестоматии. То, что сделано П. В. Линтуром, прочно вошло в науку. В памяти знавших П. В. Линтура навсегда сохранится чистый образ человека высокой нравственной силы.

Т. В. Полянина

ЗЕНОН КЛЕМЕНСЕВИЧ

2 апреля 1969 г. на семьдесят восьмом году жизни трагически погиб известный польский ученый, действительный член Польской академии наук, профессор Ягеллонского университета, доктор Зенон Клеменсевиц.

Проф. Клеменсевиц был выдающимся ученым-лингвистом и педагогом, активным деятелем науки и просвещения. Предметом научных исследований проф. Клеменсевица был польский язык — его история, синтаксис, художественные стили. Свое научное творчество проф. Клеменсевиц тесно связывал с педагогической работой; его теоретическая и практическая деятельность способствовала значительному повышению уровня преподавания родного языка в школах и университетах Польши, его учебники и грамматики польского языка, его статьи по методике преподавания сыграли огромную роль.

Проф. Клеменсевиц долгие годы руководил «Обществом любителей польского языка» и его печатным органом — журналом «Польский язык». Он вел большую популяризаторскую работу в области культуры речи. Вопросы культуры речи особенно волновали его в последние годы. Известны и общепризнаны его работы по польской орфоэпии и орфографии.

Первые лингвистические труды проф. Клеменсевица, посвященные проблемам синтаксиса, относятся к 1926 г. Интерес к синтаксису З. Клеменсевиц вынес из школы проф. Лося, учеником которого он был. Изучению этого раздела науки о языке он отдаст годы работы, пишет цикл монографических исследований и создает книгу «Описательный синтаксис современного польского литературного языка» (1937). В ней автор исследовал систему польских синтаксических конструкций с совершенно новых теоретических позиций и дал определения различных типов синтаксических категорий. Время показало, что новые определения и новая терминология, впервые введенные З. Клеменсевицем, прочно вошли в научный обиход, а его работы стали значительной вехой в истории изучения синтаксиса польского языка. В 1954 г. вышел в свет «Очерк польского синтаксиса» З. Клеменсевица, который стал существенным вкладом в языкознание, хотя и был задуман как университетский учебник, содержащий основы синтаксиса.

Проф. Клеменсевиц работал также над историческим синтаксисом польского языка, нашел несколько очень интересных синтаксических работ в области исто-

рической диалектологии. Его очерк исторического синтаксиса вошел в «Историческую грамматику польского языка», которую вместе с ним писали Т. Лер-Славинский и С. Урбанчик. Для этого очерка был собран большой исторический материал, иллюстрирующий существовавшие в польском языке синтаксические конструкции, в том числе утраченные на раннем этапе развития.

Предметом исследований проф. Клеменсевица в послевоенные годы стала прежде всего история языка. Им написана история польского языка, содержащая богатую и обстоятельную информацию, касающуюся диалектной основы польского литературного языка, форм существования и развития общепольского языка, особенностей формирования единого литературного языка как средства развития национальной культуры.

В 1961 г. вышел из печати первый том «Истории польского языка», посвященный древнему периоду развития польского языка, а в 1965 г. — второй том, охватывающий среднепольский период (с начала XVI в. по семидесятые годы XVIII в.). Третий, последний том этого труда остался незавершенным. Проф. Клеменсевиц уделял весьма большое внимание внеязыковым факторам развития языка, его «внешней» истории, показав особенности политических и экономических условий, в которых возникал общепольский язык, проанализировав степень образованности общества, его социальный состав, роль латыни в средневековой школе, языковую политику духовенства. «Внутренняя» история языка, его системные изменения в сфере фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики также явились предметом тщательного изучения и описания. Это — первая научно-документированная история польского языка.

Перу проф. Клеменсевица принадлежит ряд работ в области изучения языка и художественного стиля писателей. Он исследовал язык Выпянского, Словацкого, Жегадловича и на основе этих исследований сделал значительный вклад в теорию художественных стилей. Его заслуги как лингвиста, организатора и руководителя научных исследований, деятеля народного просвещения достойно оценены польским правительством и общественностью.

Научное наследие проф. Клеменсевица высоко ценится как польскими, так и зарубежными славистами. Его память чтят и в Польше и за ее рубежами.

З. Стрекалов

CONTENTS

<i>Stojan Giurov</i> (Bulgaria). 25 years of the socialist revolution in Bulgaria. <i>E. Lvova</i> . From the history of the Soviet-Bulgarian artistic contacts and the Bulgarian Leniniana (the 20-ies — 30-ies of the XX century). <i>I. V. Ćurkina</i> . Matija Majar's political program in 1848. <i>V. M. Žigunov</i> . The Munich conspiracy and the Polish diplomacy. <i>O. P. Smola</i> . The Slav motifs in the early work of Aseev. <i>V. M. Mokienko</i> . The areal analysis of the local geographic terminology and its interpretation	3
---	---

Slavic studies abroad

<i>Milan Kudelka, Zdeněk Šimeček</i> (Czechoslovakia). The dictionary of the Czechoslovak Slavacits	69
---	----

PEOPLE, EUENTS, FACTS

<i>S. A. Vinogradov</i> . The problem of the establishment of the printing shop in the Serbian principedom in the thirties of the XIX century	76
---	----

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

<i>G. Ostrovskij</i> . The problem of the Kremenec art school	78
---	----

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

<i>A. S. Narrojevskij</i> . Soviet armoured troops in the fight for the liberation of Belgrade. <i>O. P. Valeva, M. I. Iljazin</i> . A periodic edition on the history of the Bulgarian trade-union movement. <i>V. Marjina, G. Muraško</i> . A schematic approach to an important problem. <i>B. S. Popkov, V. A. Djakov</i> . Marks, Engels i pol'skoe osvoboditel'noe dvizhenie. <i>I. V. Ćurkina, I. I. Leščilovskaja</i> . Illirizm. K istorii horvatskago nacional'nogo Vozroždenia. <i>A. P. Každan, Z. V. Rubcova, Ё. Займов</i> . Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. <i>Igor Belza</i> . Toporowski's new work on Puškin	81
--	----

Bibliography

The main articles and materials on the modern state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1969 (continued). The contents of foreign periodicals	99
--	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Fryderyk Zbiniwicz</i> (Poland). The Military-historical Institute of the Ministry of National Defence of the People's Republic of Poland. <i>M. Ćernyx</i> . The readings on Lenin. <i>T. P. Blinova</i> . On the 50-th Anniversary of the Slovak Soviet Republic. <i>I. V. Sozin</i> . On the chair of history of the southern and western Slavs of the Moscow University. <i>B. Flor'a</i> . The simposium on the Slav-German relations. <i>V. V. Zelenin</i> . The symposium on the history of the Balkan city. <i>J. Schultheis</i> (GDR). The conference on German-Slavonic toponimia and onomastics in Leipzig. <i>I. Bunina</i> . 1100 years from the day of Konstantin-Kirill's death	106
---	-----

<i>T. V. Poljanina</i> . P. V. Lintur	118
---	-----

<i>Z. Strekalova</i> . Zenon Klemensiewicz	119
--	-----

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Слано в набор 17/VI—1969. Т-11461	Подписано к печати 20/VIII 1969 г.	Тираж 1125 экз.
Зак. 2380 Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Усл. печ. л. 10,5 Бум. л. 3 ³ / ₄	Уч.-изд. листов 12,6

2-я типсграфия издательства «Наука» Москва Г-99, Шубинский

Ж 17
В ОРДЕНКА
Д 34/38 КВ 40
ТОЛСТОМУ Н И
70891
1-12

Р

Цена 1 руб.
Индекс 70891